

Источник: Отелло, венецианский мавр. Перевод П. Вейнберга. С предисловием Л. Полонского // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 3. С. 275-362.

Вильямъ Шекспиръ. Отелло, венеціанскій мавръ

(переводъ П. Вейнберга)

275

ОТЕЛЛО.

«По ясной мотивировкѣ дѣйствія, по опредѣленности и цѣльности своего строенія трагедія «Отелло» слыветъ у англичанъ наиболѣе совершеннымъ изъ произведеній Шекспира», говоритъ Баденшпедтъ, въ предисловіи къ своему замѣчательному переводу этой драмы. Маколей, отмѣчая въ этюдѣ о Данте, что высшимъ изъ земныхъ предметовъ изслѣдованія представляется самъ человѣкъ, прибавляетъ: «быть можетъ, величайшее изъ всѣхъ въ мірѣ произведеній, это – «Отелло».

Не всѣ, конечно, согласятся съ этимъ сужденіемъ, но едва ли среди людей, знакомыхъ съ древнею и новою литературой, найдутся многіе, которые бы не признали, что взглядъ, высказанный англійскимъ историкомъ, всетаки, имѣетъ серьезное основаніе.

Съ древнею греческою трагедіей «Отелло» имѣетъ то сходство, что въ немъ происшествія предопредѣляются всевластнымъ, неумолимымъ «рокомъ». Но надъ героями Шекспира господствуетъ и дѣлаетъ ихъ своими жертвами не тотъ отвлеченный и прихотливый рокъ, которому были подвластны сами классическіе боги. То былъ - рокъ предразсудка. У Шекспира – и въ «Отелло» съ большей, чѣмъ гдѣ либо ясностью и силой – судьба всеильна надъ людьми, но сама она создается ихъ природою, воспитаніемъ, взаимными контрастами, въ которые ихъ ставитъ случай, условіями, среди которыхъ они живутъ и дѣйствуютъ. Этотъ рокъ представляется какъ бы закономъ природы, который угаданъ геніемъ поэта и въ точности примѣненъ къ случайной комбинаціи данныхъ характеровъ и обстоятельствъ. Назовемъ этотъ рокъ «необходимостью». И необходимость не

менѣе жестокое и трагическое могущество, чѣмъ древнее «ананке», когда она сокрушаетъ надежды, стремленія, права, убѣж-

276

денія, сердца людей. Она-то и заставляетъ беззавѣтно любящаго Отелло умертвить Дездемону, которая изъ любви прощаетъ ему и его надругательство, и свою смерть.

Великій поэтъ узналъ изъ собранія новеллъ Джиральди Чинтіо, въ итальянскомъ подлинникѣ, появившихся въ Венеціи въ 1566 году, разсказъ о служившемъ въ венеціанскихъ войскахъ маврѣ, котораго добродѣтельная и благородная венеціанка чудной красоты полюбила за его военные подвиги и, выйдя за него замужъ, была съ нимъ счастлива, пока клевета на нее не возбудила его ревности. Получивъ командованіе венеціанскимъ отрядомъ на Кипрѣ, мавръ попалъ подъ вліяніе злого человѣка, который влюбился въ Дездемону, но, не снискавъ ея взаимности, сталъ подозрѣвать ее въ связи съ другимъ офицеромъ и свое подозрѣніе, изъ мести, сообщилъ мавру. При помощи хитростей, въ которыхъ играетъ роль и платокъ, подаренный мавромъ женѣ, злодѣй убѣдилъ мавра въ невѣрности его жены, самъ, по его же приказанію, тяжело ранилъ его мнимаго соперника и убилъ Дездемону въ присутствіи мужа, съ которымъ вмѣстѣ они потомъ разломали потолокъ въ комнатѣ и набросали обломки на трупъ, чтобы, такимъ образомъ, смерть Дездемоны объяснялась крушеніемъ потолка въ старомъ домѣ.

Мавръ однако не могъ переносить вида обвинителя и убійцы своей жены и уволилъ его изъ отряда. Тогда, по новому наговору злодѣя, мнимый соперникъ мавра, приписывая послѣднему покушеніе на свою жизнь, обвинилъ мавра передъ сенатомъ въ Венеціи какъ въ этомъ покушеніи, такъ и въ убійствѣ жены, а самъ виновникъ явился свидѣтелемъ. Мавръ былъ отправленъ въ ссылку, гдѣ его убили по наущенію родственниковъ Дездемоны, а злодѣй, подвергнутый пыткамъ во время допроса, какъ и мавръ, не выдержалъ и умеръ: «*tal fere Iddio vendetta della innocenza di Disdemona*», т. е. такъ Богъ взыскалъ съ него оклеветанную невинность жертвы.

Шекспиръ либо читалъ эту повѣсть въ оригиналѣ, либо отъ кого-нибудь узналъ ея содержаніе, такъ какъ переводы повѣсти явились гораздо позднѣе его «Отелло», написаннаго, по всей вѣроятности, въ 1604 г. Разсказъ не представлялъ ничего замѣчательнаго; онъ похожъ на всѣ современныя ему итальянскія новеллы, которыхъ интересъ заключается собственно въ приключеніяхъ. У Чинтіо, правда, на лицо всѣ фактическія данныя трагедіи: мавръ, Дездемона, злодѣй, его жена, красивая женщина, которая, будто бы, рассказала объ этомъ случаѣ автору; есть молодой офицеръ-красавецъ, на котораго падаетъ подозрѣніе мавра и которому клеветникъ перерѣзываетъ мускуль на ногѣ; наконецъ, главную роль въ обличеніи мнимой измѣны Дездемоны играетъ вышитый носовой платокъ. Все это есть у Чинтіо, только изъ всего этого и выходитъ не болѣе, чѣмъ заурядный разсказъ съ «уголовщиной».

Но этот случай попался на глаза великому поэту, который прозрѣлъ всю внутреннюю суть, всю борьбу страстей и глубину страданій, какія могли вмѣщаться въ такомъ происшествіи, вдохнулъ жизнь въ эти, едва намѣченныя образы и волшебствомъ своего генія создалъ изъ него роковую драму, въ которой то, что происходитъ, должно было произойти, не могло не произойти.

Какія данныя для трагической поэмы одной изъ самыхъ гибельныхъ страстей – ревности, неразрывно соединенной съ любовью! Любовь можетъ доводить человѣка до пожертвованія жизнью, а между тѣмъ, сама она – наполовину эгоизмъ. Это, наполовину, страсть къ другому существу за то, что оно отдалось намъ, что оно – наше, что оно предпочло насъ всѣмъ, что для него идеаль, міръ, жизнь представляются нашимъ «я».

Отелло любитъ Дездемону не только потому, что очарованъ ея «небесной» красотою, упоенъ ея «сладчайшимъ» тѣломъ, и не потому еще, что онъ, темнокожій, жаждетъ этой бѣлой «голубки», какъ ночь желаетъ дня» – по выраженію В. Гюго. Онъ всей душой любитъ ее еще за то, что она предпочла его всѣмъ, отвергла искательства многихъ соотечественниковъ, знатныхъ и красивыхъ венеціанцевъ, и его полюбила безгранично за его подвиги. «Она полюбила меня за пройденныя мной опасности, я полюбилъ ее за то, что она обо мнѣ жалѣла», – говоритъ Отелло передъ сенатомъ, объясняя, въ чемъ состояло то мнимое колдовство, какимъ онъ приворожилъ ее.

И вдругъ измѣна или подозрѣніе измѣны... Разрушается культъ той женщины, которую любовь сдѣлала священной, и вѣра въ себя, отъемлется высшее благо жизни, наносится смертельная обида, отымается сила и охота жить. «Но вѣдь я

277

люблю ее или иначе – хаосъ» – такъ борется Отелло съ первымъ подозрѣніемъ. А убѣждаясь въ мнимой измѣнѣ, онъ тотчасъ сознаетъ, что насталъ конецъ всему: «прощай спокойствіе, счастье! прощай война, и ржаніе коней, и рокоть орудій! Занятіе Отелло пропало».

Эту-то страсть, ревность, жажду разрушенія и въ то же время новое болѣзненное проявленіе любви поцѣлуями передъ убійствомъ, эту бездну разочарованія, обиды, паденія, злобы и мести предпринялъ изобразить великій поэтъ и въ пустой новеллѣ прозрѣлъ наиболѣе подходящий для своей цѣли типъ.

Передъ нами – полудикій, по рожденію, африканецъ, которому служба въ венеціанскомъ войскѣ, милость сената и высокое достоинство придали только наружный лоскъ, не усложнивъ, не искрививъ его простой, доброй природы и не обуздавъ ее наслѣдственнымъ воспитаніемъ въ компромиссахъ, самоанализѣ, критическимъ отношеніемъ къ другимъ и себѣ. Тѣмъ, кто снискалъ его довѣріе, онъ вѣритъ безусловно. Онъ вѣритъ женѣ, онъ вѣритъ «честному» Яго. Но когда Яго обвиняетъ его жену, Отелло не видитъ повода, чтобы Яго говорилъ ложь: женщина могла полюбить другого, тѣмъ болѣе, что этотъ другой – красавецъ Кассіо, ея единоплеменникъ, человѣкъ ея воспитанія, ея общества, изящный,

сладкорѣчивый, и Дездемона къ нему благосклонна, горячо о немъ ходатайствуетъ.

Отелло называетъ себя потомкомъ царей, онъ занимаетъ высокій постъ, онъ добръ по природѣ – все это необходимо имѣть въ виду при передачѣ его роли. Даже въ сценахъ бѣшенства необходимо соблюдать нѣкоторую, не скажемъ сдержанность, такъ какъ Отелло не помнитъ себя отъ страсти, но внѣшнюю эстетичность, которая свойственна Отелло, необходимо избѣгать слишкомъ рѣзкихъ криковъ и вульгарной жестикуляціи. Хорошо дѣлаютъ тѣ артисты, которые стараются выказать природную мягкость природы Отелло, его величественную осанку и простой, но полный достоинства тонъ – въ началѣ пьесы. Это согласно съ намѣреніями автора и усиливаетъ эффектъ того преображенія, какое происходитъ въ маврѣ подъ вліяніемъ страсти. Такъ дѣлалъ великій Кинъ, у котораго еще и слова прощанія Отелло съ войной и славой звучали нѣжной музыкой, а потомъ бѣшенство передавалось съ такимъ крайнимъ напряженіемъ нервовъ, что, какъ рассказываетъ Гаукинсъ въ «Жизни Кина», великій артистъ не могъ докончить роли, когда игралъ ее въ послѣдній разъ, и вскорѣ послѣ этого представленія умеръ.

Но дѣлать слишкомъ быстрый переходъ отъ величаваго спокойствія къ полной необузданности – эффектъ слишкомъ дешевый и не согласный съ мыслью великаго автора. Необузданность Отелло въ гнѣвѣ обнаруживается уже во второмъ актѣ, когда мавръ еще не слышалъ ни одного слова клеветы на Дездемону. Геніальный авторъ сознавалъ необходимость, чтобы уже задолго до катастрофы зритель понималъ, какъ неудержимо дѣйствуетъ на эту африканскую породу гнѣвъ, какъ въ состояніи гнѣва Отелло тотчасъ теряетъ мѣру. Вотъ почему уже во второмъ актѣ, когда Кассіо, которому порученъ надзоръ за караулами, самъ начинаетъ драку въ состояніи опьяненія и даже обнажаетъ оружіе противъ Родриго, Отелло, взбѣшенный простымъ нарушеніемъ дисциплины, произноситъ, очевидно чрезмѣрную угрозу: «первый, кто двинется, не цѣнитъ жизни и умретъ на мѣстѣ!» А затѣмъ, выслушивая неудовлетворительныя оправданія, Отелло, невольно самъ характеризуетъ себя: «ну клянусь небомъ, кровь у меня беретъ верхъ надъ разсудкомъ (*begins my sater guides to rule*) и страсть помрачаетъ во мнѣ здоровое сужденіе». Такимъ образомъ, въ этой сценѣ, которая необходима сама по себѣ для хода дѣйствія, Шекспиръ, очевидно, хотѣлъ заранѣе показать необузданность Отелло въ припадкѣ гнѣва, вызваннаго даже незначительнымъ поводомъ. А это было нужно потому именно, что только этой необузданностью, этой «кровью, которая беретъ верхъ надъ разсудкомъ и помрачаетъ здоровое сужденіе» и объясняется то, что мавръ такъ легко вѣритъ совершенно бездоказательнымъ доводамъ Яго. Онъ даже не призываетъ Кассіо къ отвѣту, что тотчасъ же порвало бы хитросплетенную, но гнилую сѣть клеветы Яго.

Надо прибавить, что Отелло, какъ мавръ, хотя уже христіанинъ, всегда жилъ среди европейскаго общества въ нѣкоторомъ отчужденіи и сознавалъ это. Онъ не знаетъ ухищреній, его легко обмануть; онъ помнитъ, какъ отецъ Дездемоны клялся, что его дочь не могла безъ какихъ-либо чаръ, «оттолкнувъ

богатыхъ, нѣжнокудрыхъ любимцевъ своего народа, броситься на грязную, какъ сажа, грудь такой твари,

278

какъ ты». Ея же отецъ предсказалъ и будущую невѣрность своей дочери: она обманула отца, можетъ обмануть и тебя.

Невѣрность въ данныхъ условіяхъ слишкомъ вѣроятна, лишь бы было слабое доказательство ея. А много ли требовалось доказательствъ, чтобъ взволновать такую кровь? Порохъ воспламеняется отъ малѣйшей искры. Одной картины физическаго прелюбодѣнія, которую цинично расписываетъ ему Яго, достаточно, чтобы бѣшенство затмило въ Отелло разсудокъ, чтобы этотъ закаленный въ бояхъ человѣкъ заплакалъ, потомъ лишился чувствъ.

Для полнаго изображенія силы этой необузданной ревности даже необходимо было показать, какъ она можетъ быть возбуждена незначительными поводами, какъ она ослѣпляетъ свои жертвы. Будь Дездемона кокеткой, будь вѣскія доказательства ея вины, наконецъ, будь Отелло человѣкъ злой или ревнивый по природѣ, значеніе трагедіи стало бы слабѣе. Впечатлѣніе, какое она производитъ, тѣмъ именно поразительнѣе, что Отелло – существо доброе, довѣрчивое и что, предвидевъ крушеніе своего счастья, онъ сразу же провидитъ и конецъ своей жизни, конецъ всего – «хаосъ». Вотъ почему сочувствіе зрителя до самой развязки не оставляетъ Отелло, который представляется несчастнѣе самой Дездемоны.

По поводу обморока Отелло надо замѣтить, что хотя въ пьесѣ обморокъ названъ «trance», а это выраженіе внушаетъ мысль о припадкѣ падучей болѣзни, но мы не видимъ достаточнаго основанія къ такому мнѣнію. Яго, дѣйствительно, хочетъ представить обморокъ Отелло, какъ припадокъ эпилепсіи; онъ говоритъ Кассіо, что это – второй припадокъ со вчерашняго дня и что упавшаго не слѣдуетъ трогать, иначе у него покажется пѣна на губахъ и онъ впадетъ въ дикое бѣшенство, однимъ словомъ, выдаетъ это за нечто обыкновенное у Отелло. Но автору не было никакого разсчета приписывать своему герою черту, которая бы ровно ничего не объясняла, тогда какъ простой обморокъ послѣ крайняго напряженія рисуетъ характеръ Отелло. Между тѣмъ, для Яго необходимо было скрыть случайность обморока, чтобы Кассіо не допытывался о его причинѣ, и вотъ, онъ просто лжетъ, тѣмъ легче, что онъ охотно всякому приписываетъ все, что можетъ уронить другого въ чужихъ глазахъ.

Любопытно, что Шиллеръ, обдумывая постановку «Отелло» на нѣмецкой сценѣ, находилъ нужнымъ пропустить все первое явленіе IV дѣйствія, то есть тотъ характерный разговоръ Яго съ Отелло, который приводитъ послѣдняго въ ярость, кончающуюся обморокомъ. Германскаго поэта, очевидно, смущала та циническая картина, которою Яго возбуждаетъ въ Отелло настоящій пароксизмъ бѣшенства, а, можетъ быть, и путаница словъ, въ какую онъ впадаетъ въ этомъ состояніи. Просматривая сдѣланный Фоссомъ нѣмецкій переводъ, Шиллеръ выкинулъ и выходы Яго противъ женщинъ вообще въ началѣ II акта, смягчилъ роль любящей

Кассіо куртизанки. Но Шиллеръ не дожилъ до представленія пьесы. Его смягченія въ ней Фоссъ называетъ «послѣднею его работой». Смягченія эти, однако, чувствительно исказили пьесу. Выкинутая сцена передъ обморокомъ необходима для характеристики Отелло и для объясненія его грубости съ Дездемоной въ ближайшей сценѣ. Свѣдѣніе о приведенномъ фактѣ находится въ предисловіи Фосса къ его переводу «Отелло», изданному въ 1806 г., и помѣщено въ новѣйшемъ, включающемъ массу комментаріевъ, американскомъ изданіи первоначальнаго текста трагедіи (по первому изданію in-folio Шекспира, 1623 г.), обработанномъ Фёрнессомъ и вышедшемъ въ 1866 году.

Для того, чтобы высказать всю силу такой страсти, какъ ревность, страсти пожирающей, которая любовь превращаетъ въ месть эгоизма, надо было взять не только ревнивца по природѣ не подозрительнаго, добраго и довѣрчиваго, каковъ Отелло, но и женщину безусловно безупречную, высшую натуру, женщину, которая полюбила избраннаго не по женскому влеченію, но по увлеченію чисто-нравственному, «жалѣя о вынесенныхъ имъ опасностяхъ», какъ говоритъ Отелло у Шекспира, и восторгаясь его «доблестью», какъ говоритъ о своей Дездемонѣ авторъ итальянской новеллы Чинтіо: *«s'innamoró tratta non da appetito donnesco, ma dalla virtù del Moro»*.

И полюбила она своего избраннаго беззавѣтно; разность племенная, цвѣтъ кожи, лагерное воспитаніе Отелло, все это исчезло въ глазахъ патриціанки, полюбившей человѣка за его душу. Всѣ циническія внушенія, какими Яго обнадеживаетъ эксплуатируемаго имъ Родриго, намеки, что природа возьметъ свое, что увлеченіе Дездемоны мавромъ не можетъ быть долго-

279

временнымъ, что она не можетъ не обольститься вскорѣ своимъ одноплеменникомъ, красивымъ, изящнымъ, знатнымъ, безусловно ложны, какъ и горькая дума ревнующаго Отелло о томъ, будто жена измѣнила ему потому, что онъ «черенъ и не умѣетъ говорить гладко, какъ салонные кавалеры». Все это неправда, все это совершенно чуждо природѣ Дездемоны.

Она любитъ Отелло такъ безусловно, что даже послѣ того, какъ онъ осыпалъ ее ругательствами и ударилъ, она говоритъ Эмилиі: «недоброе его обращеніе можетъ разбить мою жизнь, но не уменьшитъ моей любви... Я люблю его такъ, что даже его упорство, его попреки и сердитый видъ мнѣ милы». А что касается невѣрности, то Дездемона такъ непорочна по природѣ, что не допускаетъ даже мысли, чтобы женщина могла измѣнять мужу. Она наивно спрашиваетъ у Эмилиі – неужели есть такія женщины, неужели ты за благо всего міра могла бы сдѣлать это? И послѣ отвѣта Эмилиі, что такія женщины есть и что она сама не измѣнила бы за подарки, но за блага всего міра – вѣроятно, Дездемона не вѣритъ ей.

Два такіе типа надо было свести для того, чтобы показать всю силу той страсти, которая ослѣпляетъ умъ и можетъ привести къ убійству наиболѣе дорогого существа. Та же необходимость объясняетъ отчасти и то, что доказательства вины Дездемоны, какія представляетъ Яго, такъ слабы. Если бы они

были болѣе вѣски, сколько-нибудь существенны, то ревность, воспламенившая Отелло, была бы менѣе поразительна. Только для такого человѣка, какъ онъ, они и могли быть достаточны. Другое, обусловленное самымъ характеромъ Дездемоны, объясненіе слабости предъявленныхъ Яго доказательствъ представляется тѣмъ, что и невозможно было найти доказательствъ сколько-нибудь убѣдительныхъ. Правда, Отелло требуетъ именно такихъ, положительныхъ доводовъ, но самъ уже горитъ страстью, неспособенъ различать простого наговора отъ убѣдительнаго довода, безумствуетъ, слушая одни слова о томъ, какъ женщина предается другому, самъ путается въ выраженія скорби и угрозахъ, говорить, что самая страсть, отъ которой онъ дрожитъ, есть доказательство, безсвязно повторяетъ «признаніе» и «платокъ», и падаетъ въ обморокъ.

Перейдемъ къ виновнику трагедіи, къ Яго. Многіе критики настаиваютъ и на ничтожности доказательствъ, какими онъ убѣждаетъ, или, вѣрнѣе сказать, побуждаетъ Отелло признать вину Дездемоны, и на неестественности того «адскаго» характера, какой приданъ Яго, этому закорѣнелому, безчувственному злодѣю, этому, будто бы «воплощенному духу зла». Но представимъ себѣ, что Шекспиръ показалъ бы намъ въ Яго, хотя бы намекомъ, существо, въ самомъ дѣлѣ сверхъестественное. Онъ имѣлъ бы на то право. Если духъ могъ открыть преступленіе Гамлету, то почему же Яго не могъ бы быть по самому намѣренію автора воплощеннымъ духомъ зла, признаннымъ восторжествовать надъ чистой «голубицей» (какъ ее называетъ Отелло) – Дездемоной, демономъ, выведеннымъ на сцену именно съ цѣлью показать адскую силу самой изображаемой страсти – ревности.

Но «Отелло» – не «Гамлетъ»; «Отелло» – произведеніе, отмѣченное полной реальностью, и потому, роль духа зла въ немъ поручена живому человѣку, такому, который все приносить въ жертву своимъ видамъ, для котораго чужія страданія не значатъ ровно ничего. Развѣ и въ наше время не встрѣчаются злодѣи, которые избиваютъ цѣлыя семьи, съ дѣтьми, чтобы завладѣть нѣсколькими рублями, или рецидивисты, на душѣ которыхъ лежатъ десятки и болѣе зверскихъ убійствъ? А возьмемъ историческіе типы начала XVI столѣтія въ Италіи, гдѣ, по выраженію Лютера, «воздухъ дышалъ отравой», возьмемъ семью Борджія. По тонкому замѣчанію Маколея, итальянцы той эпохи смотрѣли бы на Отелло и Яго совсѣмъ иначе, чѣмъ мы. «Отелло внушалъ бы имъ ненависть и презрѣніе, а Яго, съ его умомъ, ясностью сужденія, пониманіемъ чужой природы, съ умѣньемъ скрывать свою, удостоился бы съ ихъ стороны нѣкотораго уваженія».

Яго, въ самомъ дѣлѣ, таковъ. Это – умный человѣкъ и безсердечный эгоистъ, а кромѣ того – неудачникъ, знающій себѣ цѣну и озлобленный тѣмъ, что ни его умъ, ни его военныя заслуги не были достаточно оцѣнены на службѣ, гдѣ господствуетъ тотъ «бичъ, что предпочтеніе дается по рекомендаціи и расположенію, а не по старшинству». Отелло видѣлъ отличія, оказанныя имъ въ дѣлахъ на Родосѣ и Кипрѣ и въ другихъ странахъ, христіанскихъ и невѣрныхъ, но предпочелъ ему какого-то «ученаго счетовода» и этого избралъ сво-

имъ помощникомъ въ командованіи; а Яго, хотя старшій въ отрядѣ офицеръ, принужденъ оставаться «адъютантомъ его арапства».

Понятна его злоба противъ Отелло и Кассіо. Злобствовать противъ Дездемоны онъ не имѣетъ причины: но онъ хочетъ разрушить счастье своего ненавистнаго начальника, котораго, вдобавокъ, подозрѣваетъ въ прежней связи съ его, Яго, женою и хочетъ отомстить ему, доказавъ невѣрность его собственной жены. Яго признаетъ и добродѣтель Дездемоны, и благородный характеръ Отелло, но это не мѣшаетъ ему презирать ихъ и ненавидѣть, точно такъ, какъ онъ относится ко всѣмъ людямъ, считая ихъ, вообще, глупцами, игрушками своихъ страстей и орудіями въ рукахъ немногихъ, «владѣющихъ собственной душой и думающихъ только о себѣ».

Многіе комментаторы нашей трагедіи признаютъ, что Яго – плебейскаго происхожденія, хотя на это нѣтъ указанія ни у Чинтіо, ни у Шекспира. Но такая догадка позволительна уже потому, что этимъ обстоятельствомъ легче всего объяснить неуспѣхъ на службѣ такого способнаго человѣка и заслуженнаго офицера. Яго не лишенъ образованія, онъ, напримѣръ, упоминаетъ о Юпитерѣ, онъ человѣкъ бывалый, знакомъ и съ Англіею. Но главныя его черты – злобный пессимизмъ по отношенію къ людямъ, отрицаніе всякихъ нравственныхъ понятій, вѣчный сарказмъ въ примѣненіи ко всему, и безусловный эгоизмъ, допускающій всѣ средства для достиженія цѣли.

Яго искусно, съ полнымъ знаніемъ тѣхъ людей, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, придумываетъ ту «сѣть», въ которую онъ поймаетъ ненавистныхъ ему Отелло и Кассіо и опаснаго ему, обманутаго имъ Родриго, сѣть, въ которой они столкнутся другъ съ другомъ. И съ какимъ презрѣніемъ онъ говоритъ о своихъ жертвахъ, съ какимъ высокомѣріемъ называетъ «глупцомъ» Отелло, упавшаго въ обморокъ! Какъ ѣдко онъ иронизируетъ надъ своимъ добрымъ совѣтомъ, даннымъ Кассіо, совѣтомъ, который, дѣйствительно, разуменъ, но поведетъ къ гибели обоихъ начальниковъ. «Хитроуміе адскихъ богослововъ! Когда черти предпринимаютъ самое гнусное злодѣяніе, то наряжаются въ небесную наружность». Но Яго, хотя и клянется «Богомъ» и «Мессою», не вѣритъ ни въ добро, ни въ зло; онъ владѣетъ «собственной душой» и люди для него – глупыя пѣшки. Это, по модному выраженію, своего рода «сверхчеловѣкъ».

Французскій поэтъ Альфредъ-де-Виньи, который перевелъ Отелло, замѣчаетъ, что если Яго – человѣкъ, хотя бы и злодѣй, то неестественно, что онъ губитъ такихъ людей, къ которымъ не можетъ чувствовать мести (таковы Дездемона, Эмилиа и Родриго), а если онъ – духъ зла, то напрасно онъ прибѣгаетъ къ такимъ пріемамъ, изъ которыхъ нѣкоторые впослѣдствіи самъ оставляетъ, и употребляетъ средства, которыя зрителю должны казаться невѣроятными.

О слабости доводовъ вины Дездемоны и о томъ, что эта слабость, во-первыхъ, неизбежна, а во-вторыхъ, рассчитана на исключительную природу Отелло, выше уже упомянуто. Что касается разныхъ добавочныхъ пріемовъ Яго, какъ, напримѣръ, его намѣренія вызвать бунтъ на островѣ, то это лишь доказательство, что Яго – живой человѣкъ, а не духъ зла. Но онъ не былъ бы

настоящимъ злодѣемъ, какіе, впрочемъ, вовсе нерѣдки, если бы онъ содрогнулся передъ убійствомъ людей, которые хотя ничего ему не сдѣлали, но опасны ему или становятся опасными жертвами при достиженіи имъ цѣли. Гервинусъ («Шекспиръ») напоминаетъ, что поэтъ въ исторіи своей же родины имѣлъ примѣръ злодѣя, неуступающаго Яго; это Ричардъ III.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на вѣское замѣчаніе, высказанное Мэшиномъ, въ «Запискахъ о Шекспирѣ», которое опровергаетъ взглядъ нѣкоторыхъ критиковъ, будто типъ Яго, какъ воплощеніе безграничной злобы, какъ нѣкоего демона, стремящагося сдѣлать возможно больше зла, преувеличенъ и неестествененъ. Мэшинъ замѣчаетъ, что въ намѣренія Яго входитъ только поссорить Отелло съ его помощникомъ, Кассіо, и занять самому мѣсто послѣдняго, а также отомстить за обиду, которая была нанесена ему, Яго, предпочтеніемъ ему Кассіо. Яго самому себѣ говоритъ только о «сѣти, въ которую онъ запутаетъ всѣхъ», но изъ словъ его въ началѣ вовсе не видно, чтобы онъ желалъ смерти Дездемоны, или хотя бы и Кассіо.

На легко воспламеняющуюся натуру Отелло Яго рассчитывалъ только для успѣха своей клеветы, но онъ не предвидѣлъ того страшнаго взрыва, какой эта клевета произведетъ на Отелло. Когда Отелло сразу поставилъ вопросъ о жизни и смерти, когда онъ набросился съ ругательствомъ и угро-

371

зами на самаго Яго, требуя отъ него положительнаго доказательства вины, то Яго уже невозможно было ни пойти назадъ, ни даже остановиться. На слова Отелло, что онъ убьетъ Дездемону, Яго выставляетъ совѣтъ оставить ей жизнь, но, видя безвыходность положенія, самъ потомъ придумываетъ способъ убійства – задушеніе. При той, неожиданной для Яго крайней постановкѣ дѣла, какую создаетъ ревнивое безуміе Отелло, чувство самосохраненія не оставляетъ клеветнику иного выбора: онъ долженъ идти далѣе, подвинуть дѣйствіе къ трагической развязкѣ. При этомъ Дездемона должна умереть, такъ какъ это неизбежно, а Кассіо долженъ умереть потому, что иначе онъ обличитъ его и тогда умретъ Яго. Передъ концомъ, онъ и говоритъ прямо, что Кассіо и Родриго должны умереть, этотъ послѣдній по той причинѣ, что въ случаѣ смерти Дездемоны, онъ потребуетъ назадъ тѣ деньги, которыя онъ давалъ Яго на подарки для Дездемоны.

Если судить о дѣйствіяхъ Яго такъ, какъ ихъ толкуетъ Мэшинъ, то это, конечно, нѣсколько ослабитъ наше представленіе о прозорливости Яго; онъ долженъ былъ предвидѣть, что для такого человѣка, какъ Отелло, вина его жены тотчасъ вызоветъ конецъ всего – тотъ «хаосъ», о которомъ упоминаетъ мавръ. Но Яго все-таки могъ впасть въ такую ошибку, могъ думать только набосить тень на Кассіо, желая его удаленія, и не ожидать, что Отелло станетъ грозить смертью самому обвинителю, если тотъ не пойдетъ въ обвиненія до конца. Гервинусъ, также какъ А. де-Виньи, отмѣчаетъ то обстоятельство, что Яго видоизмѣняетъ свои планы.

Тэнъ, въ «Исторіи англійской литературы», такъ характеризуетъ Яго: «черта, которая заканчиваетъ Яго и ставитъ его наряду съ Мефистофелемъ, это – та жестокая правда и то сильное разсужденіе, съ которымъ онъ свое злодѣйство приравниваетъ къ добродѣтели... Прибавивъ къ этому дьявольскій юморъ (verve), неистощимую изобрѣтательность образовъ, каррикатуръ, грязныхъ пошлостей, казарменный тонъ, вкусы и манеры солдата, привычку къ притворству, хладнокровію, ненависти и терпѣливому выжиданію, пріобрѣтенную среди опасностей и хитростей боевой службы, въ бѣдахъ долгаго униженія и несбывшихся ожиданій – понимаешь, какимъ образомъ Шекспиру, вмѣсто абстрактнаго вѣроломства, удалось представить лицо реальное и видишь, что жестокая месть Яго является естественнымъ послѣдствіемъ его природы, воспитанія и жизни».

Къ этому можно прибавить, что какъ ни ненавистна роль Яго, но великій художникъ далъ ему столько ума, живости и оригинальности, что счумѣлъ придать этому типу огромный интересъ, который, если не искупаетъ, то все-таки нѣсколько ступенькаетъ возбуждаемое имъ отвращеніе. Гервинусъ въ своей книгѣ «Шекспиръ», разбирая типъ Яго, называетъ его «приставомъ (Scherge) судьбы» и признаетъ этотъ типъ однимъ изъ наиболее глубокообдуманныхъ и замѣчательныхъ у Шекспира.

Красавецъ Кассіо, который, не зная о томъ, что служить орудіемъ Яго, чтобы погубить Отелло и Дездемону – другъ Отелло и добрый малый. Онъ содѣйствовалъ успѣху Отелло, когда тотъ еще ухаживалъ за Дездемоной и, по ея словамъ, когда ей случалось отзываться неблагосклонно объ Отелло, всегда заступался за него. Онъ увѣренъ въ дружбѣ Дездемоны и смѣло обращается къ ея покровительству, когда Отелло выгоняетъ его за нападеніе на Родриго въ пьяномъ видѣ. Кассіо – образованный офицеръ и свѣтскій человекъ, флорентинецъ съ мягкими манерами. Тривиальный Яго ненавидитъ его и за все это, вдобавокъ къ тому, что Кассіо, по выбору Отелло, занималъ мѣсто его помощника въ командованіи войскомъ, на которое имѣлъ виды самъ Яго и о которомъ для него ходатайствовали нѣкоторые венеціанскіе патриціи.

Когда Яго говоритъ о Кассіо въ первой сценѣ, то ставитъ ему въ вину и то, что онъ флорентинецъ, и то, что онъ – математикъ и съ военнымъ дѣломъ знакомъ только по «книжной тактикѣ»; что его военное знаніе – «пустая болтовня, безъ практики», что ему не случалось выстроить и эскадрона въ бою, что онъ – «мужчина, почти проклятый въ красивую бабу, а о боевомъ порядкѣ знаетъ не больше, чѣмъ дѣвица». Въ одномъ только онъ не обвиняетъ Кассіо, въ этомъ искреннемъ своемъ разговорѣ съ Родриго, именно въ томъ, въ чемъ будетъ затѣмъ обвинять Кассіо передъ Отелло, то есть въ увлеченіи Дездемоной, потому что это неправда.

По поводу Кассіо не мѣшаетъ отмѣтить изобрѣтательность многочисленныхъ комментаторовъ Шекспира. Можно сказать, на каждую пятую строку трагедіи «Отелло» имѣется нѣсколько комментаріевъ. И вотъ,

относительно словъ Яго о Кассіо – «мужчина почти проклятый (т.-е. осужденный) въ красивую бабу» – «a fellow almost damn'd in a fair wife» – въ изданіи Фёрнесса есть цѣлыхъ пять страницъ большого формата петитомъ толкованій разныхъ авторовъ о томъ, что можетъ значить *damned in fair wife*. Всѣ признаки, что здѣсь описка или опечатка: Яго, по своей обычной, злобной грубости, вмѣсто «обращень въ бабу», сказалъ «проклять» въ бабу, что у него выходитъ совсѣмъ естественно. Тѣмъ не менѣе одни комментаторы перестраиваютъ этотъ періодъ, другіе предлагаютъ, вмѣсто *wife*, слова *strife*, *guise* или *wise*, измѣняя смыслъ, третьи понимаютъ такъ, что Кассіо очарованъ красивой женщиной, то есть Біанкой, съ которой онъ состоитъ въ связи, или вообще всякой красивой женщиной, а одинъ – такъ полагаетъ, что Кассіо проклятъ самой своей красотой, своей «фізіономією» и что вмѣсто «*wife*» слѣдуетъ читать «*phyz*» и т. д.

И ни одинъ изъ комментаторовъ не принимаетъ словъ Яго въ ихъ прямомъ смыслѣ, какъ ихъ обыкновенно понимаютъ переводчики. Напр., въ превосходномъ переводѣ Боденштедта: «ein Bursch von Aussehn fast wie'n schönes Weibsbild». Самъ Фёрнессъ, приведя десятка два различныхъ комментаріевъ на эти слова, признается, что смыслъ ихъ теменъ, и отказывается высказать какое-либо собственное предположеніе.

Впрочемъ, напрасно было бы относиться пренебрежительно къ этому множеству толкованій. Во-первыхъ, они оправдываются многочисленностью описокъ или опечатокъ въ первомъ изданіи, а во-вторыхъ, свидѣлствуютъ о томъ уваженіи и заботливости, съ какой соотечественники Шекспира относятся ко всякой подробности въ текстѣ его пьесъ.

Другимъ примѣромъ такой мѣлочной заботливости въ изученіи текста представляется разногласіе нѣкоторыхъ англійскихъ критиковъ относительно того, сколько времени отнимаетъ дѣйствіе трагедіи, то есть, какъ былъ продолжителенъ ходъ ея событій. Не оставивъ безъ вниманія ни одного самага ничтожнаго указанія текста о дняхъ недѣли, когда совершилось то или другое событіе трагедіи, Фёрнессъ разсчитываетъ, что все произошло въ теченіе 36 часовъ.

Это было бы недалеко отъ соблюденія одного изъ пресловутыхъ «единствъ», ограничивавшихъ драматическое дѣйствіе сутками. Но Фёрнессъ приводитъ и пространное изслѣдованіе Уильсона, который, въ числѣ иныхъ мелкихъ указаній текста, ссылается на слова Эмилиі, что Яго «сто разъ» требовалъ, чтобы она украла у Дездемоны платокъ. А развѣ возможно было требовать чего-нибудь сто разъ всего въ 36 часовъ? Вильомъ приходитъ къ такому заключенію, что между III и IV актами проходитъ, по меньшей мѣрѣ, недѣля и что въ общемъ событія требовали не менѣе 11 дней.

Въ числѣ комментаріевъ къ «Отелло» приведемъ одинъ изъ новѣйшихъ, отличающійся несомнѣнной оригинальностью. Онъ былъ помѣщенъ въ «запискахъ» нью-іоркскаго шекспирскаго общества и въ 1899 г. изданъ отдѣльною книгой: «A further study of the Othello» Авторъ, Уэлькеръ Гивенъ, имѣетъ притязаніе доказать, что всѣ предшествующіе комментаторы и критики этой трагедіи не примѣтили главную въ ней черту, которая ставитъ ее еще выше, чѣмъ

признають ея почитатели. По мнѣнію Гивена, Шекспиръ явился въ ней первымъ бойцомъ противъ расовыхъ предразсудковъ, вывелъ въ лицѣ Отелло такого представителя черной расы, который нравственно выше и чище всѣхъ европейскихъ героевъ великаго трагика.

Отелло – негръ и былъ рабомъ, но возвысился до степени вождя европейскаго войска, снискалъ любовь «бѣлой» патриціанки, къ тому же выросшей среди богатства и изящества, одаренной тонкою природою и чистотою, существа почти святаго. Но какъ такое существо могло отдаться негру, какъ могъ допустить нѣчто подобное Шекспиръ въ Елизаветинское время въ Англіи, когда негровъ за связь съ бѣлыми женщинами закапывали живыми въ землю по грудь и умерщвляли голодомъ, причемъ за одну подачу жертвѣ пищи полагалась смертная казнь?

Гивень доказываетъ невозможность такого пониманія, говоритъ, что тогдашніе зрители были бы возмущены этими фактами и не позволили бы представлять такую пьесу. Если же они этого не сдѣлали, а наоборотъ, увлеклись ею, то это значило, что имъ было понятно одно такое намѣреніе Шекспира, которое осталось непонятымъ всѣми его толкователями. Намѣреніе это, по словамъ Гивена, заключалось въ томъ, чтобы представить Отелло не простымъ звѣрскимъ ревнивцемъ, но человѣкомъ нравственно-высшимъ, способнымъ на чисто-идеальную любовь. Онъ обожалъ въ

283

Дездемонѣ совершенство физической и нравственной красоты, и ихъ любовь, ихъ бракъ были – платоническими. Вотъ что, по увѣренію Гивена, примиряло современныхъ зрителей съ бракомъ, противъ котораго отецъ Дездемоны Брабанціо такъ возмущался, что умеръ съ горя по его заключеніи.

И вотъ, новый комментаторъ положительно утверждаетъ (и этому посвящена вся его книга), что бракъ этотъ былъ заключенъ – только въ смыслѣ идеальной любви и въ глазахъ закона, но не въ смыслѣ супружескаго сожитія. Въ подтвержденіе своего взгляда Гивень приводитъ нѣсколько малодоказательныхъ словъ дѣйствующихъ лицъ, словъ, которымъ онъ даетъ произвольно расширенное значеніе. Но при этомъ онъ ссылагается и на одинъ такой фактъ, въ которомъ позволительно видѣть, если и не доводъ, то слабое основаніе для довода. Этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что осыпанная тяжкими и грубыми оскорбленіями мужа Дездемона велитъ прислуживающей ей Эмилиі постлатъ ей на слѣдующую ночь (въ которую совершилось убійство) «ея брачныя простыни». Припоминая значеніе, которое придавалось въ тѣ времена (какъ то было и въ московскомъ государствѣ) доказательствамъ непорочности невѣсты, Гивень утверждаетъ, что Дездемона рѣшилась опровергнуть обвиненіе, сдѣлавшись фактической женою Отелло, а потому и хотѣла явиться вновь съ обстановкой невѣсты. Иначе, по мнѣнію Гивена, немислимо, чтобы Дездемона велѣла постлатъ свадебное бѣлье именно послѣ того, какъ Отелло назвалъ ея падшею женщиной и еще хуже.

Въ идеальности любви и самага брака критикъ видитъ черту деликатности Отелло, и ею-то Шекспиръ примирилъ свою публику съ бракомъ, который долженъ былъ казаться возмутительнымъ, и, такъ сказать, одухотворилъ этого негра, поставивъ его выше всѣхъ своихъ героевъ бѣлой расы. Въ увлеченіи своей догадкой, Гивенъ доходитъ до того, что предполагаетъ фактъ этотъ извѣстнымъ самому венеціанскому сенату, который въ противномъ случаѣ, вѣроятно, отрѣшилъ бы Отелло отъ командованія, но зная о «фактѣ», признаетъ, что Отелло, способный къ такому воздержанію и нравственной дисциплинѣ, тѣмъ самымъ доказываетъ и свою способность повѣлывать другими. Когда же, повѣривъ «честному Яго», Отелло убѣдился, что Дездемона – существо низкое, то это возмутило его тѣмъ болѣе, чѣмъ собственная его любовь къ ней была чище и возвышеннѣе и онъ уже не мститъ этому существу, но караетъ его.

Хотя Гивенъ и придаетъ трагедіи особое значеніе, видя въ ней намѣреніе Шекспира выступить противникомъ расоваго предрасудка, но аргументація американскаго критика показываетъ, какое первостепенное значеніе онъ самъ придаетъ этому предрасудку, не допуская и мысли, чтобы бракъ негра съ европейской женщиной могъ не возмутить публику, какъ бы симпатичнымъ ни былъ представлень этотъ негръ. Однако же увѣренность Гивена въ томъ, что Отелло – настоящій негръ – «coal-black», основана только на тѣхъ словахъ въ трагедіи, гдѣ упоминается о его «чернотѣ» и его «толстыхъ губахъ», словахъ, которыя давно обращали на себя вниманіе комментаторовъ и признаны ими вовсе не доказывающими, что Отелло былъ именно негръ.

Что Яго и Родриго говорятъ съ отвращеніемъ о его наружности – въ этомъ сказывается только преувеличеніе, внушаемое ихъ ненавистью. А догадка Гивена, что Отелло былъ рабомъ, уже совершенно произвольна. Все указываетъ на то, что Отелло былъ просто смугль, какъ мавръ, и что «чернота» его – выраженіе относительное. Послѣ смѣны Отелло въ командованіи, онъ, по словамъ Яго, намѣренъ былъ отправиться въ Мавританію; тотъ же Яго въ началѣ пьесы говоритъ о немъ, какъ о «берберскомъ конѣ». Итакъ – это мавръ или берберъ, но не негръ.

Впрочемъ, довольно вѣроятно, что Шекспиръ представлялъ себѣ Отелло нѣсколько болѣе чернымъ, чѣмъ допускаютъ комментаторы. Извѣстно, что населеніе сѣверной Африки отличается многообразной помѣсью расъ. Тамъ проявляются различныя комбинаціи расъ семитической (арабы), древне-египетской, съ бронзовымъ оттѣнкомъ кожи (копты), бѣлой (туареги, въ которыхъ видятъ потомковъ древнихъ гиксовъ), эѳіопской (абиссинцы) и чисто негритянской. Самая вѣроятность, что зрителей Елизаветинскаго времени возмутила бы женитьба негра на европейской патриціанкѣ доказываетъ скорѣе не то, что бракъ былъ платоническимъ, а то, что Отелло, по мысли Шекспира, вовсе не былъ негромъ, но именно мавромъ.

Намъ кажется несомнѣннымъ, что это былъ мавръ болѣе темной кожи, чѣмъ у аравитянъ, типъ смѣшаннаго берберій-

скаго происхожденія, помѣсь семитической расы съ мѣстными. Онъ могъ быть гораздо менѣе черенъ, чѣмъ абиссинецъ, не говоря уже о негрѣ, но все-таки имѣть кожу болѣе темную, чѣмъ арабы, даже африканскіе. Иначе, Брабанціо не говорилъ бы о его «сажеподобной (sooty)» груди, а Родриго о его толстыхъ губахъ. Но во всякомъ случаѣ Отелло былъ ближе къ арабу, чѣмъ къ негру, и «чернымъ» лишь настолько, чтобы и для тогдашнихъ зрителей чернота эта не казалась совершенно отталкивающей, хотя и дѣлала его некрасивымъ. Это условіе было необходимо, чтобы возвысить и облагородить любовь Дездемоны, которая полюбила мавра, «жалѣя его за вынесенныя имъ опасности».

Какъ лишено достаточнаго основанія увѣреніе Гивена, будто Отелло – негръ, черный какъ уголь, такъ уже вполне произвольно и не имѣетъ фактической опоры мнимое «открытіе» относительно платоничности брака, которое американскій критикъ провозглашаетъ съ такой развязностью, упрекая всѣхъ своихъ предшественниковъ въ томъ, что они не примѣтили «основной черты» трагедіи. Мнимое доказательство «брачныхъ простынь» устраняется простымъ соображеніемъ, что Дездемонѣ, смертельно оскорбленной мужемъ и находящейся, какъ она говоритъ сама, въ полусонномъ состояніи, приходитъ мысль о смерти и, по свойственной женщинамъ памяти о вещахъ, относящихся къ одеждѣ и домашнему обиходу вообще, и по тому символическому значенію, какое онѣ склонны придавать подвѣчному наряду и брачной обстановкѣ, несчастная жертва велитъ постлатъ себѣ свадебныя простыни.

На это достаточно ясно указываютъ ея же слова, обращенныя къ Эмилиі: «если я умру раньше тебя, то пожалуйста, заверни меня въ одну изъ этихъ простынь». Итакъ, она видитъ въ этой свадебной принадлежности – саванѣ для себя, а вовсе не то нелѣпое свидѣтельство, какое предполагаетъ Гивень. Даже, если бы бракъ былъ только идеальный, то психологически невозможно, чтобы такое существо, какъ Дездемона, могло помышлять о томъ, что ему приписываетъ Гивень, тотчасъ послѣ жестокаго оскорбленія, какое Дездемонѣ нанесено мужемъ.

Если предложенную американскимъ критикомъ теорію мы разобрали съ нѣкоторой подробностью, то только потому, что это – одинъ изъ новѣйшихъ вкладовъ въ цѣлую библиотеку того, что ужъ было написано о трагедіи «Отелло».

Всѣ изслѣдователи относятъ «Отелло» къ періоду творчества Шекспира отъ 1601 до 1610 г. но есть достаточныя основанія, чтобы остановиться на опредѣленной датѣ – 1604 года. Въ томъ же году трагедія была представлена въ театрѣ «Globe», причемъ роль мавра исполнялъ Бэрбэджъ, директоръ труппы и главный актеръ. Въ одной элегіи на его смерть упоминается, что роль «страждущаго мавра» была та, въ которой онъ наиболѣе трогалъ публику. Гервинусъ замѣчаетъ по этому поводу, что, стало быть, Бэрбэджъ особенно подчеркиваетъ именно разочарованіе и скорбь самого Отелло.

Время же, къ которому относится дѣйствіе, заключается въ рамкахъ столѣтняго періода 1471 до 1571 гг., въ которомъ Венеція владѣла городомъ Кипромъ. Кромѣ перваго акта, который происходитъ въ Венеціи, всѣ дѣйствія разыгрываются на Кипрѣ и притомъ не въ главномъ городѣ Никозіи, но въ

укрѣпленномъ портѣ Фамагуста, какъ то видно изъ прибытія кораблей и изъ осмотра самимъ Отелло укрѣпленій (works).

Сюжетъ, какъ уже сказано, заимствованъ изъ разсказа, содержащагося въ ста новеллахъ (Heterocommithi) Джамбаттисты Джиральди Чинчіо, изданныхъ въ Венеціи въ 1566 году. Третій десятокъ этихъ новеллъ, во главѣ которыхъ находится повѣсть о венеціанскомъ маврѣ, посвященъ благородной синьорѣ Лаурѣ д'Эсте. Такъ какъ въ Венеціи существовалъ знатный родъ Морі, то возникла догадка, что «того» герой разсказа Чинтіо былъ вовсе не мавръ, а Мого, одинъ изъ членовъ той фамиліи, тѣмъ болѣе, что Христофоръ Моро былъ именно намѣстникомъ Кипра, откуда выѣхалъ въ 1508 году, потерявъ жену.

Въ 1837 г. Роудонъ Броунъ высказалъ это предположеніе въ книгѣ, изданной въ Венеціи на итальянскомъ языкѣ. Новѣйшую и интересную замѣтку по этому вопросу мы находимъ въ изданіи «Jahrbücher der deutschen Shakespeare's Gesellschaft», въ томѣ 1889 года. Здѣсь помѣщена статья Ангеля «Zur Urgeschichte des Othello». Онъ ссылается на хроникера Марино Сануто, который подъ числомъ 27 октября 1508 г. помѣчаетъ: «сегодня былъ въ коллегіи (въ Венеціи) синьоръ Кристоаль Моро, бывший намѣстникъ на Кипрѣ, нынѣ избранный ко-

284

мандующимъ въ Кандіи, съ бородою, по случаю смерти его жены» (знакъ траура). А черезъ нѣсколько дней, подъ 5 ноября, у Сануто записано: «синьоръ Кристоаль Моро отказался отъ новаго назначенія и вмѣсто него посылается (на Кандію) другой командующій» (capetanio).

Энгель не высказываетъ своего мнѣнія по вопросу, который, какъ мы уже сказали, былъ возбужденъ Роудономъ Броуномъ: не былъ ли мавръ новеллы Чинтіо членомъ венеціанской фамиліи Моро и, быть можетъ, именно Христофоромъ Моро, командовавшимъ на Кипрѣ и потерявшимъ тамъ жену. Но Энгель указываетъ на одно обстоятельство, которое, пожалуй, дѣлаетъ эту догадку правдоподобною. Замѣчательно, что Чинтіо въ своей новеллѣ умалчиваетъ объ именахъ дѣйствующихъ лицъ, за исключеніемъ Дездемоны, которая у него называется Диздемона, что должно означать только «несчастливая» на нѣсколько сомнительномъ греческомъ языкѣ Чинтіо. Остальные лица названы лишь по своему положенію: «того capitano (командующій)», alfliero (хоругвеносецъ, Яго)», «saro di squadra (начальникъ отряда или команды, Кассіо)». Какъ объяснить отсутствіе именъ? Энгель объясняетъ это тѣмъ, что Чинтіо хорошо зналъ Венецію, и если основу своей повѣсти взялъ изъ дѣйствительнаго происшествія, то, будучи секретаремъ герцога феррарскаго Геркулеса II изъ дома Эсте и поочередно занимая кафедры элоквенціи въ нѣсколькихъ университетахъ, онъ и не могъ привести именъ тѣхъ лицъ, къ которымъ относится разсказъ. Впрочемъ, во всемъ остальномъ Энгель только повторяетъ Броуна.

Нѣкотораго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, указанное Роудономъ Броуномъ, что роковой платокъ, подаренный мавромъ или Кристоалемъ Моро Дездемонѣ, у Шекспира вышитъ рисункомъ ягодъ клубники,

а въ гербѣ рода Моро находятся три черныя тузовыя ягоды и три лазоревыя рыбины (корабельныя бруссы) въ серебряномъ щитѣ. Слово «того» по итальянски означаетъ тутовое дерево (*mûrier*), такъ же какъ мавра или негра. Щитъ этотъ, по словамъ Броуна, находится и доселѣ въ сѣняхъ, въ которыя ведетъ лѣстница dei Giganti, такъ какъ соименникъ этого Моро, старшій Христофоръ Моро, былъ дожемъ Венеціи и построилъ эту часть сѣней.

Конечно, эта догадка не имѣетъ значенія для трагедіи Шекспира, герой которой, несомнѣнно, мавръ. Но, если въ основу того разсказа, который послужилъ темой для трагедіи, легла легенда о Моро, внукъ Дожа, то мысль о немъ можетъ, пожалуй, дать добавочный поводъ къ тому, чтобы, изображая Отелло африканскимъ мавромъ, не дѣлать, по крайней мѣрѣ, изъ него – негра.

Въ заключеніе комментаріевъ, остановимся на вопросѣ, въ драматическомъ отношеніи маловажномъ, но всетаки не лишенномъ значенія, хотя большинствомъ толкователей игнорируемомъ: какое собственно положеніе занимали Отелло, Кассіо и Яго въ венеціанской службѣ на Кипрѣ? Чинтіо называетъ своего мавра – *capitano*, какъ и Сануто называетъ синьора Кристобая Моро. Но у обоихъ «il того» или Мого является военнымъ начальникомъ на Кипрѣ. Именованіе «*capitano*» у итальянцевъ, какъ и у французовъ, означаетъ не только командира роты, но еще и военачальника и полководца. Тассо, въ первомъ стихѣ своей «*Jerusalemme liberata*» называетъ «*capitano*» – герцога Готфрида Бульонскаго, предводительствовавшего первымъ крестовымъ походомъ.

У Шекспира дѣйствующія лица называютъ Отелло «*general*», и Яго обращается къ нему съ титуломъ «*my lord*», «*your lordship*». Итакъ, это былъ начальникъ большого отряда, командующій войсками и губернаторъ острова. Что венеціанскія силы на Кипрѣ были значительны, доказывается и ссылкой Роудона Броуна на оффиціальныя доументы: депешу Лоренцо Джустиніано, преемника Моро въ командованіи на Кипрѣ въ портѣ, доносящую верховному совѣту, что онъ задержалъ въ портѣ 14 кораблей, въ виду опасности нападенія турокъ.

Между тѣмъ, ближайшіе подчиненные Отелло называются: Кассіо – *lieutenant*, а Яго – *ancient*. Ясно, что ближайшими подчиненными командующаго войсками, и хотя бы только генерала, не могли быть поручикъ и старшій послѣ него офицеръ или прапорщикъ, хотя въ исчисленіи статистовъ и упомянуто о другихъ «офицерахъ».

Эти названія ошибочны. Кассіо у Шекспира – *lieutenant*, въ смыслѣ намѣстника или помощника командующаго войсками. И дѣйствительно, при отозваніи Отелло съ острова, командующимъ назначается Кассіо.

Что касается Яго, то названіе «*ancient*», т. е. «старшій», довольно неопредѣленное. Но во всякомъ случаѣ – это одинъ изъ высшихъ офицеровъ отряда, такъ какъ Яго претендовалъ самъ на должность помощника командующаго. Откуда же взялось названіе «хоругвеносецъ», которое передѣлано въ *Fähnrich*? Оно взялось изъ новеллы Чинтіо, гдѣ злодѣемъ является *alfiero*. Во французскихъ лексиконахъ

«alfiero» переведено «ensiegne», что нынче также значитъ «прапорщикъ», какъ и самое это послѣднее названіе, взятое съ польскаго, означаетъ носящаго знамя (proporzec).

Но въ войскахъ, занимавшихъ Кипръ, было, по всей вѣроятности, не одно знамя или «знакъ» (ensiegne). Почему одинъ хоругвеносецъ могъ добиваться должности помощника командующаго? Довольно вѣроятно, что Шекспиръ совсѣмъ не имѣлъ въ виду хоругвеносца, но представлялъ себѣ Яго – старшимъ офицеромъ послѣ помощника командира, а потому и назвалъ его просто ancient. Но англійскіе комментаторы видятъ въ этомъ словѣ только испорченное «ensiegne (ensing)». Фёрнесъ приводитъ объясненіе Фоссбрука, что ancient – это былъ офицеръ, состоящій при личной хоругви вождя, т. е. при его гербѣ, въ дѣйствительности – его личный оруженосецъ (bodysquire) и полагаетъ, что Яго былъ просто адъютантомъ Отелло, какъ то видно и изъ даваемыхъ ему личныхъ порученій (отвезти Дездемону на Кипръ, смѣнить Кассіо въ караулъ и проч).. Относительно Кассіо замѣтимъ, что у Чинтіо его роль играетъ просто начальникъ небольшого отряда или команды, или эскадры, такъ какъ онъ называется capo di squadra, а «squadra» употребляется во всѣхъ трехъ значеніяхъ. Но у Шекспира Кассіо, безъ всякаго сомнѣнія – помощникъ Отелло, какъ командующаго, и, затѣмъ, его преемникъ.

Можетъ показаться, что здѣсь мы слишкомъ вдали въ мелочи. Однако, отмѣченныя нами мелочи имѣютъ свое значеніе, такъ какъ онѣ опредѣляютъ внѣшнія отношенія между упомянутыми лицами. Трагедія, предъ нами развертывающаяся, такъ сильна, такъ волнуетъ и трогаетъ зрителей, мѣстами прямо захватывая у нихъ духъ, что передъ этимъ впечатлѣніемъ обращаются въ ничто всѣ замѣчанія и возраженія, представленныя какими бы то ни было критиками. При очеркѣ дѣйствующихъ лицъ мы старались уяснить, что возраженія эти основаны на недоразумѣніяхъ. Понявъ характеръ дѣйствующихъ лицъ такъ, какъ они задуманы у Шекспира нельзя не прійти къ выводу, что вся пьеса проникнута глубокой психологической правдой и что при данныхъ условіяхъ и не могло случиться нѣчто иное, что въ этой трагедіи деспотически дѣйствуетъ именно «рокъ», опредѣленный тѣми условіями.

Вотъ почему и тѣ единственныя критическія замѣчанія объ «Отелло», какія мы можемъ сдѣлать, ставятся нами лишь послѣ третьестепенныхъ и даже мелочныхъ фактическихъ подробностей.

Въ наше время искусству вообще предъявляются нѣсколько преувеличенныя требованія такъ называемыхъ «мѣстнаго колорита» и внѣшней отдѣлки, проявляющейся въ подробностяхъ. Этимъ требованіямъ иногда даже приносится въ жертву тотъ высшій реализмъ, который заключается въ психологической правдѣ чувствъ и дѣйствій, въ ясности и правильности рисунка. Оригинальное освѣщеніе, и хотя бы очень тщательная отдѣлка ковра, лежащаго на полу, нынѣ иногда какъ бы искушаетъ слабость рисунка или фальшивую, неестественную постановку фигуръ. Въ музыкальной драмѣ какого-нибудь варвара постоянно характеризуютъ дикими сочетаніями звуковъ или отрывистыми ритмами, и изъ-за этой мнимой реальности забывается, что и въ изображеніи

варвара всего важнѣе все-таки, общечеловѣческія чувства, а не странныя, хотя бы и оригинальныя погремушки. Демократизація публики, интересующейся въ наше время искусствомъ, несомнѣнно, повела и къ нѣкоторой демократизаціи самого искусства и въ особенности его пріемовъ, къ погонѣ за дешевыми и грубоватыми эффектами.

И вотъ, если стать на этотъ уровень критическаго воззрѣнія и требованій, то хотя въ «Отелло» и есть достаточный мѣстный колоритъ, но, конечно, его могло бы быть и больше. Такъ, самъ Отелло, который уже усвоилъ воспитаніе, языкъ и манеры итальянца, Яго, Кассіо, Родриго, въ моменты возбужденія или страсти, въ восклицаніяхъ своихъ, въ языкѣ попрековъ и сѣтованій – ближе къ англичанамъ, чѣмъ къ итальянцамъ. Но это уже общее свойство всѣхъ драмъ Шекспира, съ ихъ подчасъ полнымъ пренебреженіемъ къ хронологіи, исторіи и этнографіи.

Другое, столь же неважное замѣчаніе можетъ коснуться появленія лицъ на сцену и ихъ ухода, которые иногда случайны,

287

не мотивированы. Но много ли выиграло бы это геніальное произведеніе, если бы авторъ озаботился удовлетворить педантическое въ этомъ отношеніи требованіе и, напримѣръ, имѣя нужду вызвать Яго снова на сцену скоро послѣ его ухода, заставлялъ бы его забыть на ней шляпу или шпагу, какъ то неукоснительно соблюдаютъ современные намъ блюстители драматической «правды»?

Сила – въ правдѣ психологической, великое искусство заключается въ яркомъ и вѣрномъ выраженіи человѣческихъ типовъ и страстей, во вдохновенномъ угадываніи развитія или смѣны душевныхъ движеній, въ нахожденіи тѣхъ словъ, въ которыхъ они передъ нами обнаруживаются съ силой, покоряющей насъ и приковывающей къ дѣйствию. А невозможно указать ни одной драмы на какомъ бы то ни было языкѣ, которой въ большей степени, чѣмъ «Отелло», были бы присущи эта высшая правда, этотъ первостепенный реализмъ и эта внутренняя сила.

Разсматривая грозную драму, въ которой волны страсти бьютъ съ поразительной, безпримѣрной силой, не возможно не воздать восторженнѣйшей хвалы великому генію, проникшую въ самую глубь человѣческой природы. При всемъ удивленіи къ позднѣйшимъ художникамъ слова, къ богатству литературъ XVIII и XIX вѣковъ, испытываешь чувство нѣкотораго смиренія, когда, обратившись на три столѣтія назадъ, къ концу XVI вѣка, не можешь не остановиться передъ этимъ колоссомъ съ невольнымъ изумленіемъ.

Гёте преклонялся передъ Шекспиромъ. Въ «Разговорахъ съ Гёте» Эккермана находятся слѣдующія строки, которыя мы приводимъ изъ статьи Лео въ 24-мъ «Jahrbuch der deutschen Shakespeare's Cessellschaft» (1889 г.): «никто болѣе меня не признаетъ заслугъ Тика; но ошибочно преувеличивать его и сравнивать со мной. Это все равно, какъ если бы я хотѣлъ равняться съ Шекспиромъ, существомъ высшимъ, на котораго я смотрю снизу вверхъ (hinaufblicke) и котораго я долженъ чтить (verehren)». Въ одномъ изъ тѣхъ же разговоровъ есть отзывъ Гёте, что

лучшимъ драматическимъ произведеніемъ Шекспира онъ считалъ «Макбета», въ смыслѣ именно сценическомъ.

«Не легко – замѣчаетъ Гёте тоже въ одномъ изъ «разговоровъ» – найти другого поэта, у котораго было бы такое сознаніе міра, какъ у Шекспира, и который, высказывая свое воззрѣніе, въ большей, чѣмъ онъ, степени дѣлалъ бы и своему читателю доступнымъ сознаніе міра. Этотъ міръ становится для насъ прозрачнымъ, мы дѣлаемся повѣренными добродѣтели и порока, величія, мелкости, брагородства и развращенности». Въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ» Гёте говоритъ его устами о произведеніяхъ Шекспира: «Это какъ бы – дѣла небеснаго генія, который приближается къ людямъ, чтобы ознакомить ихъ краткимъ образомъ съ собою. Это – уже не поэзія. Намъ кажется, какъ будто мы стоимъ передъ раскрытыми, исполинскими книгами самой судьбы».

Такой высоты достигли очарованіе искусства, могущество слова еще передъ цѣлымъ рядомъ тѣхъ ступеней, по которымъ прошла умственная эволюція человѣчества до нашего времени. Тѣ внѣшнія формы жизни, которыми Шекспиръ облѣкалъ вѣчную исторію человѣческаго сердца, принадлежатъ къ очень отдаленному времени. «Елизаветинская эпоха, со своимъ Шекспиромъ, – говоритъ Карлейль («Герои и героическое въ исторіи»), – какъ продуктъ и расцвѣтъ всего предшествовавшаго ей, обязана своимъ существованіемъ католицизму среднихъ вѣковъ. Жизнь эту воспріяли въ себя и запечатлѣли два необычайные человѣка: Данте, глубокій, пламенный, какъ огонь въ центрѣ міра, и Шекспиръ – все объемлющій, все проникающій, какъ солнце, какъ высшій свѣтъ міра».

Со временъ Шекспира въ умственномъ мірѣ Европы сколько пронеслось теченій! Не только измѣнились внѣшнія формы жизни послѣ той эпохи, которую живописалъ Шекспиръ, но произошелъ еще длинный рядъ знаменательнѣйшихъ переворотовъ въ міровоззрѣніи и государственномъ устройствѣ.

А между тѣмъ, чей голосъ способенъ сильнѣе волновать насъ, запечатлѣваться глубже въ чувства хотя бы и того поколѣнія, которое считаетъ себя присыщеннымъ и извѣрившимся во всемъ, даже въ силѣ поэзіи? Шекспиръ является тѣмъ литературнымъ геніемъ, къ которому всякій, съ полнымъ убѣжденіемъ примѣнитъ слова Данте о Гомерѣ: «Чтите высочайшаго поэта, что надъ другими паритъ, какъ орелъ».

Л. ПОЛОНСКІЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дожъ Венеціи.
Брабанціо, сенаторъ.
Два другіе сенатора.
Граціано, братъ Брабанціо.
Лодовико, родственникъ Брабанціо.
Отелло, генералъ, мавръ.
Кассіо, его лейтенантъ (помощникъ).
Яго, его поручикъ (адъютантъ).
Родриго, венеціанскій дворянинъ.
Монтано, предшественникъ Отелло въ управленіи Кипромъ.
Шутъ, въ услуженіи Отелло.
Герольдъ.
Дездемона, дочь Брабанціо и жена Отелло.
Эмилиа, жена Яго.
Бьянка, куртизанка, любовница Кассіо.
Офицеры, дворяне, послы, музыканты, матросы, слуги и прочіе.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Венеціи, остальные - на островъ Кипръ.

289

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Венеція. Улица.

Входятъ Родриго и Яго.

Родриго.

Нѣтъ, Яго! нѣтъ, ты что ни говори,
А больно мнѣ, что ты, располагавшій
Моей казной, какъ собственной своею,
Про это зналъ...

Яго.

Да чортъ возьми, постой!
Меня совсѣмъ ты выслушать не хочешь.
Я презирать себя позволю, если
Хоть снилось мнѣ все это.

Родриго.

Ты всегда

Мнѣ говорилъ, что ненавидишь мавра.

Яго.

И отъ меня ты отвернись съ презрѣньемъ,
Когда я лгалъ. Три знатныхъ гражданина,
Желавшіе доставить у него
Мнѣ мѣсто лейтенанта, хлопотали
Усердно за меня. И этой чести
Я стоилъ; да, какъ честный человѣкъ
Въ томъ поклянусь: себѣ я цѣну знаю...
Но этотъ мавръ, безъ памяти влюбленный
Въ свой гордый нравъ и замыслы свои,
Отъ этихъ просьбъ отвертывался долго
Напыщенной какой-то болтовней,
Напичканной военными словами,
И, наконецъ, ходатаямъ моимъ
Онъ отказалъ, *затѣмъ что*, объяснилъ онъ,
Уже себѣ я выбралъ лейтенанта.
И кто же тотъ избранникъ?
Великій ариѳметикъ, флорентинецъ,
Какой-то Кассіо, съ одной красоткой
Уже себя связавшій по рукамъ,
Не шедшій никогда предъ эскадрономъ
И знающій порядокъ боевой
Не болѣе прядильщика любого.
Теорія лишь книжная одна,
Съ которою сенаторъ каждый въ тогѣ
Не менѣе его знакомъ, хвастливость
Безъ свѣденій практическихъ - вотъ все

290

Военное искусство флорентинца.
И все-таки онъ выбранъ - да; а я,
Я, чьи дѣла не разъ Отелло видѣлъ
Въ Родосѣ, въ Кипрѣ и въ другихъ странахъ
Языческихъ и христіанскихъ - я
Попутнаго лишенъ внезапно вѣтра
Цифирникомъ и счетчикомъ простымъ.
Онъ - лейтенантъ, а я - прости мнѣ, Боже! -
Поручикомъ у мавра остаюсь.

Родриго.

Что до меня, такъ я скорѣй желалъ бы -
Клянусь тебѣ - быть палачомъ его.

Яго.

Тутъ никакимъ лѣкарствомъ не поможешь.

Таковъ у насъ порядокъ службы: тотъ
Лишь предпочтенъ, кто знатенъ и съ связями;
Не слѣдуютъ ужъ старому порядку,
Гдѣ первому наслѣдовалъ второй.
Судите же теперь; синьоръ, вы сами -
Имѣю ль я одинъ хоть поводъ быть
Расположеннымъ къ мавру?

Родриго.
Такъ ему бы

Ужъ не служилъ я вовсе.

Яго.

Успокойся!

Служа ему, служу я самъ себѣ.
Нельзя, чтобъ мы всѣ были господами
И чтобы всѣ имѣли вѣрныхъ слугъ.
Конечно, есть такіе подлецы,
Которые, почтительно сгибаясь
И ползая, влюбленные въ свое
Презрѣнное лакейство, какъ ослы,
Работаютъ из-за одной лишь пищи;
А чуть они состарѣются - вонъ
Сейчасъ ихъ гонять. Палками бы этихъ
Всѣхъ честныхъ подлецовъ! Но есть другіе,
Которые подъ маской вѣрной службы
Скрываютъ мысль лишь о самихъ себѣ,
И господамъ отлично угождая
Услужливостью видимой, межъ тѣмъ
Свои дѣла ведутъ съ большимъ успѣхомъ;
А понабивъ карманы, начинаютъ
Самимъ себѣ служить и угождать.
Вотъ въ этихъ-то людяхъ есть здравый смыслъ,
И къ этимъ-то и самъ принадлежу я.
Да-да, синьоръ,
Будь мавромъ я, я бъ не остался Яго:
То вѣрно такъ, какъ что Родриго - ты.
Служа ему, себѣ служу я только.
Свидѣтель Богъ, тутъ ни любви, ни долга,
А только ихъ личина для прикрытья
Намѣреній особенныхъ моихъ:
Вѣдь, внѣшними поступками раскрыть
Моей души и внутренность и сущность -
Не все-ль равно, что на ладонь ее
Всю выложить и дать въ добычу галкамъ?
Нѣтъ, я не тотъ, какимъ кажусь!

Родриго.

Ну, если
И здѣсь еще одержить верхъ губанъ,
Такъ счастье везетъ ему большое!

Яго.

Теперь скорѣй ея отца будите:
Пусть онъ бѣжитъ въ погоню, отравляйте
Его покой, на весь кричите городъ,
Родню ея возстановить старайтесь
Хоть онъ живетъ на почвѣ благодатной -
Замучь его ты мухами; хоть онъ
И счастья великаго добился -
Старайся ты то счастье растревожить,
Чтобъ яркій цвѣтъ утратило оно.

Родриго.

Вотъ домъ отца! Я стану громко кликать.

Яго.

Да, да, кричите, сколько хватить силъ,
Тѣмъ голосомъ ужаснѣйшимъ, которымъ
Вопять, когда въ безпечный часъ ночной
Вдругъ городъ многолюдный загорится.

Родриго.

Брабанціо! Брабанціо! синьоръ!

Яго.

Брабанціо! вставайте! воры! воры!
Вставайте! Эй! Поберегите домъ,
И дочь, и сундуки! Эй! воры, воры!

Брабанціо появляется въ окнѣ.

Брабанціо.

Что тутъ за шумъ? Что значать эти крики?
Въ чемъ дѣло? Что случилось здѣсь?

Родриго.

Синьоръ,

Домашніе всѣ ваши нынче дома?

Яго.

А двери всѣ у васъ затворены?

Брабанціо.

Да вамъ-то что? Къ чему вопросы эти?

Яго.

Къ тому, что вы ограблены, синьоръ.
Вставайте же скорѣе, одѣвайтесь,

Не мѣшкая, Вамъ разорвали сердце...
Утратили вы часть своей души...
Да, въ этотъ часъ, въ минуту эту черный
Старик-баранъ въ объятяхъ душитъ вашу
Овечку бѣлую. Синьоръ, скорѣе
Набатовъ разбудите спящихъ гражданъ,
Иначе - чортъ васъ въ дѣда превратитъ.
Скорѣй, скорѣй!

Брабанціо.
Да что вы, помѣшались?
Родриго.

Знакомъ ли вамъ, почтеннѣйшій синьоръ,
Мой голосъ?

Брабанціо.
Нѣтъ, а кто вы?
Родриго.
Я – Родриго.
Брабанціо.

Ахъ, негодяй! Да я жъ тебѣ сказалъ,
Чтобъ ты не смѣлъ предъ этимъ домомъ шляться!
Вѣдь, ясно я тебѣ ужъ объявилъ,
Что дочь моя не для тебя; а ты,
Отужинавши плотно и напившись
Напитковъ одуряющихъ, въ безумьи
Пришелъ сюда, кичась отвагой глупой,
Нарушилъ мой покой...

Родриго.
Синьоръ, синьоръ!
Брабанціо.

Но будь вполне увѣренъ, что вліянье
Мое и санъ тебя заставятъ горько
За это поплатиться.

Родриго.
Ахъ, синьоръ,

Послушайте!

Брабанціо.
Зачѣмъ ты мнѣ толкуешь

О грабежѣ? Вѣдь, городъ здѣсь, а домъ мой -
Не ферма отдаленная.

Родриго.
Синьоръ,

Почтеннѣйшій Брабанціо, повѣрьте,
Я къ вамъ пришелъ, какъ добрый человѣкъ.

Яго. Чортъ возьми, синьоръ! вы одинъ изъ тѣхъ, которые откажутся отъ служенія Богу, если того потребуеть дьяволъ. Мы пришли сюда, чтобъ оказать вамъ услугу, а вы принимаете насъ за мошенниковъ. Вѣрно, вамъ хочется, чтобъ ваша дочь сошлась съ варварійскимъ жеребцомъ, чтобъ ваши внуки ржали подлѣ васъ, чтобъ рысаки были вашими двоюродными братьями, а иноходцы - племянниками?

Брабанціо. Ты еще что за богохульникъ?

Яго. Я - человѣкъ, пришедшій вамъ сказать, что въ эту минуту ваша дочь и мавръ изображаютъ собою звѣря о двухъ спинахъ.

Брабанціо.

Ты - негодяй!

Яго.

А вы, синьоръ, - сенаторъ.

Брабанціо.

За это ты отвѣтишь мнѣ, Родриго:

Ты мнѣ знакомъ.

Родриго.

За все я отвѣчаю.

Но будьте такъ добры, скажите мнѣ -
По вашему ли мудрому согласью,
По вашему ль рѣшенію ваша дочь
Прекрасная въ глухую эту полночь
Отправилась, безъ всякой стражи, кромѣ
Наемнаго мерзавца-гондольера,
Въ сластолюбивыя объятія мавра?
Коль это вамъ извѣстно и свершилось
По вашему согласью, значитъ, мы
Вамъ нанесли большое оскорбленіе;
А если нѣтъ, такъ здравый смыслъ вамъ скажетъ,
Что этотъ гнѣвъ на насъ несправедливъ.
Не думайте, прошу васъ, что, забывши
Приличіе, надъ вами я пришелъ
Шутить и издѣваться. Нѣтъ! Дочь ваша,
Когда на то не дали вы согласья,
Ужасно провинилась - повторяю,
Сковавъ свой долгъ и умъ, и красоту
Съ бездомнымъ, безобразнымъ чужеземцемъ.
Скорѣе убѣдитесь сами въ томъ;
И если вы ее найдете въ домѣ
Иль въ комнатѣ ея - за мой обманъ
Меня тогда предайте правосудью.

Брабанціо.

Огня! огня скорѣе высѣкайте;

Свѣчей сюда! Зовите слугъ моихъ!
Все это такъ со сномъ моимъ похоже...
Ужъ мысль одна о томъ меня терзаетъ...
Огня, огня - вамъ говорятъ!

(Скрывается изъ окна).

Яго.

Прощайте;

Я долженъ удалиться. Неприлично,

292

Неловко мнѣ, по званью моему,
Свидѣтелемъ явиться противъ мавра;
Оставшись же, я долженъ это сдѣлать.
Вѣдь, нашъ сенать, я знаю, не накажетъ
Отставкою его, а развѣ легкій
Дастъ выговоръ: онъ такъ необходимъ
Сенаторамъ для предстоящей кипрской
Войны, что ужъ никѣмъ другимъ они
Не замѣнятъ Отелло въ этомъ дѣлѣ.
Вотъ почему, хотъ онъ мнѣ ненавистенъ,
Какъ муки адскія, но долженъ я
Флагъ выкинуть любви - конечно, мнимой;
А вы, чтобы вѣрнѣй его найти,
Брабанцію, къ "Стрѣлку" теперь направьтесь.
Тамъ и меня найдете. До свиданья.

(Уходитъ).

Изъ дома выходятъ Брабанцію и слуги съ факелами.

Брабанцію.

Такъ, правда все! Свершилось злодѣянье!
Нѣтъ, нѣтъ ея - и для меня теперь
Все въ будущемъ лишь горечь и мученье!
Родриго, гдѣ, скажи, ее ты видѣлъ?
Несчастная! Ты говоришь, что съ мавромъ?
О, кто жъ теперь отцомъ захочетъ быть?
Какъ ты узналъ, что то была она?
О, какъ меня ты страшно обманула!
Что жъ, что она тебѣ сказала? Эй,
Еще огня, еще огня! Будите
Домашнихъ всѣхъ! Какъ думаешь, успѣли
Они ужъ обвѣнчаться?

Родриго.

Полагаю.

Брабанцію.

О, Небеса! Да какъ ей удалось
Уйти отсель? О, кровная измѣна!
Отцы, отцы, не вѣрьте съ этихъ поръ
Ни въ чемъ, ни въ чемъ вы дочерямъ не вѣрьте!
Да нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ чаръ такихъ,
Которыми влекутся въ заблужденіе
И молодость, и дѣвственность? Родриго,
Ты не читалъ ли гдѣ-нибудь о томъ?

Родриго.

Читалъ, синьоръ.

Брабанцію.

Гдѣ братъ мой? Позовите.

О, для чего, Родриго, я не отдалъ
Ея тебѣ!.. На поиски скорѣй!
Сюда - одни, туда - другіе. Гдѣ же
Мнѣ ихъ найти? Не знаешь ли, Родриго?

Родриго.

Я думаю, что указать могу.
Пошлите-ка сперва за доброй стражей
И слѣдуйте за мною.

Брабанцію.

Ну, веди,

Веди скорѣй! Я въ каждомъ домѣ буду
Кричать, чтобъ мнѣ давали подкрѣпленіе.
Берите-ка оружье. Призовите
Чиновниковъ дозорныхъ поскорѣе.
Идемъ! идемъ, Родриго, добрый мой,
За этотъ трудъ тебя вознагражу я.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Другая улица.

Входятъ Отелло, Яго и служители съ факелами.

Яго.

Хоть на войнѣ я убивалъ людей,
Но совѣсти считалъ всегда противнымъ
Обдуманно убійство совершить.

Мнѣ къ этому недоставало часто
Жестокости. Разъ девять или десять
Готовился я въ бокъ его пырнуть.

Отелло.

И хорошо, что этого не сдѣлалъ.

Яго.

Да какъ же быть? Онъ хвасталъ такъ ужасно
И, говоря о васъ, употреблялъ
Обидныя такія выраженья,
Что я, при всей сердечной добротѣ,
Съ большимъ трудомъ сдержалъ негодованье.
Однако же, скажите мнѣ, синьоръ,
Обвѣнчаны ли вы? Вамъ надо помнить,
Что нашъ манифико любимъ здѣсь всѣми
И въ этомъ случаѣ его, вѣдь, голосъ
Вдвойнѣ сильнѣй, чѣмъ самый голосъ дожа.
Онъ разведетъ, навѣрно, васъ, подвергнетъ
Тяжелымъ наказаніямъ, какія
Законъ, его усиленный вліяньемъ,
Ему отдастъ на выборъ.

Отелло.

Что жъ, пускай

Онъ бѣшенству, какъ хочетъ, предается,
Но, вѣдь, мои заслуги предъ сенатомъ
Перекричатъ всѣ жалобы его.
Притомъ, когда увижу я, что чванство
Даетъ почетъ, то объявлю вездѣ,

293

Что родомъ я изъ царственного дома.
Что не нужна сенаторская шапка
Мнѣ для того, чтобъ право я имѣлъ
Хотя бъ на то высокое блаженство,
Котораго достигнулъ я теперь.
Да, Яго, знай, когда бы Дездемоны
Я не любилъ, за всѣ богатства моря
Не заключилъ бы въ тѣсныя границы
Жизнь вольную, бездомную свою.
Но, посмотри, что за огни тамъ?

Въ отдаленіи показывается Кассіо и нѣсколько офицеровъ съ факелами.

Яго.

Это -

Ея отецъ разгнѣванный, и съ нимъ
Его друзья. Уйти бы вамъ.

Отелло.

Напротивъ,

Желаю я, чтобы меня нашли.
Заслуги, санъ и совѣсть безъ упрека
Меня вполнѣ - я знаю - оправдаютъ...
Они ли то?

Яго.

Нѣтъ, Янусомъ клянусь,
Мнѣ кажется - другіе.

Отелло.

Это - дожа
Служители, и лейтенантъ мой съ ними.
Ночь добрая, друзья мои! Здорово!
Что скажете?

Кассіо.

Насъ дожъ сюда отправилъ,
Чтобъ передать поклонъ вамъ, генералъ,
И попросить къ нему сейчасъ явиться,
Не медля ни минуты.

Отелло.

Для чего?
Не знаете?

Кассіо.

Какъ могъ я догадаться,
Получены сейчасъ изъ Кипра вѣсти -
Важнѣйшія какія-то дѣла.
Сегодня въ ночь съ галеръ сюда прислали
Посланниковъ двѣнадцать, одного
Вслѣдъ за другимъ. Теперь у дожа
Сенаторовъ довольно собралось!
За вами разъ тогда же посылали,
Но посланный васъ дома не засталъ.
Теперь Сенатъ во всѣ концы отправилъ,
Чтобъ разыскать скорѣе...

Отелло.

Хорошо,
Что вы меня здѣсь встрѣтили. Я только
Зайду сказать два слова въ этотъ домъ
И возвращусь немедленно. (*Уходитъ*).

Кассіо.

Поручикъ!

Что у него тутъ за дѣла?

Яго.

Сегодня

Онъ ночьюъ взялъ къ себѣ на абордажъ
Галеру превосходную, и если
Признается законнымъ призъ его,
Онъ навсегда свое составилъ счастье.

Кассіо.

Мнѣ не совсѣмъ понятно.

Яго.

Онъ женился.

Кассіо.

На комъ?

Яго.

На...

Отелло возвращается.

Что жъ, пойдете, генераль?

Отелло.

Идемъ.

Кассіо.

А вотъ еще другой отрядъ:

Онъ также васъ отыскиваетъ.

Входятъ Брабанціо, Родриго и дозорные съ факелами и оружіемъ.

Яго.

Это -

Брабанціо. Взгляните, генераль!

Онъ съ умысломъ недобрымъ - берегитесь!

Отелло.

Стой! Кто идетъ?

Родриго.

Синьоръ, онъ здѣсь.

Брабанціо.

Хватайте

Разбойника!

(Съ обѣихъ сторонъ обнажаютъ мечи).

Яго.

А, это вы, Родриго?

Ну, что жъ, синьоръ, къ услугамъ вашимъ я.

Отелло.

Умѣрьте гнѣвъ, друзья мои, вложите

Не то - роса ихъ ржавчиной покроетъ.
Почтеннѣйшій синьоръ мой, вы годами
Внушаете повиновенья больше,
Чѣмъ этимъ всѣмъ оружіемъ.

Брабанціо.

Подлый воръ!

Куда, куда ты дочь мою упряталъ?
Проклятый, ты околдовалъ ее!
Да я сошлюсь на все, что смыслъ имѣетъ.
Возможно ли, чтобъ, не связавъ себя
Оковами какихъ-то чаръ проклятыхъ -
Возможно ли, чтобъ дѣвушка такая
Прекрасная, невинная, на бракъ
Смотрѣвшая съ такою непріязнью,
Что юношамъ знатнѣйшимъ и красавцамъ
Венеціи отказывала всѣмъ -
Чтобъ девушка такая, говорю я,
Рѣшилась дать себя на посмѣянье
Всеобщее, изъ дому убѣжать
И на груди укрыться закоптѣлой
Созданья безобразнаго, въ комъ все
Внушаетъ страхъ, а не любви отраду?
Суди меня весь міръ, когда не ясно,
Что ты ее гнуснѣйшимъ колдовствомъ
Очаровалъ, что дѣвственную юность
Ты погубилъ напитками и зельемъ,
Волнующими страсти. Я хочу,
Чтобы вполнѣ изслѣдовано было
Все это дѣло, а межъ тѣмъ оно
Правдоподобно такъ и для разсудка
Такъ осязательно, что я сейчасъ же
Беру и арестую здѣсь тебя,
Обманщика мірскаго, человѣка
Искуснаго въ проклятомъ колдовствѣ,
Въ занятіяхъ, закономъ запрещенныхъ.
Эй, взять его, а если станетъ онъ
Противиться - вы съ нимъ не церемоньтесь!

Отелло.

Друзья мои и вы, всѣ остальные,
Сдержите руки. Если бъ роль моя

Была борьба, ее бы я исполнилъ
Безъ помощи суфлера - вѣрьте мнѣ.
Куда хотите вы, чтобъ шелъ я съ вами
На ваше обвиненье отвѣчать?

Брабанцію.

Въ тюрьму, въ тюрьму, пока тебя къ отвѣту
Не позовутъ законъ и правый судъ!

Отелло.

Да какъ же я могу повиноваться?
Какъ я тогда приказъ исполню дожа,
Котораго послы сюда пришли,
Чтобъ звать меня по дѣлу государства?

Одинъ офицеръ.

Онъ точно правъ, почтеннѣйшій синьоръ.
Въ совѣтъ дожъ. Навѣрно, посылали
И васъ просить.

Брабанцію.

Какъ, дожъ въ совѣтъ? ночью?

Ведите же его туда за мной -
И у меня, вѣдь, дѣло не пустое.
Самъ дожъ и все сенаторы-собратья
Должны смотрѣть на это оскорбленье,
Какъ на свое. Когда давать мы будемъ
Такимъ дѣламъ свободный ходъ, тогда
У насъ въ главѣ правленія скоро станутъ
Язычники и подлые рабы.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Зала совѣта.

Дожъ и сенаторы сидятъ за столомъ, офицеры стоятъ въ отдаленіи.

Дожъ.

Въ полученныхъ извѣстіяхъ, однако,
Согласія нѣтъ - и это намъ мѣшаетъ
Имъ вѣру дать.

1-й сенаторъ.

Да, правда: разногласья

Довольно въ нихъ. Мнѣ пишутъ, что число
Галеръ - сто семь.

Дожъ.

А мнѣ, что ихъ сто сорокъ.

2-й сенаторъ.

А мнѣ, что ихъ - двѣ сотни. Но хотя
Въ числѣ галеръ и не согласны письма,
Такъ какъ догадки въ разныхъ донесеньяхъ
Ведутъ всегда къ ошибкамъ, все жъ они
Всѣ говорятъ, что этотъ флотъ - турецкій
И что на Кипръ плыветъ онъ.

Дожъ.

Въ этомъ всемъ

Есть много вѣроятя; потому-то
Не тѣшу я себя различьемъ въ числахъ,
Но главному я вѣрю - и боюсь.

Матросъ (*за сценой*).

Скорѣй меня впустите: новость! новость!

Входятъ офицеръ и матросъ.

Офицеръ.

Вотъ посланный съ галеръ.

295

Дожъ.

Ну что? въ чемъ дѣло?

Матросъ.

Турецкій флотъ плыветъ теперь къ Родосу.
Мнѣ приказалъ объ этомъ донести
Сенаторамъ синьоръ Анджело.

Дожъ.

Ну,

Что скажете объ этой перемѣнѣ?

1-ый сенаторъ.

Да я скажу, что это невозможно
И разуму противно. Это шутка,
Которою хотятъ насъ съ толку сбить.
Вѣдь, стоитъ намъ сообразить, какъ важенъ
Для турокъ Кипръ; потомъ припомнить то,
Что ихъ Родосъ не такъ интересуетъ,
Затѣмъ что взять гораздо легче Кипръ,
Гдѣ нѣтъ большихъ и прочныхъ укрѣплений,
Гдѣ средствъ къ защитѣ нѣтъ такихъ, какими

Богатъ Родось. Подумаемъ объ этомъ -
 И мы поймемъ, что турки, вѣдь, не такъ
 Неопытны, чтобъ, главное оставивъ
 И пренебрегши предпріятіемъ легкимъ
 И выгоднымъ, пуститься на другое -
 Опасное, неприбыльное

Дожъ.

Да,

Они плывутъ, навѣрно, не къ Родосу.

Офицеръ.

Вотъ съ новыми вѣстями къ вамъ гонецъ.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.

Почтенные синьоры, оттоманы,
 Поплывшіе къ Родосу, близъ него
 Съ другимъ еще соединились флотомъ.

1-ый сенаторъ.

Я такъ и зналъ. А сколько ихъ, какъ слышно?

Гонецъ.

Всѣхъ тридцать кораблей. Затѣмъ они
 Обратно повернули и теперь
 Уже на Кипръ плывутъ. Синьоръ Монтано,
 Вашъ преданный и доблестный слуга,
 Объ этомъ извѣщаетъ васъ и просить,
 Чтобъ вы ему повѣрили.

Дожъ.

Теперь

Сомнѣнья нѣтъ: ихъ путь направленъ къ Кипру.

Что, въ городѣ ли нынче Маркъ Люкезе?

1-й сенаторъ. Онъ теперь во Флоренціи.

Дожъ. Напишите ему отъ насъ и попросите, чтобъ онъ возвратился, не
 медля ни минуты.

1-ый сенаторъ. Вотъ и Брабанціо съ доблестнымъ мавромъ.

Входятъ Брабанціо, Отелло, Яго, Родриго и офицеры.

Дожъ.

Отелло доблестный, сейчасъ должны мы
 Употребить васъ въ дѣло противъ турокъ,
 Враговъ республики. Но я не вижу...

(Къ Брабанцію).

А, здравствуйте, почтеннѣйшій синьоръ!
И вашъ совѣтъ, и ваша помощь - нынче
Намъ всѣ нужны.

Брабанцію.

А я ихъ жду отъ васъ,
Свѣтлѣйшій дожъ, простите мнѣ: не санъ мой,
Не эта вѣсть о новомъ, важномъ дѣлѣ
Заставили меня съ постели встать.
Не общая меня забота взволновала
Затѣмъ, что скорбь душевная моя
Бѣжитъ такимъ потокомъ неудержнымъ,
Что скорби всѣ другія поглощаетъ,
Не становясь слабѣе ни на мигъ.

Дождъ.

Но что, синьоръ? что съ вами? что случилось?

Брабанцію.

Дочь, дочь моя!

Дождъ.

Мертва?

Брабанцію.

Да, для меня!

Обманута, похищена ворами,
Обольщена снадобьемъ колдуновъ
И чарами, затѣмъ что невозможно,
Не будучи слѣпой, кривой, безумной,
Впасть въ страшное такое заблужденіе
Безъ колдовства.

Дождъ.

Кто бъ ни былъ человѣкъ,
Рѣшившійся такимъ гнуснѣйшимъ средствомъ
У васъ взять дочь, а у нея - сознанье, -
Кровавую закона книгу вы
Раскроете и выберете въ ней
Возмездіе, какое захотите.
Хоть будь мой сынъ родной, не измѣню я
Рѣшенія.

Брабанцію.

Нижайше вашу свѣтлость
Благодарю. Виновный - этотъ мавръ,
Котораго по дѣлу государства
Вы, кажется, послали звать сюда.

Дожъ и сенаторы.
Такую вѣсть намъ очень грустно слышать.
Дожъ (къ Отелло).
Что можете вы отвѣчать на это?

Брабанціо.
Да только то, что правду я сказалъ.
Отелло.

Почтенные, знатнѣйшіе синьоры
И добрые начальники мои!
Что дочь увезъ у этого я старца -
Не выдумка; не выдумка и то,
Что я на ней женился; но на этомъ
Кончается и весь проступокъ мой.
Я грубъ въ рѣчахъ; къ кудрявымъ фразамъ мира
Нѣтъ у меня способности большой,
Нѣтъ потому, что этими руками
Я съ семи лѣтъ до нынешняго дня
На лагерныхъ поляхъ привыкъ работать.

297

Изо всего, что въ мірѣ происходитъ,
Я говорить умѣю лишь о войнахъ,
Сраженіяхъ; вотъ почему теперь,
Здѣсь говоря за самого себя,
Едва ли я съумѣю скрасить дѣло.
Но пусть и такъ: я, съ вашего согласья,
Все жъ расскажу вамъ, прямо, безъ прикрасъ,
Весь ходъ любви моей; скажу, какими
Снадобьями и чарами, какимъ
Шептаніемъ и колдовствомъ всесильнымъ -
Вѣдь, въ этомъ я предъ вами обвиненъ -
Привлекъ къ себѣ я дочь его.

Брабанціо.
Такая
Смиренная и робкая дѣвица,
Краснѣвшая отъ собственныхъ движеній -
И вдругъ она, наперекоръ природѣ,
Своимъ лѣтамъ, отечеству, богатству,
Всему, всему, влюбилась въ то, на что
До этихъ поръ и посмотрѣть боялась!
Нѣтъ, только тотъ, кто поврежденъ въ разсудкѣ

Иль кто совсѣмъ съ ума сошелъ, допустить,
 Что можетъ такъ забыться совершенство,
 Наперекоръ всѣмъ правиламъ природы -
 И объяснить такое дѣло должно
 Ничѣмъ инымъ, какъ происками ада.
 А потому я утверждаю вновь,
 Что на нее онъ дѣйствовалъ какимъ-то
 Снадобьемъ одуряющимъ иль зельемъ,
 Для этого приправленнымъ нарочно.

Дожъ.

Такъ утверждать - не значитъ доказать,
 И подкрѣпить должны вы обвиненье
 Свидѣтельствомъ яснѣе и точнѣе
 Такихъ пустыхъ догадокъ и такихъ
 Незначащихъ и мнимыхъ заключеній.

1-ый сенаторъ.

Ну, говорите же скорѣй, Отелло:
 То правда ли, что къ средствамъ запрещеннымъ,
 Насильственнымъ прибѣгли вы затѣмъ,
 Чтобъ подчинить себѣ и отравить
 Дѣвицы юной чувства? Или въ этомъ
 Успѣли вы посредствомъ убѣжденій
 И тѣхъ рѣчей, которыя влекутъ
 Къ одной душѣ другую?

Отелло.

Умоляю,

Пошлите вы сейчасъ къ "Стрѣлку" за нею.
 И пусть она въ присутствіи отца
 Все обо мнѣ разскажетъ; если я
 Изъ словъ ея виновнымъ окажусь,
 Тогда меня не только что довѣрять
 И сана, мнѣ дарованныхъ отъ васъ,
 Лишите вы, но пусть вашъ судъ правдивый
 И жизнь мою отыметъ у меня.

Дожъ.

Пошлите-же сейчасъ за Дездемоной.

Отелло(къ Яго).

Сведи ихъ, другъ: ты знаешь, гдѣ она.

(Яго уходитъ съ нѣсколькими офицерами).

А между тѣмъ, почтенные синьоры,

Пока она придетъ сюда, я вамъ
Такъ искренно, какъ Богу открываю
Свои грѣхи, скажу, какъ я успѣлъ
Снискать любовь прекрасной этой дѣвы
И какъ она мою пріобрѣла.

Дожъ.

Разсказывай: мы слушаемъ, Отелло.

Отелло.

Ея отецъ любилъ меня и часто
Звалъ въ домъ къ себѣ. Онъ заставлялъ меня
Разсказывать исторію всей жизни,
Годъ за годъ - всѣ сраженія, осады
И случаи, пережитые мной.
Я разсказалъ все это, начиная
Отъ дѣтскихъ дней до самаго мгновенія,
Когда меня онъ слышать пожелалъ.
Я говорилъ о всѣхъ моихъ несчашьяхъ,
О бѣдствіяхъ на сушѣ и моряхъ:
Какъ ускользнулъ въ проломѣ я отъ смерти,
На волосокъ висѣвшей отъ меня;
Какъ взять былъ въ плѣнъ врагомъ жестокосердымъ
И проданъ въ рабство; какъ, затѣмъ, опять
Я получилъ свободу. Говорилъ я
Ему о томъ, что мнѣ встрѣчать случалось
Во время странствій: о большихъ пещерахъ,
Безплоднѣйшихъ пустыняхъ, страшныхъ безднахъ,
Утесахъ неприступныхъ и горахъ,
Вершинами касающихся неба;
О канибалахъ, что ѣдятъ другъ друга,
О племени антропофаговъ злыхъ
И о людяхъ, которыхъ плечи выше,
Чѣмъ головы. Разскажамъ этимъ всѣмъ
Съ участіемъ внимала Дездемона,
И каждый разъ, какъ только отзывали
Домашнія дѣла ее отъ насъ,
Она скорѣй старалась ихъ окончить,
И снова шла, и жадно въ рѣчь мою
Впивалась. Все это я замѣтилъ
И, улучивъ удобный часъ, искусно
Съумѣлъ у ней изъ сердца вырвать просьбу -
Пересказать подробно ей все то,
Что слышать ей до этихъ поръ безъ связи,
Урывками одними привелось.

И началъ я разсказъ мой, и не разъ
Въ ея глазахъ, съ восторгомъ, видѣлъ слезы,
Когда я ей повѣствовалъ о страшныхъ
Несчастіяхъ изъ юности моей.
Окончилъ я - и цѣлымъ міромъ вздоховъ
Она меня за трудъ мой наградила,
И мнѣ клялась, что это странно, чудно
И горестно, невыразимо горько;
Что лучше ужъ желала бы она
И не слышать про это; но желала бъ,
Чтобъ Богъ ее такую сотворилъ,
Какъ я; потомъ меня благодарила,
Прибавивши, что если у меня
Есть другъ, въ нее влюбленный, - пусть онъ только
Разскажетъ ей такое жъ о себѣ -
И влюбится она въ него. При этомъ
Намекъ я любовь мою открылъ.
Она меня за муки полюбила,
А я ее - за состраданье къ нимъ.
Вотъ чары всѣ, къ которымъ прибѣгалъ я.
Она идетъ - спросите у нея.

Входятъ Дездемона, Яго и Офицеры.

Дождь.

Ну, и мою бы дочь увлекъ, конечно,
Такой разсказъ. Брабанціо почтенный,
Что кончено, того не воротить,
И слѣдуетъ вамъ съ этимъ примириться.
Вы знаете, что люди чаще бьются

299

Хоть сломаннымъ оружіемъ, но оружіемъ,
Чѣмъ голыми руками.

Брабанціо.

Я прошу, -

Послушайте еще ея признанье,
И если здѣсь сознается она
Въ участіи своемъ хоть вполонину -
Пусть смерть падетъ на голову мою,
Когда его смущу я укоризной.
Поди сюда, любезное дитя!
Ты знаешь ли, кому изъ здѣсь сидящихъ

Почтеннѣйшихъ синьоровъ ты должна
Оказывать всѣхъ больше послушанья?

Дездемона.

Я знаю то, отецъ мой благородный,
Что на-двое распался здѣсь мой долгъ:
Вамъ жизнию и воспитаньемъ я
Обязана; и жизнь, и воспитанье,
Сказали мнѣ, что васъ должна я чтить:
Вы мой глава, я ваша дочь, родитель,
Но вотъ мой мужъ. Позвольте же и мнѣ
Быть столько же покорной мавру, сколько

300

И мать моя, съ своимъ отцомъ разставшись
И выбравъ васъ, была покорна вамъ.

Брабанціо.

Ну, Богъ съ тобой! Я кончилъ, ваша свѣтлость.
Угодно вамъ - мы перейдемъ къ дѣламъ
Республики. О, лучше бъ я хотѣлъ
Пріемыша имѣть, чѣмъ дочь родную!
Мавръ, подойди и выслушай меня.
Отъ всей души даю тебѣ я то,
Что у тебя отъ всей души бы вырвалъ,
Когда бъ ты имъ уже не завладѣлъ.

(Дездемонѣ).

Ну, милое сокровище, душевно
Я радуюсь, что дочери другой
Нѣтъ у меня, а то бъ я сталъ тираномъ
Изъ-за побѣга твоего и въ цѣпи
Ее сковалъ. Я кончилъ, ваша свѣтлость.

Дожъ.

Позвольте же, какъ будто вмѣсто васъ,
Мнѣ высказать теперь такое мнѣнье,
Которое могло бъ влюбленнымъ этимъ
Ступенями служить для достиженья
Пріязни вашей.
Когда ужъ нѣтъ спасенья, грусть должна
Окончиться съ сознаніемъ несчастья
И гибели послѣдней изъ надеждъ.
Оплакивать исчезнувшее горе -
Върнѣйшій путь призвать другую скорбь.
Когда нельзя предотвратить удара -

Терпѣніе есть средство отомстить
Насмѣшкою судьбѣ несправедливой.
Ограбленный, смѣясь своей потерѣ,
У вора отымаешь кое-что:
Но, горести предавшись бесполезной,
Воруешь онъ у самого себя.

Брабанціо.

Такъ знаете, уступимъ-ка съ улыбкой
Мы туркамъ Кипръ: онъ, все вѣдь, будетъ нашъ.
Охъ! хорошо такія разсужденія
Переносить тому, кто удрученъ
Лишь сладкимъ утѣшеніемъ, въ нихъ лежащимъ.
Но каково тому, кто, кромѣ ихъ,
Обремененъ печалью? Для уплаты
Своей тоскѣ онъ долженъ занимать
У бѣднаго терпѣнія. Эти рѣчи,
Способныя и утѣшать, и мучить,
Двусмысленны, какъ ихъ ни поверни.
Слова всегда останутся словами!
Я никогда не слышалъ, чтобъ могло
Растерзанное сердце излѣчиться
Тѣмъ, что ему подсказываетъ ухо.
Теперь я васъ покорнѣйше прошу
Заняться здѣсь дѣлами государства.

Дожъ. Турки, могущественно вооруженные, плывутъ къ Кипру. Вамъ, Отелло, лучше, чѣмъ другимъ, извѣстны средства обороны этого мѣста. Хотя мы имѣемъ уже тамъ намѣстника высокодоблестнаго, но общественное мнѣніе - этотъ верховный властелинъ успѣховъ - возлагаетъ большую надежду спасенія на васъ. Поэтому вамъ придется теперь омрачить блескъ вашего новаго счастья этой неминуемой и бурной экспедиціею.

Отелло.

Почтенные сенаторы, привычка -
Тиранъ людей, и для меня она
Кремнистое, стальное ложе брани
Въ пуховую перину превратила.
Я, признаюсь, въ трудѣ тяжеломъ радость
Открытую, прямую нахожу -
И въ бой готовъ итти на оттомановъ.
Поэтому къ вамъ обращаюсь я
Съ смиреніемъ полнѣйшимъ и прошу,
Чтобъ сдѣлано распоряженіе было
Насчетъ жены моей, чтобъ ей жилище
Назначили, и слугъ, и содержанье,

И, словомъ, всѣ удобства, какъ прилично
Высокому рожденію ея.

Дожъ.

Хотите вы, такъ пусть живетъ она
У своего отца.

Брабанцію.

Я не согласенъ.

Отелло.

Ни я.

Дездемона.

Ни я. Я не хочу тамъ жить,
Чтобъ, находясь передъ отца глазами,
Его всегда сердить и раздражать.
Свѣтлѣйшій дожъ, внемлите благосклонно
Моей мольбѣ, и слово снисхожденья
Пусть ободритъ неопытность мою.

Дожъ.

Чего же вы хотите, Дездемона?

Дездемона.

Свѣтлѣйшій дожъ, я доказала міру
Тѣмъ, что пошла открыто и безстрашно
На встрѣчу всѣмъ превратностямъ судьбы,
Что для того я мавра полюбила,
Чтобъ съ мавромъ жить. Вѣдь, сердце-то мое
Призванію его и покорилося.
Въ его лицѣ мнѣ духъ его являлся;

302

Я подвигамъ его и славѣ громкой
Свою судьбу и душу посвятила.
Поэтому, почтенные синьоры,
Когда я здѣсь останусь молью мира,
Межъ тѣмъ какъ онъ поѣдетъ на войну,
То именно того лишусь, за что я
Люблю его, и тяжело будетъ мнѣ
Переносить разлуку съ милымъ сердцу.
Позвольте же мнѣ ехать вмѣстѣ съ нимъ.

Отелло.

Сенаторы, подайте голоса!
Я васъ молю не отказать ей въ просьбѣ.
Свидѣтель Богъ, молю не для того,
Чтобъ угодить желаньямъ сладострастнымъ,
Не для того, чтобъ юной страсти жаръ

Мнѣ одному дарилъ бы наслаждение,
Но для того, чтобы ея душа
Отъ всѣхъ заботъ и мукъ была свободна.
Но, Боже васъ, синьоры, сохрани
Отъ мысли той, что важнымъ вашимъ дѣломъ
Пренебрегу, не разставаясь съ ней.
Нѣтъ, нѣтъ! Когда безпечныя забавы
Крылатаго Амура наведутъ
Изнѣженность и сладкую истому
На мысль мою и дѣйствія мои,
Когда онѣ мое испортятъ дѣло,
Тогда пускай изъ шлема моего
Простой горшокъ себѣ устроятъ бабы,
И пусть тогда на честь мою падутъ
Постыднѣйшій позоръ и оскорбленье!

Дожъ.

Пусть будетъ такъ, какъ сами вы рѣшите -
Остаться ей иль ѣхать. Наше дѣло
Не терпитъ отлагательства, и медлить
Никакъ нельзя. Вы ѣдете сегодня.

Дездемона.

Сегодня въ ночь?

Дожъ.

Сегодня въ ночь.

Отелло.

Я радъ.

Дожъ.

Мы снова здѣсь сойдемся вмѣстѣ завтра
Часу въ десятомъ утра. Вы, Отелло,
Кого-нибудь изъ вашихъ офицеровъ
Оставьте: онѣ ваше полномочье
И прочія бумаги всѣ, какія
Вамъ слѣдуетъ, къ вамъ привезетъ.

Отелло.

Позвольте

Поручика оставить моего:
Онъ человѣкъ и честный, и надежный.
Онъ привезетъ ко мнѣ жену мою,
А также все, что вы сочтете нужнымъ
Послать ко мнѣ.

Дожъ.

Ну что жъ - пусть будетъ такъ.

Теперь вамъ всѣмъ желаю доброй ночи.

(Къ Брабанцію).

Почтеннѣйшій синьоръ, коль добродѣтель

Какъ красота прекрасна, то вашъ зять,

Повѣрьте мнѣ, не черенъ, а прекрасенъ.

1-ый сенаторъ.

Прощайте, храбрый мавръ, и Дездемону

Храните вы отъ всякихъ бѣдъ.

Брабанцію.

Смотри

За нею, мавръ, смотри во всѣ глаза:

Она отца родного обманула,

Такъ и тебя, пожалуй, проведетъ.

(Дождь, сенаторы и другіе уходятъ).

Отелло.

Нѣтъ, жизнь даю за вѣрность Дездемоны!

(Къ Яго).

Съ тобой я оставляю, честный Яго,

Мою жену. Прошу тебя, скажи

Своей женѣ смотрѣть за ней; а послѣ,

При случаѣ удобномъ, привези

Обѣихъ ихъ. Пойдемъ же, Дездемона

Одинъ лишь часъ могу я дать любви

И всѣмъ другимъ заботамъ постороннимъ:

Мы времени покорствовать должны.

(Уходитъ съ Дездемоной).

Родриго. Яго!

Яго. Что скажешь, благородная душа?

Родриго. Какъ ты думаешь, что я намѣренъ сейчасъ сдѣлать?

Яго. Думаю, что ты сейчасъ отправишься спать.

Родриго. Я сейчасъ пойду и утоплюсь.

Яго. Ну, если ты сдѣлаешь это, я послѣ того перестану любить тебя. И къ чему это, глупый человѣкъ?

Родриго. Глупость жить, когда жизнь - мученье; и мы обязаны умереть, когда смерть можетъ быть нашимъ исцѣлителемъ.

Яго. О, чепуха! Я смотрю на смерть уже пятое семилѣтіе, и съ тѣхъ поръ, какъ научился различать благодѣяніе отъ оскорбленія, не встрѣчалъ еще человѣка, который бы умѣлъ любить себя. Нѣтъ, что касается меня, то я скорѣе бы обмѣнялся своею человѣчностью съ обезьяною, чѣмъ рѣшился бы утопиться изъ любви къ какой-нибудь цесаркѣ.

Родриго. Да что же мнѣ сдѣлать? Сознаюсь, мнѣ самому стыдно, что я такъ влюбленъ; да нѣтъ силъ преодолѣть это!

Яго. Нѣтъ силъ? пустяки! Быть такимъ или инымъ - зависитъ отъ насъ самихъ. Наше тѣло - нашъ садъ, а наша воля - садовникъ въ немъ. Захотимъ ли мы посадить тамъ крапиву или посѣять салатъ, исопъ, тминъ; захотимъ ли украсить этотъ садъ однимъ родомъ травъ или нѣсколькими; захотимъ ли запустить его по бездѣйствию или обработать съ заботливостью - всегда сила и распорядительная власть для этого лежатъ въ нашей волѣ. Еслибы въ вѣсахъ нашей жизни не было чашечки разсудка для уравновѣшиванія чашечки чувствительности, то кровь и пошлость нашей натуры довели бы насъ до безумнѣйшихъ послѣдствій. Но у насъ есть разсудокъ для прохладженія бѣшенныхъ страстей, животныхъ побужденій, необузданныхъ похотей. Вотъ почему то, что ты называешь любовью, есть, я думаю, простой побѣгъ или отпрыскъ.

Родриго. Это невозможно.

Яго. Да, просто похоть крови, потворствуемая волею. Ну полно, будь мужчиной! Утопиться!.. Топи лучше кошекъ и слѣпыхъ щенятъ. Я объявилъ себя твоимъ другомъ, признаюсь, что привязанъ къ тебѣ канатами надежной толщины и никогда не могъ быть тебѣ полезнымъ такъ, какъ теперь. Насыпь-ка денегъ въ свой кошелекъ, ступай на войну, измѣни лицо свое поддѣльной бородой - но, повторяю, насыпь-ка денегъ въ свой кошелекъ. Невозможно, чтобы Дездемона долго любила мавра. Невозможно, чтобы и онъ долго любилъ ее. Любовь эта стремительно началась, и ты увидишь такой же разрывъ ея; но не забудь кошелекъ съ деньгами! Эти мавры измѣнчивы въ своихъ желаніяхъ... Наполни же кошелекъ свой деньгами. Пища, которая кажется ему теперь такою же сладкою, какъ саранча, скоро сѣлается для него горше колоцинтовъ. Она должна перемѣниться вслѣдствіе своей молодости; когда насытится его тѣломъ, то увидитъ, какъ ошиблась. Да, ей нужна будетъ перемѣна, непременно нужна - вотъ почему насыпь денегъ въ кошелекъ. Если ужъ ты непременно хочешь погубить себя, такъ употреби для этого средство болѣе пріятное, чѣмъ утопиться. Собери денегъ, сколько можешь. Если ложная святость и непорочныя клятвы бродяги-чужеземца и хитрой венеціанки не побѣдятъ моей смыслености и стараній цѣлаго ада, то ты завладѣешь ею, только достань денегъ. Какой вздоръ - утопиться! Вѣдь, это ни къ чему не поведетъ... Ужъ лучше тебѣ повѣситься, насладившись блаженствомъ, чѣмъ утопиться, ничего не добившись!

Родриго. Но оправдаешь ли ты мои надежды, если я послѣдую твоимъ совѣтамъ?

Яго. Будь совершенно увѣренъ во мнѣ... А теперь доставай денегъ. Я говорилъ тебѣ часто и теперь снова повторяю: я ненавижу мавра. Причинъ на это у меня достаточно: у тебя тоже не меньше. Соединимся же вмѣстѣ для мщенія. Если тебѣ удастся приставить ему рога, то этимъ ты себѣ доставишь удовольствіе, а мнѣ потѣху. Много есть такого въ утробѣ времени, что скоро откроется. Ну, маршъ - доставай денегъ! Завтра мы потолкуемъ объ этомъ подробнѣе. Прощай.

Родриго. Гдѣ мы увидимся завтра утромъ?

Яго. У меня.

Родриго. Я приду пораньше.
Яго. Ну, прощай. Но ты слышалъ, Родриго?
Родриго. Что такое?
Яго. Ни слова больше о томъ, что хочешь утопиться - слышалъ?
Родриго. Я раздумалъ. Я продамъ все мои помѣстья.
Яго. Ступай, да припаси побольше денегъ.
(Родриго уходитъ).

Вотъ такъ всегда изъ дураковъ такихъ
Я кошелекъ свой дѣлаю; а тратить
Изъ-за одной пустой забавы время
Съ болванами подобными – вѣдь, значить
Срамить себя и опытность свою.
Я ненавижу мавра. Ходятъ слухи,
Что на моей супружеской постели
Онъ исполнялъ обязанность мою.
Не знаю я, правдивы ль эти слухи;
Но одного простого подозрѣнья
Довольно мнѣ, чтобъ поступать, какъ будто
Увѣренъ я. Онъ вѣритъ мнѣ во всемъ -
Тѣмъ лучше я въ дѣлахъ своихъ успѣю.
Нашъ Кассіо красавецъ... Какъ бы это?..
Вотъ было бы вдвойнѣ отличной шуткой -
Занять его мнѣ мѣсто и потомъ
Его же взять, чтобъ оперить мой планъ!
Но какъ? но какъ? Подумаемъ однако:
Не худо бы начать, спустя немного,
Нашептывать Отелло въ уши, будто
Съ его женой онъ черезчуръ ужъ друженъ.
У Кассіо красивое лицо,
Онъ ловокъ, милъ; онъ будто съ тѣмъ лишь созданъ,
Чтобъ обольщать всѣхъ женщинъ, и къ нему

304

Приревновать не трудно; а у мавра
Такой простой и добродушный нравъ,
Что честнымъ онъ считаетъ человѣкомъ
Умѣвшаго прикинуться такимъ,
И за носъ такъ водить его удобно,
Какъ глупаго осла.
Такъ, рѣшено! Зачатъе совершилось,
А тѣма и адъ потомъ на помощь мнѣ придуть.
И плодъ чудовищный для свѣта извлекутъ.
(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Приморскій городъ на Кипрѣ. Терраса.
Входятъ Монтано и два офицера.

Монтано.

Не видно-ли чего на морѣ съ мыса?

1-ый офицеръ.

Нѣтъ, ничего. Сердито ходятъ волны,

И паруса ни одного не видно

Между водой и небомъ.

Монтано.

Вѣтеръ сильно

На сушѣ здѣсь шумѣлъ: сильнѣе рева

Не слышали еще бойницы наши.

Когда онъ такъ и въ морѣ свирѣпѣлъ -

Не выдержать никакъ дубовымъ ребрамъ

Отъ натиска громадныхъ горъ воды.

Ну, что-то мы услышимъ?

2-ой офицеръ.

Что разсѣянь

Турецкій флотъ. Чтобъ убѣдиться въ томъ

Взгляните-ка на пѣнящійся берегъ -

Ревущіе валы какъ будто быются

Съ толпою тучъ; бичуемъ грознымъ вѣтромъ,

Чудовищную гриву океанъ

Всю разметалъ и точно хлещетъ влагой

Въ Медвѣдицу сверкающую, съ тѣмъ,

Чтобъ загасить блестящихъ сторожей

У полюса, недвижнаго отъ вѣка.

Да, признаюсь, такого возмущенья

Я не видалъ еще на бурномъ морѣ.

Монтано.

Да, если флотъ турецкій не успѣлъ

Куда-нибудь укрыться въ гавань - вѣрно,

Онъ утонулъ. Бороться съ этой бурей

Никакъ нельзя.

Входитъ 3-ій офицеръ.

Синьоры, новость, новость!
 Конецъ войнѣ. Отчаянная буря
 Такъ турокъ угостила хорошо,
 Что планы ихъ совсѣмъ перевернулись.
 Одинъ корабль венеціанскій видѣлъ
 Крушеніе и гибель большей части
 Флотиліи турецкой.

Монтано.

Это вѣрно?

3-ій офицеръ.

Онъ только-что вошелъ къ намъ въ гавань. Это
 Веронское судно. На немъ пріѣхалъ
 Къ намъ лейтенантъ воинственнаго мавра,
 Микеле Кассіо; а самъ Отелло,
 Назначенный правителемъ на Кипръ,
 Еще плыветъ сюда.

Монтано.

Я очень радъ

Такому назначенью: онъ правитель
 Достоинѣйшій.

3-ій офицеръ.

Но тотъ же лейтенантъ,
 Доставившій намъ радостную вѣсть
 О гибели турецкой, очень грустенъ
 И молится онъ о спасеніи мавра,
 Котораго отбила отъ него
 Свирѣпая, безумнѣйшая буря.

Монтано.

И я молю: "спаси его, Творецъ!"
 Когда-то я былъ подъ его начальствомъ
 И, признаюсь, онъ истый полководецъ.
 Пойдемте-ка на берегъ посмотрѣть
 На тотъ корабль, что только-что пріѣхалъ,
 И, можетъ быть, безстрашнаго Отелло
 Мы различимъ хоть гдѣ-нибудь вдали,
 Гдѣ сходится вода съ лазурнымъ небомъ.

3-ій офицеръ.

Пойдемъ, пойдемъ! Вѣдь, каждое мгновеніе
 Теперь намъ ждать приходится гостей.

Входитъ Кассіо.

Кассіо.

Благодарю всѣхъ доблестныхъ мужей
Воинственнаго Кипра за признанье
Достоинства Отелло. О, пусть Небо
Пошлетъ ему защиту отъ стихій!
Я потерялъ его на бурномъ морѣ...

Монтано.

На крепкомъ ли плаваетъ онъ корабль?

Кассіо.

Да, у него корабль построенъ прочно,
И опытный, искусный кормчій съ нимъ.
Вотъ отчего мои еще надежды
Не умерли, а исцѣленья ждутъ.

(Крики за сценой).

Корабль! корабль!

Входитъ 4-ый офицеръ.

Кассіо.

Что значать эти крики?

4-ый офицеръ.

Весь городъ пусть; на берегу собрались
Толпы людей и всѣ кричатъ: "корабль!"

Кассіо.

Предчувствіе мнѣ говоритъ, что это
Правитель нашъ. *(Пушечные выстрѣлы).*

2-ой офицеръ.

Тамъ, слышно, салютуютъ:

То - дружескій салютъ.

Кассіо.

Синьоръ, прошу васъ,
Узнайте, кто пріѣхалъ, и сейчасъ
Намъ дайте знать.

2-ой офицеръ.

Иду и все исполню.

(Уходитъ).

Монтано.

Что, лейтенантъ, женатъ нашъ генералъ?

Кассіо.

И очень счастливо: онъ взялъ дѣвицу,
Способную собою оправдать
Излишества молвы и описаній,
Способную собою превзойти
Каракульки хвалебно-громкихъ перьевъ:
Она - краса творенія, и въ ней

Всѣ чудеса его соединились.

Возвращается 2-й офицеръ.

Кассіо.

Ну что? кто тамъ пріѣхалъ?

2-ой офицеръ.

Нѣкто Яго,

Поручикъ генерала.

Кассіо.

Каково!

Какъ счастливо и скоро путь свершилъ онъ!

Самъ ураганъ и бѣшеное море,

Ревущій вѣтръ, подводные утесы

И отмели песчанья - враги,

Измѣнники, сокрытая преграда

Безвинному килю - теперь, какъ будто

Уразумѣвъ всю силу красоты,

Губительный характеръ свой смирили,

Позволивъ путь свершить благополучно

Божественно-прекрасной Дездемонѣ.

307

Монтано.

А кто она?

Кассіо.

Та, о которой я

Вамъ только-что рассказывалъ: надъ нашимъ

Начальникомъ начальникъ. Храбрый Яго

Въ проводники ея назначенъ былъ

И наши ожиданія недѣлей

Опередить успѣлъ онъ. О, Юпитеръ,

Великій богъ, спаси Отелло! Вздуй

Дыханіемъ твоимъ всесильнымъ парусъ

Его, чтобъ могъ онъ гордымъ кораблемъ

Скорѣе осчастливить эту гавань

И утолить въ объятяхъ Дездемоны

Любовь свою, и нашъ упавшій духъ

Воспламенить, и острову всему

Спокойствіе доставить. Но смотрите!

Входятъ Дездемона, Эмилиа, Яго, Родриго и свита.

Кассіо.

Смотрите: вотъ богатство корабля

На берегу явилось. Мужи Кипра,
Склоните же колѣна передъ ней!
Привѣтствуемъ, синьора, васъ! Да будетъ
Небесъ благословенъ передъ вами
И сзади васъ: да окружить оно
Отвсюду васъ!

Дездемона.

Благодарю отъ сердца!
Но, храбрый Кассіо, какія вѣсти
Дадите вы мнѣ о моемъ супругѣ?

Кассіо.

Не прибылъ онъ еще; но смѣю вѣрить,
Что онъ здоровъ и скоро будетъ здѣсь.

Дездемона.

Ахъ, я боюсь! Какъ съ нимъ вы разлучились?

Кассіо.

Великая борьба небесъ и моря
Виной тому. Но, чу! Тамъ крики: "парусъ."

(За сценой кричатъ: "парусъ! парусъ!" Пушечные выстрелы).

2-ой офицеръ.

Вы слышите - вонъ крѣпость салютуетъ:
Вновь, стало быть, пріятельскій салютъ.

Кассіо.

Узнайте-ка! *(2-й офицеръ уходитъ).*

А, здравствуйте, поручикъ!

(Эмилии) Синьора, здравствуйте.

(Цѣлуетъ ее).

Мой добрый Яго,
Не гнѣвайся за эту вольность; мнѣ
Моей страны обычай позволяетъ
Любезности такія.

Яго.

О, синьоръ,
Когда бъ она губами угощала
Васъ точно такъ, какъ языкомъ меня,
Вы скоро бы умаялись!

Дездемона.

Помилуй!

Она совсѣмъ не говорила.

Яго.

Нѣтъ,
Ужъ слишкомъ говорлива. Каждый разъ,
Ложась въ постель, я въ этомъ убѣждаюсь.

При васъ она, я знаю, прячетъ въ сердце
Свой язычекъ и мысленно со мной
Ругается.

Эмилиа.

Къ такому обвиненію
Я повода тебѣ не подала.

Яго.

Ну да, ну да! Вы всѣ за дверью дома -
Картиночки, а въ спальнѣ у себя -
Колокола; въ домашнихъ кухняхъ - кошки
Вы дикія; святыя вы, когда
Ругаете другого, и чертовки,
Когда другой самихъ васъ оскорбить;
Шутихи вы въ хозяйствѣ и хозяйки -
Въ постеляхъ.

Дездемона.

Фи! безстыдный клеветникъ!

Яго.

Нѣтъ, это такъ - иначе будь я турокъ.
Встаете вы затѣмъ, чтобъ забавляться,
Ложитесь же, чтобъ дѣломъ заниматься.

Эмилиа.

Ну, ужъ тебя не попрошу я, вѣрно,
Похвальное мнѣ слово написать.

Яго.

И не проси!

Дездемона.

А что ты написалъ бы,
Когда бъ тебѣ пришлось меня хвалить?

Яго.

О, добрая синьора, не просите
Меня о томъ: я только и умѣю,
Что осуждать.

Дездемона.

Нѣтъ, нѣтъ, прошу тебя.
Пошелъ ли кто на пристань?

Яго.

Да, синьора.

Дездемона.

Я все грущу, но обмануть себя
Притворною веселостью стараюсь.
Ну, что жь бы ты мнѣ въ похвалу сказалъ?

Яго.

Я думаю объ этомъ, но моя
Фантазія пристала къ мозгу плотно,
Какъ птичій клей къ сукну; я вмѣстѣ съ ней,
И мозгъ и все могу, пожалуй, вырвать.
Но трудится беременная муза,
И, наконецъ, вотъ что родить она:
Если умъ соединился въ ней съ тѣлесной красотой,
То отъ перваго ей польза - и погибель отъ второй.

Дездемона.

Прекрасно! ну, а если бы она
Была умна и вмѣстѣ некрасива?

Яго.

Коль умна да не красива, то красавецъ ужъ найдется,
Для котораго по сердцу дурнота ея придется.

Дездемона.

Чась-отъ-часу не легче!

Эмилиа.

А ежели красива и глупа?

Яго.

Нѣтъ, красавица быть дурой никогда, повѣрь, не можетъ:
Добывать себѣ потомство глупость ей всегда поможетъ.

Дездемона. Это все старые глупые парадоксы, придуманные для
увеселенія глупцовъ въ трактирахъ. Какую же жалкую похвалу найдемъ мы для
той, которая и дурна, и глупа?

Яго.

Нѣтъ такой дурной и глупой, чтобъ безумнаго того же
Не творила, что творится и разумной, и пригожей.

Дездемона. О, какая нелѣпость! Худшей ты воздаешь лучшую похвалу. Но
что же ты сказалъ бы о женщинѣ, дѣйствительно стоящей восхваленія? о
женщинѣ, которая, сознавая свое достоинство, могла бы заставить само злословіе
похвалить ее?

Яго.

Та, которая прекрасна и при этомъ не горда
И, владѣя даромъ слова, не болтаетъ никогда,
Та, которая богата, но простыя носить платья,

И немногаго желаетъ, говоря "*могу* желать я";
Та, которая и можетъ за обиду отомщать,
Но умѣетъ оскорбленья и сносить, и забывать;
Та, которая на столько здравымъ смысломъ обладаетъ,
Что башку трески на семги хвостъ никакъ не промѣняетъ;
Та, которая всѣ мысли скрыть умѣетъ отъ людей
И не смотритъ на влюбленныхъ, поклоняющихся ей -
Ну, созданіе такое, если только есть такія,
Можетъ быть пригодно...

Дездемона. На что?

Яго. На то, чтобъ выкармливать глупцовъ и записывать, сколько вышло
пива въ домѣ.

Дездемона. О, какое слабое и несостоятельное заключеніе! Не учись у него,
Эмилія, несмотря на то, что онъ твой мужъ! Какъ вы думаете, Кассіо, развѣ онъ
высказываетъ не безстыдное и нахальное мнѣніе?

Кассіо. Онъ говоритъ безъ обиняковъ, синьора. Вы полюбите его больше,
какъ солдата, чѣмъ какъ ученаго.

Яго (*въ сторону*). Онъ беретъ ее за руку! Хорошо, шепчитесь! Даже такую
тонкою паутиной можно запутать такую большую муху, какъ Кассіо. Да, да,
улыбайся ей! Я свяжу тебя твоею же любезностью. Га, это такъ: ты поступаешь,
какъ должно... Если такія шутки, какъ эти, отымутъ у тебя твое лейтенантство,
лучше бы тебѣ не цѣловать такъ часто твоихъ трехъ пальцевъ; но ты опять
дѣлаешь то же самое, чтобъ разыграть роль свѣтскаго человѣка. Отлично! славный
поцѣлуй; отличная любезность, право! Что это, опять пальцы къ губамъ? Желалъ
бы я, чтобъ они сдѣлались для тебя клистирными трубками (*Трубы*). Вотъ и мавръ!
Я узнаю звукъ его трубъ.

Кассіо.

Да, правда.

309

Дездемона.

Пойдемъ къ нему на встрѣчу.

Кассіо.

Да вотъ онъ самъ.

Входитъ Отелло со свитою.

Отелло.

О, милая моя воительница!

Дездемона.

Милый

Отелло мой!

Отелло.

Дивлюсь и восхищаюсь,

Что ты меня опередила здѣсь.

О, счастье души моей, когда бы

За каждымъ ураганомъ наступало
Спокойствіе такое - пусть бы вѣтры
Ревѣли такъ, чтобъ даже смерть проснулась,
И пусть суда взбирались бы съ трудомъ
На горы волнъ, не ниже горъ Олимпа,
И съ нихъ опять летѣли въ самый низъ,
Въ глубокія, какъ самый адъ, пучины!
Когда бъ теперь мнѣ умереть пришлось,
Я счелъ бы смерть блаженствомъ высочайшимъ,
Затѣмъ что я теперь такъ полно счастливъ,
Что въ будущемъ невѣдомомъ боюсь
Подобнаго блаженства ужъ не встрѣтить.

Дездемона.

О, нѣтъ! дай Богъ, чтобъ съ днями нашей жизни
И нашъ покой съ любовью возрасталъ!

Отелло.

Аминь, благія силы Неба! Мнѣ словами
Не высказать блаженства своего.
Оно вотъ здѣсь остановилось. Слишкомъ
Мнѣ хорошо. (*Цѣлуетъ Дездемону*).

И это лишь одно

Единственнымъ пусть будетъ разногласьемъ
У нашихъ душъ.

Яго (*въ сторону*).

О, вы теперь отлично

310

Настроены; но я спущу колки,
Которые поддерживаютъ эту
Гармонію - ручаюсь честью въ томъ!

Отелло.

Пойдемте въ замокъ. Ну, друзья, вотъ новость:
Войнѣ конецъ, турецкій флотъ погибъ.
Ну, какъ-то здѣсь, на Кипрѣ, поживаютъ
Старинные знакомые мои? (*Къ Дездемонѣ*).
Тебя, мой другъ, здѣсь встрѣтятъ съ восхищеньемъ:
Въ былые дни меня любили здѣсь.
О, милая моя, отъ наслажденья,
Отъ счастья я говорливъ безъ мѣры!
Прошу тебя, мой добрый Яго, въ гавань
Сходить и тамъ пожитки взять.
Да приведи ко мнѣ и коменданта:
Онъ человѣкъ отличный, и его

За доблесть я глубоко уважаю.
Идемъ же, Дездемона! Снова я
Привѣтствую тебя на почвѣ Кипра.
(*Отелло, Дездемона и свита уходятъ*).

Яго (*одному изъ слугъ*). Иди и жди меня въ гавани. (*Къ Родриго*). Ну, Родриго, если у тебя въ сердцѣ есть мужество - говорятъ, что люди, когда влюбятся, становятся благородными, даже если благородство и не составляетъ ихъ врожденнаго качества – слушай меня. Сегодня ночью лейтенантъ начальствуетъ надъ стражей замка. Но прежде я долженъ сказать тебѣ: Дездемона положительно влюблена въ него.

Родриго.

Въ него? Нѣтъ, это невозможно!

Яго. Положи палецъ на губы - вотъ такъ, и слушай. Припомни, съ какою пылкостью она прежде полюбила мавра - и единственно за его хвастовство и фантастическіе рассказы. Такъ неужели она всегда будетъ любить за болтовню? Конечно, ты не на столько довѣрчивъ, чтобы вѣрить этому. Глазамъ ея нужна пища, а какое ей наслажденіе постоянно смотрѣть на дьявола? Когда кровь охладится удовлетвореніемъ чувственной потребности, тогда, чтобы снова воспламенить ее и насытить новыя желанія, необходимы красота лица, соотвѣтствіе лѣтъ, ловкость манеръ, любезность - словомъ, все, чего недостаетъ мавру. Этотъ-то недостатокъ покажетъ ея нѣжнымъ чувствамъ, что они обманулись: она начнетъ вздыхать, скучать, а наконецъ, и ненавидѣть мавра; сама природа произведетъ такое дѣйствіе и заставитъ ее рѣшиться на какой-нибудь новый выборъ. Теперь, допустивъ такое предположеніе, какъ самое естественное и очевидное, скажи: кто скорѣе Кассіо можетъ достигнуть такого счастья - Кассіо, этого легкокрылаго плута, который прикрываетъ любезными и ловкими манерами свои отвратительно-распутныя наклонности?.. Никто, рѣшительно никто... Это тонкій и ловкій плутъ; онъ отлично пользуется обстоятельствами; онъ умѣетъ чеканить и пускать въ обращеніе разныя достоинства, хоть на самомъ дѣлѣ у него нѣтъ никакихъ достоинствъ... Дьявольскій плутъ! Да къ тому же плутъ этотъ молодой и красивый и имѣющій всѣ тѣ свойства, на которыя глупость и молодость смотрятъ съ удовольствіемъ... Заразительно ловкій плутъ - и Дездемона уже испытала его дѣйствіе...

Родриго. Я не могу повѣрить этому: въ ней столько истиннаго благородства.

Яго. Провались ты съ своимъ благородствомъ! Вѣдь, вино, которое она пьетъ, сдѣлано изъ винограда? Будь она благородна, никогда бы она не полюбила мавра. Благородство, чортъ поberi! Ты развѣ не видѣлъ, какъ она держала его за руку? Ты не замѣтилъ этого?

Родриго. Да, это я видѣлъ, но это была простая вѣжливость.

Яго. Нѣтъ, это распутство - клянусь моею рукою; это - оглавленіе, темный прологъ къ исторіи разврата и грязныхъ мыслей. Губы ихъ такъ сближались, что дыханіе одного цѣловалось съ дыханіемъ другого. Гнусныя мысли, Родриго! Когда ужъ пошла въ ходъ эта взаимность, то скоро они перейдутъ къ главному

упражненію - къ плотской развязкѣ... Нѣтъ, Родриго, позволь мнѣ быть твоимъ руководителемъ: вѣдь я заставилъ тебя пріѣхать сюда изъ Венеціи. Будь сегодня ночью въ числѣ стражи; я позабочусь, чтобъ тебя назначили туда. Кассіо тебя не знаетъ... я буду недалеко отъ васъ. Постарайся какъ-нибудь разсердить Кассіо: громкимъ ли говоромъ, насмѣшкою ли надъ его распоряженіями... чѣмъ-нибудь другимъ, наконецъ, къ чему только представится удобный случай.

Родриго. Хорошо.

Яго. Кассіо вспыльчивъ и горячъ въ гнѣвѣ; очень можетъ быть, что онъ ударитъ тебя своей саблей - ты постарайся довести до этого, потому что этимъ именно я возмущу кипріотовъ, и для прекращенія бунта необходимо будетъ смѣстить

311

Кассіо. Такимъ образомъ, тебѣ откроется скорѣйшій путь къ осуществленію твоихъ желаній и будетъ наилучшимъ образомъ удалено препятствіе, мѣшающее нашему благополучію.

Родриго. Я исполню совѣтъ твой, если только представится случай.

Яго. За это я тебѣ ручаюсь. Приходи послѣ въ крѣпость, а я теперь отправлюсь въ гавань за его вещами. Прощай.

Родриго. Прощай. *(Уходитъ)*.

Яго.

Что Кассіо влюбленъ въ нее - я вѣрю.

Что и она взаимно влюблена -

Возможное, естественное дѣло.

Мавръ - хоть его и ненавижу я -

Все жъ любящій и честный человѣкъ,

И смѣю я надѣяться, что будетъ

Отличнѣйшимъ онъ мужемъ Дездемонѣ.

Да, наконецъ, я самъ ее люблю -

Не страстною любовника любовью,

Хоть, можетъ быть, такой огромный грѣхъ

Нимало я не искупаю этимъ,

Но потому отчасти, что хочу

Я отомстить ему, изъ подозрѣнья,

Что этотъ мавръ распутный на постель

Ко мнѣ не разъ взбирался. Мысль объ этомъ

Мнѣ внутренность терзаетъ, словно ядъ -

И не унять ничѣмъ моихъ терзаній,

Пока со мной женою за жену

Не разочтется онъ; а не удастся,

Такъ въ мавра я вселю такую ревность,

Съ которою не справится разсудокъ.

Чтобъ въ томъ успѣть, не поврѣдила бъ только

Мнѣ эта дрянѣ, венеціанецъ жалкій,
Котораго на сворѣ я держу,
Чтобъ онъ не шелъ за дичью слишкомъ быстро,
И Кассіо я славно удружу:
Въ ужаснѣйшемъ его представляю видѣ
Начальнику. Сдается что-то мнѣ,
Что съ колпакомъ ночнымъ моимъ отлично
И онъ знакомъ. Я такъ устрою дѣло,
Что будетъ мавръ меня благодарить,
Любить меня и награждать за то,
Что я его искусно превращаю
Въ полнѣйшаго осла и довожу
Отъ мирнаго покоя до безумья.
Все это здѣсь, но смутно все пока:
Вѣдь, плутовство до той поры таится,
Пока оно вполнѣ осуществится! (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Улица.

Входитъ герольдъ съ прокламаціей; народъ слѣдуетъ за нимъ.

Герольдъ. Отелло, нашему благородному и доблестному генералу, угодно, чтобы, по случаю только что полученныхъ вѣрныхъ извѣстій о гибели турецкаго флота каждый житель Кипра торжествовалъ это событіе плясками, потѣшными огнями и тѣми увеселеніями, какія кому нравятся, потому что, кромѣ этого радостнаго событія, онъ празднуетъ и свое бракосочетаніе. Объ этомъ угодно ему объявить во всеуслышаніе. Всѣ комнаты дворца открыты, и въ нихъ каждый имѣетъ право пировать отъ теперешнихъ пяти часовъ до тѣхъ поръ, пока часы пробьютъ одиннадцать. Да благословитъ Небо островъ Кипръ и нашего благороднаго генерала Отелло! (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Зала въ замкѣ.

Входятъ Отелло, Дездемона, Кассіо и свита.

Отелло.

Любезный Кассіо, сегодня ночью
Надъ стражею ты самъ прими начальство.
Мы забывать о службѣ не должны

Среди забавъ и наслажденій нашихъ.

Кассіо.

Я приказалъ ужъ Яго все, что нужно,
Но, несмотря на то, и лично самъ
За всѣмъ слѣдить я буду.

Отелло.

Яго очень

Надежный человѣкъ. Спокойной ночи.

Я жду тебя поутру, Микаэль:

Мнѣ нужно бы поговорить съ тобою.

(Къ Дездемонѣ).

Ну, милый другъ, пойдемъ. Торгъ заключень,

Теперь съ тобою мнѣ пора плоды вкусить

И выгоды его, какъ должно, раздѣлить.

Спокойной ночи.

(Отелло, Дездемона и свита уходятъ).

Входитъ Яго.

Кассіо. А, Яго! хорошо, что ты пришелъ: намъ пора отправляться въ карауль.

312

Яго. Еще не время, лейтенантъ: десяти часовъ не било. Генераль оставилъ насъ такъ рано только изъ любви къ своей Дездемонѣ... Да и нельзя винить его за это: онъ еще не проводилъ съ ней ни одной ночи; а такая женщина доставила бы наслажденіе самому Юпитеру.

Кассіо. Она прелестная женщина!

Яго. И, ручаюсь вамъ, полная огня.

Кассіо. Да, правда, это самое свѣжее и нѣжное созданье.

Яго. Что за глаза у нея! такъ и вызываютъ на переговоры.

Кассіо. Да, вызывающіе глаза и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полные такой скромности.

Яго. А когда она говоритъ, развѣ не вызываетъ на бой любовь?

Кассіо. Да, надо сознаться, эта женщина - совершенство.

Яго. Да будетъ счастливо ихъ брачное ложе! А между тѣмъ, лейтенантъ, у меня есть для васъ бутылка вина, а здѣсь, вблизи, нѣсколько кипрскихъ молодцовъ, которые желали бы выпить за здоровье чернаго Отелло.

Кассіо. Не сегодня, добрый Яго! голова моя скверно переноситъ вино. Желалъ бы я очень, чтобы общежительность придумала какой-нибудь другой способъ увеселенія.

Яго. Но вѣдь, это все наши друзья. Одинъ бокаль - не больше. Я, пожалуй, буду пить за васъ.

Кассіо. Я уже выпилъ бокаль сегодня, и то съ водою, а видишь, какое дѣйствіе онъ произвелъ на меня! Нѣтъ, я знаю свою слабость и не рѣшусь испытать ее еще разъ.

Яго. Да вѣдь, сегодня ночь ликованій. Наши молодцы просятъ...

Кассіо. Гдѣ же они?

Яго. Здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ. Пожалуйста, позовите ихъ сюда.

Кассіо. Хорошо; но это не по сердцу мнѣ.

(Уходитъ).

Яго.

Пусть только мнѣ удастся хоть одинъ
Еще бокаль къ тому подбавить кубку,
Который онъ ужъ выпилъ - и навѣрно,
Задорнѣе и злѣе станетъ онъ,
Чѣмъ песь моей синьоры молодой.
А мой дуракъ, Родриго, въ комъ любовь
Ужъ безъ того разсудокъ омрачила,
Нарѣзаться, какъ слѣдуетъ, успѣлъ
Въ честь Дездемоны. Напоилъ я также
Цвѣтъ этого воинственного Кипра -
Трехъ молодцовъ-туземцевъ, въ караулѣ
Стоящихъ здѣсь, людей ужасно пылкихъ
И честь свою хранящихъ горячо.
Теперь одно осталось: сдѣлать такъ,
Чтобъ Кассіо среди всѣхъ этихъ пьяницъ
Какой-нибудь поступокъ совершилъ
Для острова обидный. Вотъ они!
О, если хоть нѣмного оправдаютъ
Послѣдствія всѣ замыслы мои,
То мой корабль, послушный парусамъ,
Помчитъ меня свободно по волнамъ!

Входятъ Кассіо, Монтано и нѣсколько кипрскихъ офицеровъ.

Кассіо. Клянусь Небомъ, они уже напоили меня.

Монтано. Ну, полно: всего-то маленькій кубокъ, это вѣрно, какъ то, что я солдать.

Яго. Эй, еще вина! *(Поетъ).*

Пусть кубки стучать,
"Клинкъ! клинкъ!" говорятъ.
Пусть кубки стучать и звенять!
Солдать - человѣкъ;
Жизнь длится не вѣкъ -
Такъ что же? пусть выпьетъ солдать!
Эй, слуги! вина! *(Приносятъ вино).*

Кассіо. Славная, чортъ возьми, пѣсня!

Яго. Я выучилъ ее въ Англіи. Вотъ гдѣ умѣютъ пить, какъ слѣдуетъ! Ваши датчане, ваши нѣмцы, ваши толстобрюхіе голландцы - ничто предъ англичанами.

Кассіо. Такъ ваши англичане такіе молодцы на питье?

Яго. Еще бы! Англичанинъ совсѣмъ не пьянъ, когда датчанинъ уже съ ногъ свалится, когда нѣмецъ тоже лежитъ какъ мертвый, а голландца рветъ.

Кассіо. За здоровье нашего генерала!

Монтано. И я пью за него, лейтенантъ... Не отстаю отъ васъ...

Яго. О, милая Англія! *(Поетъ)*.

Король Стефанъ вельможа славный былъ:

Штаны себѣ всего за крону сшилъ;

Но разсчиталъ, что далъ шесть пенсовъ лишку

И обругалъ портного, какъ воришку.

Онъ знатенъ былъ, высокоименитъ;

Въ тебѣ же кровь презрѣнная бѣжитъ.

Отъ роскоши страна падетъ вѣрнѣе -

Такъ надѣвай свой старый плащъ скорѣе!

Эй, еще вина!

Кассіо. Эта пѣсня еще лучше, чѣмъ та.

Яго. Хотите прослушать еще разъ?

Кассіо. Нѣтъ, потому что я считаю

313

того, кто такъ поступаетъ, недостойнымъ своего мѣста. Но Богъ выше всѣхъ: есть души, которыя не должны быть спасены.

Яго. Это совершенно справедливо, добрый лейтенантъ.

Кассіо. Что касается меня, то - не будь сказано въ обиду генералу или другому какому-нибудь знакомому человѣку - я надѣюсь, что моя душа будетъ спасена.

Яго. Я тоже самое думаю о себѣ, лейтенантъ.

Кассіо. Да, но, съ вашего позволенія, вы спасетесь не прежде меня. Лейтенантъ долженъ войти въ царствіе небесное прежде поручика. Однако... пора намъ приняться за дѣло! Господи, прости намъ прегрѣшенія наши! Синьоры, за дѣло! Вы не думайте, синьоры, что я пьянъ. Вотъ это мой поручикъ - моя правая рука, а это - моя лѣвая рука. Я не пьянъ. Я стою на ногахъ твердо и говорю твердо.

Всѣ. Да, отлично!

Кассіо. Совсѣмъ отлично. Стало быть вы не должны думать, что я пьянъ...

(Уходитъ).

Монтано. На террасу, синьоры! Идемъ разставить часовыхъ.

Яго.

Вы видѣли, какимъ отсюда вышелъ

Нашъ лейтенантъ? Какъ воинъ, онъ бы могъ
 Сравняться съ Цезаремъ; онъ полководцемъ
 Могъ славнымъ быть, когда бъ не эта слабость.
 Достоинствамъ его она равна,
 Какъ ночь и день во время равноденствій,
 И велика, какъ и они велики.
 Жаль мнѣ его! Боюсь я, чтобы онъ
 Когда-нибудь въ такую же минуту
 Не обратилъ довѣрія Отелло
 Къ его лицу въ несчастіе для Кипра!

Монтано.

Да развѣ съ нимъ бываетъ это часто?

Яго.

Таковъ всегда прологъ его ко сну.
 Когда жъ питье его не укачаетъ -
 Не будетъ спать, пожалуй, сутки онъ.

Монтано.

Такъ нужно бы объ этомъ генерала
 Увѣдомить; онъ, можетъ быть, не знаетъ
 Иль, можетъ быть, по добротѣ своей,
 Хорошее лишь видитъ въ лейтенантѣ,
 Дурного же не хочетъ видѣть. Да?

Входитъ Родриго.

Яго *(тихо ему)*.

Родриго, ты? Зачѣмъ? Ступай скорѣе
 За Кассіо. Бѣги же! *(Родриго уходитъ)*.

Монтано.

Очень жаль,
 Что благородный мавръ такое мѣсто
 Важнѣйшее, какъ мѣсто лейтенанта,
 Отдалъ лицу съ такимъ большимъ порокомъ,
 И чести долгъ - объ этомъ довѣсти
 До свѣдѣнья Отелло.

Яго.

Да; но только

Не я возьмусь за это, хотъ давай
 Мнѣ цѣлый Кипръ. Я Кассіо душевно
 Люблю, и все я сдѣлать бы готовъ,
 Чтобъ излѣчить его отъ этой страсти.
 Но, слышите, что тамъ за шумъ и крикъ?

(За сценой крики: "Помогите! Помогите!").

Вбѣгаетъ Родриго, преслѣдуемый Кассіо.

Кассіо.

Мошенникъ! плутъ!

Монтано.

Что, лейтенантъ, случилось?

Кассіо.

Подлецъ! меня обязанностямъ службы

Учить! Да я въ дорожную бутылку

Тебя вобью.

Родриго.

Бить, бить меня!

Кассіо.

Бездѣльникъ,

Ты разсуждать еще задумалъ! *(Бьетъ его)*.

Монтано.

Полно!

Любезный лейтенантъ, сдержите руку,

Пожалуйста.

Кассіо.

Оставьте вы меня,

Иль я и вамъ сверну сейчасъ же челюсть.

Монтано.

Вы - пьяны.

Кассіо.

Пьянъ! *(Они обнажаютъ мечи и дерутся)*.

Яго (тихо Родриго).

Не медли ни минуты,

Бѣги скорѣй, кричи, зови на помощь!

(Родриго уходитъ).

Ахъ, лейтенантъ, синьоръ, остановитесь!

На помощь! Эй! Монтано! Лейтенантъ!

Синьоры, помогите! Ну, ужъ стража!

(Звонятъ).

Кто тамъ звонитъ? Да полно драться, черти!

Поднимется весь городъ. Лейтенантъ,

Опомнитесь! Не навлекайте срама

На голову свою. Ну, перестаньте!

Входитъ Отелло и свита.

Отелло.

Что здѣсь за шумъ?

Монтано.

Я истекаю кровью,

Я ранень на смерть, - пусть и онъ умреть!

Отелло.

Стой, если жизнь вамъ дорога обоимъ!

Яго.

Постойте же! Монтано! Лейтенантъ!

Иль вы совсѣмъ забыли долгъ и мѣсто?

Одумайтесь - предъ вами генераль!

Довольно же! хоть постыдитесь! Полно!

Отелло.

Въ умѣ ли вы? Что значить эта ссора?

315

Изъ за чего она? Мы турки, что ли,

Что дѣлаемъ то надъ собой, чего

Богъ не велить и оттоманамъ дѣлать?

Довольно же! Для чести христіанства

Окончите сейчасъ вашъ дикій бой!

Кто жъ бешенства не укротить сейчасъ же,

Тотъ жизнию не дорожить: клянусь,

Онъ встрѣтитъ смерть при первомъ же движеніи.

Остановить скорѣе страшный звонъ;

Онъ островъ весь встревожить. Что жъ, синьоры,

Случилось здѣсь? Мой честный Яго, ты

Весь поблѣднѣлъ, какъ мертвый. Говори же,

Кто началъ? жду отвѣта отъ тебя.

Яго.

Не знаю. Здѣсь, за нѣсколько минутъ,

Мы всѣ еще друзьями были, мирно

Болтали всѣ, какъ пара новобрачныхъ

Бесѣдуютъ, собираясь спать - вдругъ,

Какъ будто бы лишила ихъ разсудка

Какая-то планета; обнажили

Они мечи, и схватка началась

Кровавая. Причину жаркой ссоры

Я не могу никакъ вамъ объяснить.

Ахъ, отчего въ какомъ-нибудь блестящемъ

Сраженіи я не лишился ногъ,

Меня сюда принесшихъ, чтобы сдѣлать

Свидѣтелемъ того, что было здѣсь!

Отелло.

Какъ, Микаэль, вы такъ могли забыться?

Кассіо.

Ахъ, генераль, простите! Не могу

Я говорить...

Отелло.

Монтано благородный,
Приличіемъ вы славились всегда.
Смирение и строгость вашей жизни
Замѣтилъ свѣтъ, и самый строгій судъ
Всегда держалъ въ почтеніи ваше имя.
Что жъ васъ могло заставить пренебречь
Общественнымъ вниманіемъ и славу
Почтенную вдругъ промѣнять на имя
Разбойника ночного? Отвѣчайте!

Монтано.

Отелло доблестный, я сильно раненъ
И говорить едва могу; но Яго,
Поручикъ вашъ, вамъ можетъ рассказать
Все то, что мнѣ извѣстно, а извѣстно
Мнѣ лишь одно, что если охранять
Самихъ себя не значить быть преступнымъ
И защищать себя отъ нападеній
Насильственныхъ не значить согрѣшать,
То ничего сегодня ночью я
Не совершилъ и не сказалъ дурного.

Отелло.

Свидѣтель Богъ, я чувствую, что кровь
Ужъ начала осиливать мой разумъ.
Я чувствую, что страсть ужъ омрачаетъ
Разсудокъ мой и хочетъ править мной.
Пусть двинусь я, пусть подыму я руку -
И упадетъ подъ яростью моей
Отличнѣйшій изъ васъ. Такъ объясните,
Какъ начался здѣсь этотъ гнусный споръ
И кто его зачинщикъ? А узнавъ
Виновнаго, разстанусь съ нимъ навѣки,
Хоть будь со мной рожденіемъ связанъ онъ.
Какъ, въ городѣ военномъ, гдѣ боязнью
Полны сердца всѣхъ жителей, начать
Домашнюю, позорнѣйшую ссору,
И въ часъ ночной притомъ, и въ караулъ!
Чудовищно! Ну, Яго, кто зачинщикъ?

Монтано.

Смотри, коль ты по службѣ иль изъ страха
Служебнаго хоть что-нибудь прибавишь
Иль уменьшишь - ты не солдатъ.

Яго.

Зачѣмъ

Меня задѣтъ ты хочешь за живое?
Скорѣй бы я рѣшился, чтобъ языкъ
Мой вырвали изъ горла, чѣмъ дурное
Хоть что-нибудь о Кассіо сказать;
Но знаю я, что мой рассказъ правдивый
Не повредить ему. Вотъ, генералъ,
Какъ было все. Съ Монтано здѣсь сидѣлъ я,
Бесѣдуя; вдругъ видимъ - человѣкъ
Вбѣгаетъ къ намъ и вопить: "помогите!"
А Кассіо бѣжитъ за нимъ и, мечъ
Свой обнаживъ, грозитъ ему. Монтано
Бросается на Кассіо и молитъ
Сдержать порывъ; а я сейчасъ въ погоню
За крикуномъ, боясь - что такъ и вышло -
Чтобъ крикъ его не потревожилъ городъ;
Но легокъ онъ былъ на ногу - и я
Догнать не могъ и поспѣшилъ вернуться,
Тѣмъ болѣе, что слышалъ звукъ мечей
И страшныя проклятія такія,
Какихъ еще у Кассіо въ устахъ
До этихъ поръ я не слыхалъ. Вернувшись,
Я ихъ засталъ уже въ свирѣпой схваткѣ,
Точь-въ точь какъ вы застали сами ихъ.
Вотъ все, что я сказать могу. Но люди
Всегда одни и тѣ же. Самый лучшій
Забыться въ состоянны. Можетъ быть,
И оскорбленъ Монтано лейтенантомъ:
Вѣдь въ бѣшенствѣ и съ лучшими друзьями
Мы ссоримся; но убѣжденъ я въ томъ,
Что Кассіо бѣжавшимъ человѣкомъ

316

Былъ оскорбленъ такъ сильно, что не могъ
Не потерять терпѣнья.

Отелло.

Знаю, Яго,

Что, добротой и дружбой увлеченный,
Ты Кассіо вину смягчить желаешь.
(Къ Кассіо). Я, Кассіо, люблю тебя, но ты
Отъ этихъ поръ не лейтенантъ мой больше.

Входитъ Дездемона со свитою.

Отелло.

Смотрите: вы и милую мою
Встревожили. (*Къ Кассіо*). Да, на тебѣ явлю я
Примѣръ другимъ.

Дездемона.

Что здѣсь случилось, милый?

Отелло.

Такъ, ничего; теперь уже все дѣло
Улажено. Пойдемъ домой, мой другъ.
Что вашихъ ранъ касается, Монтано,
Такъ я у васъ хирургомъ буду самъ.
Пусть отведутъ его домой; ты жъ, Яго,
Заботливо весь городъ обойди
И успокой всѣхъ тѣхъ, кто гнусной схваткой
Встревожень былъ. Идемъ же, Дездемона.
Ужъ такова жизнь воина: вставать
Отъ сладкихъ сновъ для распрей и раздоровъ.

(Уходятъ все, кромѣ Яго и Кассіо).

Яго. Что? вы ранены, лейтенантъ?

Кассіо. Да, и никакой хирургъ не поможетъ мнѣ.

Яго. Что вы? Боже сохрани!

Кассіо. Доброе имя, доброе имя, доброе имя!... О, я потерялъ мое доброе имя! потерялъ бессмертную часть самого себя, а осталась только животная! Мое доброе имя, Яго, мое доброе имя!..

Яго. А я, честное слово, думалъ, что вы получили какую-нибудь тѣлесную рану: отъ нея больше вреда, чѣмъ отъ потери добраго имени. Доброе имя - пустое и совершенно лживое достояніе; оно часто и добывается даромъ, и теряется безъ особой причины. Вы совсѣмъ не потеряли добраго имени, если сами не увѣрите себя, что потеряли. Полно горевать! есть еще много средствъ возвратить милость генерала. Вѣдь, онъ отставилъ васъ въ минуту гнѣва и больше по правиламъ дисциплины, чѣмъ по злобѣ, точно такъ, какъ иногда бьютъ невинную собаку, чтобы устроить грознаго льва. Попросите его - онъ опять вашъ.

Кассіо. Я скорѣ попрошу, чтобы онъ презиралъ меня, чѣмъ обману такого отличнаго начальника, явившись такимъ легкомысленнымъ, пьянымъ и безстыднымъ офицеромъ! Напиться и заболтать, какъ попугай, и затѣять ссору, бушевать, ругаться и высокопарно разговаривать со своею собственною тѣнью... О, ты, невидимый духъ вина! если у тебя нѣтъ еще никакого имени, позволь намъ называть тебя дьяволомъ!

Яго. За кѣмъ это вы гнались съ мечомъ? Что онъ сдѣлалъ вамъ?

Кассіо. Не знаю.

Яго. Можетъ ли быть?

Кассіо. Я помню многое, но ничего не помню ясно; знаю, что была ссора, но не знаю ея причины. О, Господи! зачѣмъ люди могутъ принимать въ свои души

врага, убивающаго ихъ разсудокъ? Зачѣмъ намъ дана способность весельемъ, пирами, наслажденіями обращать себя въ животныхъ?

Яго. Положимъ, что это такъ; но вы теперь совершенно пришли въ себя; какъ могло это случиться такъ скоро?

Кассіо. Демону опьяненія было угодно уступить мѣсто демону ярости; одинъ порокъ повлекъ за собою другой, чтобы дать мнѣ возможность вполнѣ презирать себя.

Яго. Ну, ужъ вы слишкомъ строгій моралистъ! Принимая въ соображеніе время, мѣсто и положеніе, въ которомъ находится этотъ островъ, я душевно желалъ бы, чтобы всего этого не случилось; но такъ какъ что сдѣлано - то сдѣлано, надо уладить все въ вашу пользу.

Кассіо. Положимъ, что я попрошу его возвратить мнѣ должность: онъ отвѣтитъ мнѣ, что я пьяница. Будь у меня столько ртовъ, сколько у гидры, такой отвѣтъ зажалъ бы всѣ эти рты. Быть порядочнымъ человѣкомъ и потомъ сдѣлаться безумнымъ, а наконецъ, и животнымъ!... О, страшно! Каждый лишній кубокъ проклять, а то, что заключается въ немъ - дьяволъ!

Яго. Полно, полно! Хорошее вино - славное, милое созданіе, если только съ нимъ обходиться, какъ слѣдуетъ. Перестаньте бранить его. Я думаю, добрый лейтенантъ, что вы увѣрены въ любви моей къ вамъ.

Кассіо. Въ этомъ я совершенно убѣдился. Я напился пьянъ!

Яго. Вы и всякій другой можетъ подчасъ напиться. Я научу васъ, что дѣлать. Въ настоящее время у насъ генеральша - генераль. Говорю это потому, что Отелло совершенно посвятилъ себя созерцанію, раз-

317

сматриванію и обожанію ея красоты и прелестей. Сознайтесь ей откровенно во всемъ и надѣждайте ей просьбами, чтобы она помогла вамъ снова получить вашу должность... Она такая откровенная, добрая, милая женщина, что считаетъ порокомъ не сдѣлать еще больше того, о чемъ ее просятъ. Умоляйте ее спаять это расторгнутое звено между вами и ея мужемъ - и я закладываю все мое состояніе противъ самой пустой вещи, что этотъ разрывъ сдѣлаетъ вашу дружбу еще сильнѣе прежняго.

Кассіо. Твой совѣтъ хорошъ.

Яго. Ручаюсь искренностью моей любви и желанія вамъ добра.

Кассіо. Вѣрю отъ души и завтра утромъ буду умолять добродѣтельную Дездемону похлопотать обо мнѣ. Я совершенно отчаюсь въ моемъ счастьи, если оно и тутъ обманетъ меня.

Яго. Конечно, такъ. Доброй ночи, лейтенантъ. Я долженъ итти въ карауль.

Кассіо. Доброй ночи, честный Яго.

(Уходитъ).

Яго.

Ну, кто бы могъ сказать, что поступаю
Безчестно я? Совѣтъ мой такъ хорошъ,

Такъ искренень: онъ - самый вѣрный путь,
Чтобъ вновь снискать расположенъе мавра.
Вѣдь, ничего нѣтъ легче, какъ склонить
Для добраго поступка Дездемону,
Которую природа создала,
Какъ вольныя стихіи, благотворной;
А ей легко склонить его на все:
Онъ для нея готовъ отречься даже
Отъ своего крещенья, отъ печатей
И символовъ спасенья. Сердце мавра
Такъ плѣнено любовью къ ней одной,
Что каждый разъ, какъ ей придетъ желанье
Повластвовать надъ слабостью его,
Она сейчасъ устроить все, разстроить
И сдѣлаетъ все, что угодно ей.
Такъ можно ли сказать, что негодяй я,
Коль Кассіо я указую путь
Такой прямой, къ его добру ведущій?
О, духи тьмы, когда чернѣйшій грѣхъ

318

Изъ всѣхъ грѣховъ вы совершить хотите,
То кроете его сперва, какъ я,
Подъ свѣтлою, небесною личиной!
Да, между тѣмъ какъ этотъ честный дурень
Умолить Дездемону пособить
Его бѣдѣ и станетъ неотступно
Она просить и мавра за него -
Я отравлю Отелло слухъ намекомъ,
Что дѣйствуетъ въ ней просто страсть плотская;
И чѣмъ она просить сильнѣе будетъ
За Кассіо, тѣмъ больше уменьшаться
Довѣріе Отелло будетъ къ ней.
Такъ дѣйствуя, въ древесную смолу
Я превращу ея всю добродѣтель,
Изъ доброты жъ ея сплету я сѣть
И ею всѣхъ покрою.

Входитъ Родриго.

Яго.

Что, Родриго?

Родриго. То, что въ этой охотѣ я участвую не какъ охотящаяся собака, но только какъ лающая. Мои деньги почти всѣ издержаны, сегодня ночью меня порядочно поколотили, а кончится все это, кажется, тѣмъ, что я только приобрѣту за всѣ мои непріятности немного опытности и рѣшительно безъ денегъ, съ небольшимъ запасомъ разсудка, вернусь въ Венецію.

Яго.

Какъ жалки тѣ, въ которыхъ нѣтъ терпѣнья!
Гдѣ рана та, которую бы вдругъ
Мы залѣчить могли? Ты знаешь самъ,
Мы дѣйствуемъ не колдовствомъ, а только
Однимъ умомъ; а умъ нашъ подчиненъ
И времени задержкамъ. Развѣ дурно
Идутъ дѣла? Вѣдь Кассіо тебя
Ударилъ - ну, а ты бездѣлкой этой
Успѣлъ его отъ мѣста удалить.
Хоть есть плоды, которые безъ солнца
Растутъ, но тѣ, что прежде зацвѣтутъ -
И прежде созрѣваютъ. Жди спокойно.
Однако вотъ и утро настаетъ.
Средь этихъ дѣлъ и этихъ удовольствій
Не видишь, какъ проносятся часы.
Ступай домой: потомъ узнаешь больше.
Иди, прощай. *(Родриго уходитъ)*.

Теперь два дѣла сдѣлать
Мнѣ предстоитъ: подбить мою жену,
Чтобы она за Кассіо просила
У госпожи своей; а самому
Куда нибудь, межъ тѣмъ, уйти съ Отелло
И послѣ съ нимъ вернуться такъ, чтобъ онъ
Могъ Кассіо застать съ своей женою.
Да, это путь вѣрнѣйшій - и за дѣло,
Не мѣшкая, я принимаюсь смѣло.

(Уходитъ).

319

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Передъ замкомъ.
Входятъ Кассіо и нѣсколько музыкантовъ.
Кассіо.

Играйте здѣсь. За трудъ васъ награжу я.
Да что нибудь недлинное, а тамъ
"Ура!" провозгласите генералу. *(Музыка).*

Входитъ шутъ.

Шутъ. Что это, господа, не были ли ваши инструменты въ Неаполѣ? Что-то они ужъ сильно говорятъ въ носъ...

1-ый музыкантъ. Это какъ?

Шутъ. Да вѣдь, ваши инструменты называются духовыми?

1-ый музыкантъ. Ну да, духовыми.

Шутъ. Стало-быть, они тѣ, которые висятъ подъ хвостомъ?

1-ый музыкантъ. Какъ подъ хвостомъ?

Шутъ. Да такъ, какъ многіе изъ извѣстныхъ мнѣ духовыхъ инструментовъ. Однако, вотъ вамъ деньги. Генералу такъ нравится ваша музыка, что онъ проситъ васъ ради Бога перестать играть.

1-ый музыкантъ. Извольте, мы перестанемъ.

Шутъ. Если у васъ есть такая музыка, которую можно не слышать – начинайте снова, а слышную музыку генералъ не слишкомъ любить.

1-ый музыкантъ. Нѣтъ, такой музыки у насъ нѣтъ.

Шутъ. Ну, такъ укладывайте дудки въ сумки и убирайтесь! Ну, разсыпьте въ воздухъ! Проваливайте!

(Музыканты уходятъ).

Кассіо. Послушай, мой любезный другъ...

Шутъ. Нѣтъ, вашъ любезный другъ не послушаетъ, а я послушаю.

Кассіо. Пожалуйста, брось твои глупости. Вотъ тебѣ золотая монета. Если женщина, прислуживающая женѣ генерала, встала, скажи ей, что нѣкто Кассіо проситъ ее удѣлить ему нѣсколько минутъ для разговора. Сдѣлаешь это?

320

Шутъ. Она встала, синьоръ, и если захочетъ встать здѣсь, то я ей посовѣтую сдѣлать это.

Кассіо. Пожалуйста, мой добрый другъ.

(Шутъ уходитъ).

Входитъ Яго.

А, Яго!

Какъ во-время!

Яго.

Такъ ты и не ложился

До этихъ поръ?

Кассіо.

Нѣтъ; разошлись, вѣдь, мы
Ужъ засвѣтло. Я былъ такъ дерзокъ, Яго,
Что за твоей женой послалъ теперь:
Хочу просить - доставить доступъ мнѣ
Къ достойной Дездемонѣ.

Яго.

Я сейчасъ же
Пришлю ее сюда, а самъ о средствѣ
Подумаю, какъ мавра удалить,
Чтобъ дѣло вы могли вѣсти свободнѣй.

Кассіо.

Чувствительно благодарю тебя!

(Яго уходитъ).

Я не встрѣчалъ еще изъ флорентинцевъ
Ни одного добрѣе и честнѣй.

Входитъ Эмилиа.

Эмилиа.

День добрый вамъ, любезный лейтенантъ.
Мнѣ очень жаль, что съ вами приключилась
Такая непріятность. Впрочемъ, все
Уладится и, вѣрно, очень скоро.
Я слышала, какъ генераль объ этомъ
Съ своей женой бесѣдовалъ; она
За васъ съ большой горячностью просила;
Мавръ возражалъ, что тотъ, кто вами раненъ -
Съ огромными связями человѣкъ,
Что здѣсь его глубоко уважаютъ;
Что, наконецъ, само благоразумье
Васъ удалить ему повелѣваетъ.
Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Отелло увѣрялъ,
Что любить васъ и безъ ходатайствъ всякихъ,
По одному расположенью къ вамъ,
Ухватится за первый добрый случай,
Чтобы опять къ себѣ приблизить васъ.

Кассіо.

Пусть такъ, но я васъ все же умоляю:
Доставьте мнѣ - коли возможность есть
И если вы сочтете то приличнымъ -
Доставьте мнѣ возможность съ Дездемоной

Поговорить хоть нѣсколько минутъ.

Эмилиа.

Пожалуйте за мною: я устрою

Все такъ, что вы успѣете сказать

Свободно все, что есть у васъ на сердцѣ.

Кассіо.

Чувствительно за то обязанъ вамъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Отелло, Яго и офицеры.

Отелло (къ Яго).

Вотъ письма: ихъ отдай ты капитану

И попроси его мое почтенье

Глубокое Сенату передать.

Я между тѣмъ пойду на укрѣпленья,

Гдѣ можешь ты найти меня.

Яго.

Иду,

Мой добрый генераль.

(Уходитъ).

Отелло.

А вы, синьоры,

Отправитесь на эти укрѣпленья?

Офицеръ.

Мы слѣдуемъ за вами, генераль.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Передъ замкомъ.

Входятъ Дездемона, Кассіо и Эмилиа.

Дездемона.

Да, Кассіо мой добрый, вѣрьте мнѣ,
Всѣ силы я употреблю, чтобъ только
Васъ выручить.

Эмилиа.

Ахъ, добрая синьора,
Пожалуйста! Вѣдь, мужъ мой тоже этимъ
Такъ огорченъ, какъ собственнымъ несчастьемъ.

321

Дездемона.

О, онъ такой отличный человѣкъ!
Да, Кассіо, не сомнѣвайтесь: съ мужемъ
Я помирю васъ снова.

Кассіо.

О, синьора!
Что бъ ни было со мною, я всегда
Остануся слугою вѣрнымъ вашимъ.

Дездемона.

Благодарю. Вы любите Отелло,
Вы съ нимъ давно знакомы. Вѣрьте жъ мнѣ,
Что будетъ васъ держать онъ въ отдаленіи
Не болѣе, какъ требуетъ того
Политика.

Кассіо.

Я вѣрю вамъ, синьора;
Но можетъ, вѣдь, случиться такъ, что эта
Политика протянется такъ долго,
Или себя поддерживать начнетъ
Такимъ пустымъ и водянистымъ кормомъ,
Иль, наконецъ, такъ сильно разрастется,
Что генераль въ отсутствіе мое
Любовь мою и службу позабудетъ.

Дездемона.

Нѣтъ, это не случится - вѣрьте мнѣ!
Въ присутствіи Эмилии ручаюсь,
Что мѣсто вы получите опять;
А если я даю ужъ слово дружбы,
Такъ и держу его до крайней буквы.
Не отойду отъ мужа я теперь,
Я спать ему не дамъ и изъ терпѣнья
Я выведу его, прося за васъ.
Его постель сумѣю сдѣлать школой,

Трапезный столъ - скамьею исповѣдной.
За что бы онъ ни принялся - во все
Я впутаю, повѣрьте, вашу просьбу.

322

Такъ будьте же покойны, Микаэль:
Ходатай вашъ скорѣй лишится жизни,
Чѣмъ пренебречь рѣшится вашимъ дѣломъ.
Въ отдаленіи показываются Яго и Отелло.

Эмилиа.

Синьора, вотъ супругъ вашъ.

Кассіо.

Поспѣшаю

Оставить васъ.

Дездемона.

Зачѣмъ? Не уходите;

Послушайте, какъ стану я просить.

Кассіо.

Нѣтъ, не теперь, синьора: совершенно
Разстроены я, и самъ себѣ служить
Не въ силахъ я.

Дездемона.

Пожалуй, поступайте,

Какъ знаете.

(Кассіо уходитъ).

Яго.

А! вотъ ужъ это мнѣ

Не нравится.

Отелло.

Что говоришь ты, Яго?

Яго.

Нѣтъ, ничего. Но если... я не знаю...

Отелло.

Не Кассіо ль тамъ только-что разстался
Съ моей женой?

Яго.

Кто? Кассіо? О, нѣтъ,

Нѣтъ, генералъ, я не могу повѣрить,

Чтобъ это онъ, увидѣвъ васъ, бѣжалъ,

Какъ будто-бы какой преступникъ.

Отелло.

Что-то

Мнѣ кажется, что не ошибся я.

Дездемона.

Ну что, мой другъ? А я здѣсь толковала
Съ просителемъ: онъ человѣкъ убитый
Немилостью твоею.

Отелло.

Кто же это?

Дездемона.

Да лейтенантъ твой, Кассіо. Мой другъ,
Мой добрый другъ, когда меня ты любишь,
Когда тебя я тронуть чѣмъ могу -
Прости ему и примиришь сейчасъ же.
Ужъ если онъ тебѣ не преданъ сердцемъ
И если онъ проступка не свершилъ
Безъ умысла, а просто не обдумавъ -
Такъ честное лицо я не умѣю
Распознавать. Прошу тебя, пошли
Вернуть его.

Отелло.

Такъ это онъ отсюда

Ушелъ сейчасъ?

Дездемона.

Да, милый, и въ такомъ

Онъ горѣ былъ, что часть своей печали
Мнѣ сообщилъ: я стражду вмѣстѣ съ нимъ.
Мой дорогой, верни его скорѣе.

Отелло.

Нѣтъ, не теперь, мой ангелъ! послѣ, послѣ!

Дездемона.

Но скоро ли?

Отелло.

Какъ только можно скоро.

Чтобъ угодить тебѣ, мой милый другъ.

Дездемона.

Сегодня къ ужину?

Отелло.

Нѣтъ, не сегодня.

Дездемона.

Такъ завтра за обѣдомъ?

Отелло.

Нѣтъ; я завтра

И дома не обѣдаю: я въ крѣпость
Отозванъ.

Дездемона.

Ну, такъ завтра ввечеру
Или во вторникъ утромъ, или въ полдень,
Иль вечеромъ, иль въ среду поутру?
Прошу тебя, назначь, когда; но только
Томи его не болѣе трехъ дней.
Клянусь тебѣ, раскаянья онъ полонъ.
Да и притомъ проступокъ весь его
Ничтоженъ такъ, что выговоръ секретный
Достаточенъ, хоть, говорятъ, во время
Военное надъ лучшими друзьями
Показывать примѣры вы должны.
Ну что жъ, скажи, когда притти онъ можетъ?
Скажи, мой другъ! Не знаю, право, я,
Когда бъ меня просилъ ты, въ чемъ могла бы
Я отказать тебѣ иль затрудниться!

323

Какъ! Рѣчь идетъ о Кассіо - о немъ,
Которому ты повѣрялъ всѣ тайны,
Когда еще ухаживалъ за мной -
О Кассіо, который каждый разъ,
Какъ о тебѣ я дурно отзывалась,
Вступался за тебя - и мнѣ такъ много
Теперь труда, чтобъ ты его простилъ.
О, вѣрьте мнѣ, я сдѣлала бы больше!

Отелло.

Ну, перестань! Пусть Кассіо придетъ,
Когда ему угодно. Я не въ силахъ
Тебѣ ни въ чемъ отказывать.

Дездемона.

Да это

Не милость мнѣ. Вѣдь, это все равно,
Какъ если бы тебя я попросила,
Чтобъ ты надѣлъ перчатки, или съѣлъ
Питательную пищу, иль теплѣе
Одѣлся бы, иль, словомъ, сдѣлалъ то,
Что самому тебѣ служило бъ въ пользу.
Нѣтъ, ежели я вздумаю когда
Любовь твою ко мнѣ извѣдать просьбой,
Такъ выберу я дѣло поважнѣе

И потруднѣй, чѣмъ это.

Отелло.

Я ни въ чемъ
Не откажу тебѣ. Ну, а теперь
И ты мою исполни просьбу: долженъ
Остаться я одинъ.

Дездемона.

А ты подумалъ,
Что откажу тебѣ я? Нѣтъ, прощай,
Прощай, мой повелитель.

Отелло.

До свиданья,
Мой добрый другъ; къ тебѣ приду я скоро.

Дездемона.

Эмилиа, пойдемъ. (*Къ Отелло*). Повелѣвай,
Какъ вздумаешь - я все всегда исполню.

(*Уходитъ съ Эмилией*).

Отелло.

Чудесное созданье! Да погибнетъ
Моя душа, когда любовь моя
Не вся въ тебѣ - и быть опять хаосу,
Когда тебя любить я перестану!

Яго.

Мой генераль!

Отелло.

Что Яго?

Яго.

Я желалъ бы
Спросить у васъ: въ то время, какъ еще
Искали вы руки синьоры, зналъ ли
Про эту страсть вашъ Кассіо?

Отелло.

Да, зналъ
Отъ самаго начала до конца.
Но для чего ты это знать желаешь?

Яго.

Такъ, пустяки. Хотѣлось разрѣшить
Одно недоумѣнье.

Отелло.

А какое?

Яго.

Не думалъ я, что онъ знакомъ былъ съ ней.

Отелло.

О, да, давно; онъ даже между нами
Посредникомъ былъ прежде.

Яго.

Право?

Отелло.

Право?

Ну, да! Что жъ въ томъ такого видишь ты?
Иль Кассіо не честенъ?

Яго.

Честенъ?

Отелло.

Честенъ?

Яго.

Да, сколько мнѣ извѣстно.

Отелло.

Что жъ такое

Ты думаешь?

Яго.

Что думаю, синьоръ?

Отелло.

"Что думаю, синьоръ"! Клянуса Небомъ,
Онъ вторитъ мнѣ, какъ эхо; будто въ мысляхъ
Чудовище такое держитъ скрытымъ,
Которое и показать ужасно,
Ты что-то тамъ задумалъ, вижу я!
Я слышалъ, какъ недавно ты, увидѣвъ,
Что Кассіо отсюда уходилъ,

324

Проговорилъ: "не нравится мнѣ это!"
Что жъ тутъ тебѣ не нравится? Когда жъ
Я объявилъ тебѣ, что онъ все время
Посредникомъ въ любви моей служилъ -
Воскликнулъ ты въ недоумѣннѣ: "право?"
И брови такъ ты сдвинулъ, будто въ мозгъ
Хотѣлъ замкнуть ужаснѣйшую мысль.
Но если ты дѣйствительно мнѣ преданъ,
То эту мысль откроешь.

Яго.

Генералъ,

Вы знаете, какъ я люблю васъ.

Отелло.

Знаю

И потому-то, что вполнѣ увѣренъ
Въ твоей любви и честности, и въ томъ,
Что слова ты не выпустишь наружу,
Не взвѣсивши его - тревожусь я
Отвѣтами неясными твоими.
Подобные отвѣты - негодяевъ
Безчестнѣйшихъ обычная увертка;
Зато въ устахъ у праведныхъ людей
Они - наемъ сокрытый, изъ души
Волнуемой стремящейся наружу.

Яго.

Что Кассіо касается, такъ я
Поклясться радъ, что онъ, должно-быть, честенъ.

Отелло.

Я также въ томъ увѣренъ.

Яго.

Людамъ надо бѣ

Всегда быть тѣмъ, чѣмъ кажутся они.
А тѣмъ, чѣмъ быть не могутъ - не казаться.

Отелло.

Да, я съ тобой согласенъ: надо бѣ людамъ
Всегда быть тѣмъ, чѣмъ кажутся они.

Яго.

Вотъ почему сдается мнѣ, что честенъ
Вашъ лейтенантъ.

Отелло.

Нѣтъ, что-то есть другое
Въ твоихъ словахъ. Прошу тебя, открой
Мнѣ мысль свою, какъ самому себѣ,
И будь она гнуснѣйшая - словами
Гнуснѣйшими ты передай ее.

Яго.

Ахъ, генералъ, простите. Хоть обязанъ
Я вамъ служить, повиноваться вамъ,
Но все же въ томъ, мнѣ кажется, я воленъ,
Въ чемъ и рабы свободны. Передать
Вамъ мысль мою? А если эти мысли
Обманчивы и гадки? Гдѣ чертогъ,

Куда бѣ залѣзть не умудрилась мерзость;
И гдѣ та грудь, въ которой не сидѣли бѣ
Съ правдивыми сужденьями въ ряду
Нечистыя, кривыя подозрѣнья,
Расправу въ ней по-своему творя?

Отелло.

Ты въ заговоръ вступаешь противъ друга,
Когда его считаешь оскорбленнымъ
И мысль свою скрываешь отъ него.

Яго.

Ахъ, генераль, быть можетъ, ошибаюсь
Въ догадкахъ я; мой нравъ уже такой,
Что я во всемъ хочу найти дурное;
И много ужъ поступковъ небывалыхъ
Я создавалъ по страсти къ подозрѣньямъ.
Вотъ почему я умоляю васъ
Не обращать вниманья никакого
На слабыя сужденія мои
И перестать догадками такими
Неясными и шаткими смущаться.
Ни вашъ покой, ни благо вашей жизни,
Ни возрастъ мой, ни честность, ни разсудокъ -
Ничто, ничто не позволяетъ мнѣ
Вамъ мысль мою открыть.

Отелло.

Да что жъ такое

Ты думаешь?

Яго.

Мой добрый генераль,

Для женщины и для мужчины имя
Ихъ доброе - сокровище души
Первѣйшее. Кто у меня похититъ
Мой кошелекъ - похититъ пустяки:
Онъ нынче мой, потомъ его, и былъ онъ
Уже рабомъ у тысячи людей.
Но имя доброе мое кто крадетъ,
Тотъ крадетъ вещь, которая не можетъ
Обогатить его, но разоряетъ
Меня въ конецъ.

Отелло.

Свидѣтель Богъ, хочу я

Знать мысль твою.

Яго.

Нѣтъ, если бѣ даже вы
Въ своихъ рукахъ мое держали сердце,
И тутъ бы я молчалъ, какъ и теперь,
Когда оно въ моей груди хранится.

Отелло.

Ага! Вотъ какъ!

Яго.

О, генералъ, пусть Богъ
Васъ сохранить отъ ревности: она -
Чудовище съ зелеными глазами,
Съ насмѣшкой ядовитою надъ тѣмъ,
Что пищею ей служить. О, блаженны,
Блаженны тѣ рогатые мужья,
Которые, въ судьбѣ своей увѣрясь,
Измѣнницу любить перестаютъ.
Но сколько мукъ проклятыхъ переносить
Тотъ, въ комъ любовь съ сомнѣньемъ неразлучна,
Кто ревностію мучится - и все жъ
Любовію безумною томится.

Отелло.

Ужасно!

Яго.

Тотъ, кто бѣденъ и доволенъ
Своей судьбой - по мнѣ, совсѣмъ богатъ;
А у кого несмѣтныя богатства
И вѣчный страхъ стать нищимъ, для того,
Какъ зимняя пора, они безплодны.
О, да хранить святое Небо души
Всѣхъ близкихъ мнѣ отъ ревности.

Отелло.

Постой!

Къ чему ведутъ, что значать эти рѣчи?
Не мнишь ли ты, что ревностію жить
Я захочу и каждый день встрѣчать,
Одно другимъ смѣняя подозрѣнье?
Нѣтъ, у меня сомнѣнье нераздѣльно
Съ рѣшимостью. Зови меня козломъ,

Когда займу я дѣятельность сердца
Ничтожными догадками такими,
Какія я въ твоихъ намекахъ встрѣтилъ.
Пусть говорятъ, что у меня жена
И хороша, и любить наряжаться,
И выѣзжать, и бойко говорить,
И хорошо поетъ, играетъ, пляшетъ -
Ревнивымъ я отъ этого не стану.
Когда въ душѣ есть добродѣтель - всѣ
Наклонности такія непорочны;
И даже то, что у меня такъ мало
Заманчивыхъ достоинствъ, неспособно
Въ меня вселить малѣйшую боязнь,
Малѣйшее сомнѣнье: вѣдь, имѣла
Она глаза и выбрала меня.
Нѣтъ, Яго, нѣтъ, чтобъ усомниться, долженъ
Я увидать; а усомнился - надо
Мнѣ доказать, а послѣ доказательствъ -
Вонъ изъ души и ревность, и любовь!

Яго.

Я очень радъ такому разсужденію,
И ужъ теперь открыто вамъ рѣшаюсь
Мою любовь и вѣрность показать.
Послушайте жъ, что я считаю долгомъ
Вамъ объявить, хотъ ясныхъ доказательствъ
Нѣтъ у меня: смотрите, генераль,
За вашею женою хорошенько,
Внимательно слѣдите вы за нею
И Кассію; глазъ не спускайте съ нихъ,
Ни ревностью себя не ослѣпляя,
Ни вѣрою въ ихъ честность - не хотѣлъ бы
Я ни за что, чтобъ добротой своей
Обманута была душа такая
Открытая и честная - за всѣмъ
Внимательно слѣдите. Мнѣ знакомы
Характеры венеціанскихъ жонъ.
Лишь небесамъ рѣшаются онѣ
Тѣ открывать продѣлки, о которыхъ
Мужьямъ своимъ не смѣютъ разсказать;
И совѣсть ихъ не въ томъ, чтобъ воздержаться,
А въ томъ одномъ, чтобъ скрыть свои дѣла.

Отелло.

Ты думаешь?

Яго.

Вѣдь, обмануть умѣла
Она отца, когда пошла за васъ,
И между тѣмъ, какъ всѣмъ казалось, будто
Вашъ даже взглядъ такъ страшенъ для нея -
Она его такъ горячо любила.

Отелло.

Да, да, ты правъ.

Яго.

Вотъ видите! И такъ,
Когда она ужъ въ молодости первой
Умѣла такъ искусно притворяться,
Что ослѣпить ей удалось отца,
И мысль свою такъ затворила плотно,
Что колдовству все приписалъ старикъ,
Такъ ужъ теперь... Но я зашелъ далеко.
Простите мнѣ - я умоляю васъ -
За то, что я люблю васъ слишкомъ сильно.

Отелло.

Нѣтъ, ты меня навѣки обязалъ.

Яго.

Мнѣ кажется, мой разговоръ встревожилъ
Васъ нѣсколько.

326

Отелло.

О, нѣтъ, ничуть, ничуть!

Яго.

А я боюсь за это - вѣрьте чести.
Но все-таки, надѣюсь, вы поймете,
Что преданность заставила меня
Такъ говорить. Нѣтъ, вижу я, вы точно
Взволнованы. О, умоляю васъ,
Не придавать словамъ моимъ значенья
И важности: вѣдь, это все догадки
Невѣрные!

Отелло.

Да я не придаю.

Яго.

А если вы такъ думать захотите,
Мои слова получатъ гнусный смыслъ,
Къ которому я и не думалъ мѣтить.

Вѣдь, Кассіо - достойнѣйшій мой другъ...
Ахъ, генераль, я вижу, вы въ волненьи!

Отелло.

Нѣтъ, пустяки. Я убѣжденъ въ одномъ:
Не можетъ быть безчестной Дездемона.

Яго.

И дай Господь жить долго - ей, чтобъ быть
Безгрѣшною, а вамъ - чтобъ въ это вѣрить.

Отелло.

А что, когда и самая природа,
Забывъ себя...

Яго.

Вотъ тутъ-то и вопросъ!

Вы знаете - осмѣлюсь говорить
Открыто вамъ – что, вѣдь, она отвергла
Исканія различныхъ жениховъ
Ея страны и цвѣта, и сословья;
Изъ этого, пожалуй, заключать
Иной бы сталъ о мысляхъ развращенныхъ,
Желаніяхъ постыднѣйшихъ ея
И прихотяхъ гнуснѣйшихъ. Но, простите,
Я словъ моихъ къ супругѣ вашей
Не отношу, хоть все-таки боюсь;
Чтобъ чувствъ ея не покоришь разсудокъ
И чтобъ она, сравнивъ наружность вашу
Съ наружностью соотчицей своихъ,
Не вздумала раскаиваться послѣ.

Отелло.

Прощай, прощай! Удается чтонибудь
Тебѣ еще замѣтить - объяви мнѣ.
Пускай жена твоя глядитъ за ней.
Ну, а теперь оставь меня.

Яго.

Прощайте (*Идетъ*).

Отелло.

И для чего женился я на ней?
Сомнѣнья нѣтъ, что честный Яго видитъ
И знаетъ больше – о! гораздо больше -
Чѣмъ говорить.

Яго (*возвращаясь*).

Молю васъ, генераль,
Такъ глубоко не вдумываться въ это.

И времени все дѣло предоставить.
А Кассіо хотѣ слѣдовало бѣ вамъ
Вновь возвратить утраченную должность,
Которую онъ такъ отлично несъ,
Но погодить вамъ съ этимъ не мѣшало бѣ;
А между тѣмъ могли бы вы узнать,
Каковъ онъ самъ и что онъ замышляетъ!
Замѣьте то: когда супруга ваша
О немъ просить васъ будетъ неотступно,
Запальчиво - тутъ что нибудь да есть.
Покаместъ же я умоляю васъ
Считать меня ужъ слишкомъ боязливымъ,
Какимъ и самъ считаю я себя,
И не винить ни въ чемъ супругу вашу.

Отелло.

Не бойся: я могу владѣть собой.

Яго.

Имѣю честь откланяться вамъ снова.

(Уходитъ).

Отелло.

Вотъ человѣкъ - честнѣйшій изъ людей!
И какъ умомъ глубокимъ онъ умѣетъ
Всѣхъ дѣлъ людскихъ причины постигать!..
О, если я найду, что ты, мой соколъ,
Сталъ дикъ - твои я путы разорву,
Хоть будь онъ изъ струнъ моихъ сердечныхъ -
И Богъ съ тобой: лети, куда захочешь!
Какъ знать? всему причиной то, быть можетъ,
Что черенъ я, что сладко говорить,
Какъ щеголи-вельможи, не умѣю,
А можетъ быть, и то, что началъ я
Въ долину лѣтъ преклонныхъ опускаться.
Все можетъ быть! Ну, что же? Нѣтъ жены,
Обмануть я - и утѣшеніемъ только
Презрѣніе должно остаться мнѣ.
О, вотъ оно, вотъ гдѣ проклятье брака!
Онъ отдаетъ намъ этихъ женщинъ милыхъ,
Но ихъ страстей не подчиняетъ намъ.

327

Ахъ, я бѣ желалъ родиться лучше жабой
И въ сырости темницы пресмыкаться,
Чѣмъ изъ того, что я люблю, другому
Малѣйшую частицу отдавать!

Но такова ужъ кара душъ высокихъ:
Имъ не даны права простыхъ сердецъ,
И ихъ судьба, какъ смерть, не отвратима:
Едва на свѣтъ мы выйдемъ - и уже
Обречены рогатому недугу!..
Вотъ и она! О, если лжива ты,
Такъ надъ собой самимъ смѣется Небо!
Нѣтъ, не хочу я вѣрить этой мысли.

Входятъ Дездемона и Эмилія.
Дездемона.

Что жъ, милый мой Отелло, твой обѣдъ
И знатные островитяне-гости,
Которыхъ пригласилъ ты, ждутъ тебя!

Отелло.

Да, виновать.

Дездемона.
Твой голосъ слабъ; ты боленъ?
Отелло.

Да, тутъ болить. *(Показываетъ на лобъ).*

Дездемона.

Конечно, оттого,
Что ты не спалъ. Но, дай, перевяжу я
Твой лобъ платкомъ - и черезъ часъ все это
Пройдетъ.

Отелло.

Оставь: платокъ твой слишкомъ малъ.

(Срываетъ и роняетъ платокъ на полъ).

Пройдетъ и такъ. Идемъ со мною вмѣстѣ.

Дездемона.

Какъ грустно мнѣ, что заболѣлъ ты вдругъ!

(Уходитъ съ Отелло).

Эмилія.

Ну, наконецъ платокъ въ моихъ рукахъ,
Ея платокъ - подарокъ первый мавра.
Мой мужъ, чудакъ, сто разъ меня просилъ
Украсть его; но съ нимъ не разстанется
Она на мигъ - съ нимъ говоритъ, цѣлуетъ:
Онъ дорогъ ей съ тѣхъ поръ, какъ заклиналъ
Самъ мавръ ее беречь его до гроба.
Сниму теперь узоръ съ него и Яго
Его отдамъ. Что съ нимъ онъ станетъ дѣлать -
Богъ вѣсть, не я. Я только исполняю

Его капризь.

Входитъ Яго.

Яго.

Ты здѣсь зачѣмъ одна?

Эмилиа.

Ну, перестань браниться; я имѣю
Вещь для тебя.

Яго.

Вещь для меня? О, это

Такая вещь извѣстная!

Эмилиа.

Про что

Ты говоришь?

Яго.

Про глупую жену.

Эмилиа.

Ну, перестань! Ты вотъ скажи мнѣ лучше,
Что дашь ты мнѣ за этотъ вотъ платокъ?

Яго.

Какой платокъ?

Эмилиа.

Какой платокъ? Тотъ самый,
Что подарилъ Отелло Дездемонѣ,
Платокъ, что ты не разъ уже украсть
Просилъ меня.

Яго.

И ты его украла?

Эмилиа.

Нѣтъ, не совсѣмъ, но обронила здѣсь
Она его нечаянно, а я,
Случившись тутъ, подобрала. Гляди-ка!

Яго.

О, добрая! Ну, дай его сюда!

Эмилиа.

Да что, скажи, ты съ нимъ намѣренъ дѣлать?
И для чего ты неотступно такъ
Желалъ его?

Яго.

Тебѣ какое дѣло?

(Вырываетъ платокъ).

Эмилиа.

Когда тебѣ онъ не для цѣлей важныхъ
Необходимъ - отдай его ты мнѣ:
Она съ ума сойдетъ, моя бѣдняжка,
Какъ хватится и не найдетъ его.

Яго.

А ты скажи, что ничего не знаешь.
Онъ нуженъ мнѣ. Ну, а теперь ступай.

(Эмилиа уходитъ).

Я оброну у Кассіо въ квартирѣ
Ея платокъ – и онъ его найдетъ;
А въ ревности и самая бездѣлка,
Хоть легкая, какъ воздухъ, такъ важна,
Какъ доводы священнаго писанья.
Изъ этого ужъ выйдетъ что нибудь.
Мавръ безъ того моимъ напѣтанъ ядомъ;
А для такихъ натуръ и подозрѣнье,
Нелѣпая догадка – тотъ же ядъ.
Сперва онъ слабъ, едва и вкусу слышенъ,
А чуть на кровь попалъ – какъ копи сѣры,
Онъ жжетъ ее. Я это прежде зналъ...
Вотъ онъ идетъ. Ни макъ, ни мандрагора,
Ни зелья всѣ, какія есть на свѣтѣ,
Не возвратятъ тебѣ тотъ мирный сонъ,
Которымъ ты вчера еще былъ счастливъ!

Входитъ Отелло.

Отелло.

Ага, меня обманывать! меня!

Яго.

Ну, генераль, довольно ужъ объ этомъ.

Отелло.

Прочь! Ты меня ужасной пыткой предалъ!
Клянусь, вполнѣ обманутымъ быть лучше,
Чѣмъ мало знать.

Яго.

Какъ это, генераль?

Отелло.

Что было мнѣ за дѣло до разврата
Моей жены, до хитростей ея?
Не видѣлъ ихъ, не думалъ я о нихъ:

Онѣ меня не мучили. Спокойно
Я ночью спалъ, былъ веселъ и доволенъ,
И на устахъ ея до этихъ поръ
Не находилъ я Кассіо лобзаній.
Да, человѣкъ ограбленный не можетъ
Считать себя ограбленнымъ, пока
Онъ не узналъ про это.

Яго.

Генералъ,
Васъ слушать мнѣ невыразимо больно.

Отелло.

О, пусть бы хоть все войско, пусть бы каждый
Солдатъ владѣлъ ея прекраснымъ тѣломъ:
Я бѣ счастливъ былъ, не вѣдая о томъ;
Теперь же все прости, прости навѣки,
Прости покой, прости мое довольство!
Простите вы, пернатая войска
И гордые сраженія, въ которыхъ
Считается за доблесть честолюбье -
Все, все прости! Прости, мой ржущій конь
И звукъ трубы, и грохотъ барабана,
И флейты свистъ, и царственное знамя,
Всѣ почести, вся слава, все величье
И бурныя тревоги славныхъ войнъ!
Простите вы, смертельныя орудья,
Которыхъ гулъ несется по землѣ,
Какъ грозный громъ безсмертнаго Зевеса!
Все, все прости! Свершился путь Отелло!

Яго.

Возможно ли?

Отелло.

Мерзавецъ, ты обязанъ
Мнѣ доказать развратъ моей жены
(Схватываетъ его за горло).
Или, клянусь души моей спасеньемъ,
Что лучше бы тебѣ родиться псомъ,
Чѣмъ ярости, въ груди моей возставшей,
Давать отвѣтъ.

Яго.

Вотъ до чего дошло!

Отелло.

Дай случай мнѣ увидѣть самому
Иль, наконецъ, такъ докажи мнѣ это,
Чтобъ не было ни петли, ни крючка,
Гдѣ бъ прицѣпить сомнѣнье можно было.
Иначе – смерть!

Яго.

Мой добрый генераль!

Отелло.

О, если ты клеветешь на невинность
И клеветой терзаешь грудь мою,
То перестань молиться, отрекись
Отъ совѣсти, на страшныя злодѣйства
Ты новыя злодѣйства громозди,
Отъ дѣлъ твоихъ пусть зарыдаетъ Небо,
И въ ужасѣ всколеблется земля!
Чтобъ осудить себя на муки ада,
Ты ничего ужъ не свершишь страшнѣй.

Яго.

О, смилуйтесь! Спаси меня, о Небо!
Опомнитесь! Вы человѣкъ иль нѣтъ?
Неужли въ васъ ни сердца нѣтъ, ни смысла?
Богъ съ вами! я вамъ больше не слуга.
Глупецъ-бѣднякъ, вотъ до чего ты дожилъ,
Что за порокъ твою считаютъ честность!
О, гнусный міръ! Смотри, смотри, о, міръ,
Какъ вѣдно быть и честнымъ, и открытымъ!

329

Благодарю васъ за урокъ. Теперь
Ужъ ни къ кому не привяжусь я дружбой,
Когда она рождаетъ оскорбленья.

Отелло.

Нѣтъ, погоди!.. Ты, можетъ быть, и честенъ.

Яго.

Желалъ бы я быть умнымъ: честность дура,
Она никакъ до цѣли не дойдетъ.

Отелло.

Клянуся всѣмъ, что только есть на свѣтѣ,
Мнѣ кажется, – жена моя невинна,
И кажется, что не честна она;

Мнѣ кажется, что правъ ты совершенно,
И кажется, что ты несправедливъ.
Хоть чѣмъ-нибудь хочу я убѣдиться!
Какъ чистый ликъ Діаны, такъ и имя
Моей жены блистало чистотой;
Но, какъ мое лицо, оно теперь
Испачкано и чернотой покрыто.
О, если есть еще ножи, веревки,
Огонь и ядъ, удушливыя рѣки -
Не потерплю измѣны этой я.
О, дайте мнѣ скорѣе убѣдиться!

Яго.

Ахъ, вижу я, васъ пожираетъ ревность.
И каюсь я, что поселилъ ее.
Итакъ, вы въ томъ желали бѣ убѣдиться?

Отелло.

Желалъ ли бы? я требую, хочу!

Яго.

И можете; но какъ? чего вамъ нужно?
Быть можетъ, вы желали бы на дѣлѣ
Ее застать?

330

Отелло.

Смерть и проклятье! О!

Яго.

Я думаю, что было бѣ очень трудно
Заставить ихъ вамъ это показать:
Вѣдь, презирать ихъ нужно было бѣ, если бѣ
Хоть чьи-нибудь глаза могли увидѣть
На ложѣ ихъ. Такъ что же дѣлать мнѣ?
Что я скажу? гдѣ взять мнѣ доказательствъ?
На дѣлѣ ихъ застать вамъ невозможно;
Но если съ васъ довольно убѣжденій
И доводовъ, которые ведутъ
Въ дверь истины дорогою прямою,
Я дамъ вамъ ихъ.

Отелло.

О, дай мнѣ убѣдиться
Хоть чѣмъ-нибудь живымъ въ ея изменѣ!

Яго.

Признаться вамъ, мнѣ это непріятно.

Но такъ какъ я изъ честности безумной
И дружбы къ вамъ зашелъ такъ далеко,
То продолжать я стану. Как-то разъ,
Мы съ Кассіо лежали на постели,
Но, мучимый зубною болью страшной,
Никакъ не могъ до утра я уснуть.
Есть родъ людей, въ которыхъ слабость духа
Такъ велика, что и во снѣ они
Про тайныя дѣла свои болтають.
Нашъ Кассіо одинъ изъ этихъ слабыхъ.
Вотъ, слышу я, онъ говоритъ сквозь сонъ:
"О, ангелъ Дездемона! скроемъ нашу
Любовь отъ всѣхъ и будемъ осторожны!"
Тутъ сильно онъ сжалъ руку мнѣ, воскликнувъ:
"О, чудное созданье!" и потомъ
Сталъ цѣловать меня такъ пылко, будто
Съ корнями онъ хотѣлъ лобзанья вырвать,
Что на губахъ моихъ росли; потомъ
Онъ горячо прильнулъ ко мнѣ всѣмъ тѣломъ
И цѣловалъ, и плакалъ, и кричалъ:
"Будь проклятъ рокъ, тебя отдавшій мавру!"

Отелло.

Чудовищно! чудовищно!

Яго.

Но это,

Вѣдь, только сонъ.

Отелло.

Да, сонъ, но обличаетъ
Онъ то собой, что было на яву
И страшное рождаетъ подозрѣнье.

Яго.

А сверхъ того, онъ можетъ подкрѣпить
И рядъ другихъ хорошихъ доказательствъ.

Отелло.

Я разорву ее на части!

Яго.

Нѣтъ,

Совѣтую вамъ быть благоразумнымъ.
Вѣдь, мы еще не видимъ ничего,
И, можетъ быть, она и не преступна.
Скажите мнѣ, случилось ли вамъ видѣть
Когда-нибудь въ рукахъ ея платокъ,
Весь вышитый цвѣтами земляники?

Отелло.

Такой платокъ я подарилъ ей; это
Мой первый даръ.

Яго.

Я этого не зналъ;

Но видѣлъ я, что Кассіо сегодня
Лицо платкомъ тѣмъ самымъ утиралъ,
Что былъ у ней - за это я ручаюсь.

Отелло.

О, если тотъ...

Яго.

Да, тотъ или другой,

Но если ей принадлежитъ онъ - сильно
Противъ нея все это говорить.

Отелло.

О, отчего не сорокъ тысячъ жизней
У этого раба? Одной мнѣ мало,
Одна слаба для мщенья моего!
Теперь всему, всему я вѣрю! Яго,
Смотри сюда: съ себя я къ небесамъ
Безумную любовь мою сдуваю -
Она прошла! Местъ черная, вставай
Изъ адскихъ безднъ и выходи наружу!
Передавай, любовь, твою корону
И твой престолъ неукротимой злобѣ!
Вздымайся грудь подъ бременемъ отравы
Отъ языковъ змѣиныхъ!

Яго.

Успокойтесь,

Пожалуйста.

Отелло.

О, крови, Яго, крови!

Яго.

Терпѣніе: быть можетъ, вы еще
Одуматься успѣете.

Отелло.

Нѣтъ, Яго!

Нѣтъ, никогда! Какъ волны ледяныя
Понтійскихъ водъ, въ теченіи неукротимыхъ,
Не вѣдая обратнаго отлива,

Впередъ, впередъ несутся въ Пропонтиду
И въ Геллеспонтъ, - такъ замыслы мои
Кровавые неистово помчатся,
И ужъ назадъ не взглянуть никогда,
И къ нѣжности смиренной не отхлынуть,
И будутъ все нестись неудержимо,
Пока не поглотятся дикимъ мщеньемъ.
Клянусь теперь, подъ этимъ чистымъ небомъ,
(становится на колѣни)

Проникнутый всей святостію клятвы,
Отъ словъ моихъ не отрекусь.

Яго *(становясь на колѣни)*.
Постойте.

Васъ, въ вышинѣ горящія свѣтила,
Васъ, вокругъ людей бродящія стихіи,
Въ свидѣтели того беру, что Яго
Радъ посвятить умъ, сердце, руки - все
На службу оскорбленному Отелло.
Пусть только онъ прикажетъ - и исполнить
Все я за долгъ священный мой сочту,
Какъ ни было бъ кроваво это дѣло.

Отелло.

Привѣтствую не звуками пустыми
Твою любовь, а радостнымъ принятіемъ,
И сей же часъ воспользуюсь я ею.
Черезъ три дня ты долженъ мнѣ сказать,
Что Кассіо не существуетъ больше.

Яго.

Мой другъ ужъ мертвъ: свершится ваша воля.
Но пусть она останется въ живыхъ.

Отелло.

Проклятье ей, блудницѣ, о, проклятье!
Идемъ со мной. Подумать долженъ я,
Гдѣ бъ средства мнѣ найти, чтобъ поскорѣй
Погибъ отъ нихъ прекрасный этотъ демонъ.
Отнынѣ ты мой лейтенантъ.

Яго.
Навѣки вашъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Тамъ же.

Входятъ Дездемона, Эмилія и шутъ.

Дездемона. Не знаешь ли, другъ мой, гдѣ живетъ лейтенантъ Кассіо?

Шутъ. Не знаю, гдѣ онъ квартируетъ. А выдумать вамъ какую-нибудь квартиру, сказать, что онъ живетъ тамъ или здѣсь - значить солгать на свою голову.

Дездемона. Не можешь ли ты какъ-нибудь освѣдомиться и разузнать?

Шутъ. Я разспрошу о немъ весь міръ, то есть буду дѣлать вопросы и по нимъ давать отвѣты.

Дездемона. Найди его и попроси притти сюда. Да скажи ему, что я просила моего мужа о его помилованіи и надѣюсь, что все уладится.

Шутъ. Сдѣлать это - въ силахъ человѣческихъ, и потому я попытаюсь исполнить.

(Уходитъ).

Дездемона. Гдѣ бы я потеряла этотъ платокъ, Эмилія?

Эмилія. Не знаю, синьора.

Дездемона.

Повѣришь ли, я бѣ лучше согласилась
Мой кошелекъ и деньги потерять!
Хотя во мнѣ увѣренъ благородный
Отелло мой и ревностію гнусной
Не страждетъ онъ, но на дурныя мысли
Его навестъ легко все это можетъ.

Эмилія.

Такъ не ревнивъ на самомъ дѣлѣ онъ?

Дездемона.

Кто? онъ? О, нѣтъ! Я думаю, что солнце
Его страны страсть эту выжгло въ немъ.

Эмилія.

Вотъ онъ идетъ.

Дездемона.

Теперь я не отстану,

Пока опять онъ Кассіо къ себѣ

Не позоветъ.

Входитъ Отелло.

Дездемона.

Ну, какъ тебѣ, мой милый?

Отелло.

Теперь прошло. *(Тихо).* О, мука притворяться!

(Громко). А какъ твоё здоровье, Дездемона?

Дездемона.

Мнѣ хорошо.

Отелло.

Дай руку мнѣ. Какъ влажна

Твоя рука!

Дездемона.

Она не испытала

Ни старости, ни горя.

Отелло.

Это признакъ

И щедрости души, и плодородья.

Какъ горяча! Да, горяча и влажна!

О, гдѣ рука такая - нужны тамъ

Стѣсненіе свободы, постъ, молитва

И плоти умерщвление, и обѣты,

Затѣмъ, что тутъ гнѣздится дьяволенокъ

Котораго нетрудно возмутить.

Да, славная рука - рука прямая!

Дездемона.

И вправѣ ты такъ называть ее:

Она тебѣ мое вручила сердце.

Отелло.

Да, щедрая! Въ былое время сердце

Намъ руку отдавало, а теперь,

По нынѣшней геральдикѣ, дается

Одна рука - не сердце.

Дездемона.

Не умѣю

Поддерживать я этотъ разговоръ.

Ты лучше мнѣ скажи: что жъ обѣщанье?

Отелло.

Какое обѣщаніе, голубка?

Дездемона.

За Кассію послала я, чтобъ онъ

Пришелъ сюда поговорить съ тобою.

Отелло.

Сегодня я схватилъ ужасный насморкъ:

Какъ надоѣлъ! Подай мнѣ твой платокъ.

Дездемона.

Вотъ онъ.

Отелло.

Нѣтъ, тотъ, что подарилъ тебѣ я.
Дездемона.

Онъ не при мнѣ.

Отелло.

Нѣтъ?

Дездемона.

Нѣтъ.

Отелло.

Нехорошо!

Имъ мать мою цыганка подарила.
Она была колдунья и читала
Въ сердцахъ людей, и матери моей,
Даря платокъ, сказала, что покамѣстъ
Онъ будетъ съ ней - не перестать ей быть
Любимою и надъ отцомъ моимъ
Не потерять сердечной власти. Если жъ
Онъ пропадетъ иль будетъ подаренъ
Кому-нибудь, отецъ мой отвернется
Съ презрѣніемъ, и помыслы свои
Отдастъ другимъ. Платокъ тотъ, умирая,
Передала мнѣ мать моя, прося,
Чтобъ, если мнѣ судьба жену даруетъ,
Ей и платокъ отдать. Я такъ и сдѣлалъ.
Храни жъ его: какъ за зѣницей ока,
Смотри за нимъ. Отдашь кому-нибудь,
Утрапишь ли - ты навлечешь погибель,
Съ которой не сравниться ничему.

Дездемона.

Возможно ли?

Отелло.

Да, верь мнѣ, въ этой ткани
Есть колдовство. Платокъ тотъ вышить былъ
Въ пророческомъ неистовствѣ Сивиллой,
Успѣвшею увидѣть двѣсти разъ
Годичное вращенье солнца; черви
Священные шелкъ дали для него,
И этотъ шелкъ окрашенъ влагой, взятой
Изъ дѣвственныхъ сердецъ прекрасныхъ мумій.

Дездемона.

Не шутишь ты? и это вѣрно?

Отелло.

Вѣрно.

Такъ береги жъ старательно его.

Дездемона.

О, если ты не шутишь, такъ ужъ лучше бѣ
Я никогда не видѣла его!

Отелло.

А! это какъ?

Дездемона.

Что значить твой суровый
И рѣзкій тонъ?

Отелло.

Потерянъ онъ? пропаль?
Да говори: ужъ нѣтъ его?

Дездемона.

О, Боже!

Отелло.

Гдѣ? говори!

333

Дездемона.

Онъ не потерянъ, нѣтъ.
А если бы?..

Отелло.

Ага!

Дездемона.

Я повторяю:

Онъ не пропаль.

Отелло.

Дай, покажи его!

Дездемона.

Да, показать могла бѣ, но не хочу я.
Легко понять, что ты хитришь со мной.
Прошу: позволь - пусть Кассіо придетъ
Сюда, мой другъ.

Отелло.

Подай платокъ. Мнѣ что-то
Недоброе сдается.

Дездемона.

Ну, оставь!..
Ты не найдешь на свѣтѣ человѣка
Прекраснѣе.

Отелло.

Платокъ!

Дездемона.

Прошу тебя,
Поговоримъ о Кассіо.

Отелло.

Платокъ!

Дездемона.

Онъ человѣкъ, который постоянно
Основывалъ все счастье свое
Лишь на одномъ твоёмъ расположенъ,
Съ тобой дѣлилъ опасности...

Отелло.

Платокъ!

Дездемона.

Нѣтъ, ты не правъ, сознаться надо...

Отелло.

Прочь!

(Уходитъ).

Эмилія.

Онъ не ревнивъ, по вашему?

Дездемона.

Я, право,

Такимъ еще не видѣла его.
Ужъ нѣтъ ли въ томъ платкѣ на самомъ дѣлѣ
Сокрытыхъ чаръ? О, какъ несчастна я,
Что онъ пропалъ!

Эмилія.

Да, мужа не узнаешь

Ни въ годъ, ни въ два. Мужья - желудки, мы -
Не болѣе, какъ пища. Голодають -
Такъ насъ ѣдятъ, чтобъ послѣ изрыгнуть,
Насытившись. Вотъ Кассіо и мужъ мой.

Входятъ Яго и Кассіо.

Яго.

Другихъ нѣтъ средствъ: она лишь можетъ сдѣлать
А, къ счастью, вотъ и она. Ступайте
Просить ее.

Дездемона.

Ну, Кассіо, мой добрый,
Что скажете? Что нового?

Кассіо.

Опять

Я съ прежнею къ вамъ просьбою, синьора;
Опять молю заступничествомъ вашимъ
Устроить такъ, чтобъ могъ я снова жить
И снова быть участникомъ счастливымъ
Въ любви того, кого всѣмъ сердцемъ я

Высоко чту. О, не тяните дѣла!
Когда ужъ такъ проступокъ мой тяжелъ,
Что ни мои прошедшія заслути,
Ни горестъ въ настоящемъ, ни обѣтъ
Быть въ будущемъ слугой его достойнымъ
Любви его мнѣ возратить не могутъ,
Такъ для меня хотъ убѣдиться въ томъ
Ужъ было бы большимъ благодѣяньемъ.
Тогда судьбѣ своей я покорюсь
И на другой какойнибудь аренѣ
Начну собирать у счастья подаянье.

Дездемона.

Увы, увы, мой благородный другъ,
Ходатайство мое ужъ бесполезно!
Мой мужъ теперь не мужъ мой; не узнать бы
Его и мнѣ, когда бъ его лицо
Такъ сильно измѣнилось, какъ характеръ.
Пусть за меня такъ молятъ всѣ святыя,
Какъ я за васъ просила; рѣчь моя
Открытая мнѣ навлекла немилость.
Вамъ потерпѣть необходимо. Все,
Что я могу, то сдѣлаю, и даже
Для васъ рѣшусь на то, на что не смѣла бъ
Я для себя рѣшиться - вѣрьте мнѣ.
А между тѣмъ довольны будьте этимъ

334

Яго.

Такъ генераль сердитъ теперь?

Дездемона.

Ушелъ

Онъ только-что отсюда въ безпокойствѣ
Какомъ-то непонятномъ.

Яго.

Будто онъ

Сердиться въ состояніи? Я видѣлъ,
Какъ по вѣтру ряды его солдатъ
Отъ пушечныхъ ударовъ разносились;
Я видѣлъ, какъ, подобно злему духу,
Изъ рукъ его ядро родного брата
Исторгнуло... и можетъ онъ сердиться?

О, значить, тутъ есть важная причина!
Пойду къ нему; причина непремѣнно
Есть важная, коль разсердился онъ.

Дездемона.

Пожалуйста, подите. Вѣрно, дѣло
Касается республики.

(Яго уходитъ).

Иль вѣсть

Дурная изъ Венеціи, иль, просто,
Злой умыселъ, открытый имъ здѣсь, въ Кипрѣ,
Въ немъ свѣтлое спокойствіе затмили.
А въ случаяхъ подобныхъ человѣкъ,
Хоть важными взволнованный дѣлами,
Къ бездѣлицамъ способенъ придирается.
Ужъ такъ всегда: пусть палецъ заболитъ, -
И эта боль сейчасъ распространится
На члены всѣ здоровые. Къ тому жъ,
Намъ надо знать, что люди, вѣдь, не боги
И что мужья не могутъ быть всегда
Внимательны, какъ въ первые дни брака.
Брани меня, Эмилиа, брани:
Неопытный боецъ, я обвинила
Его за то, что онъ не добръ ко мнѣ,
Но вижу я теперь, что подкупила
Свидѣтелей: онъ ложно обвиненъ.

Эмилиа.

Ахъ, дай-то Богъ, чтобъ были тутъ причиной
Республики дѣла, а не сомнѣнье,
Не ревность къ вамъ.

Дездемона.

О, Боже сохрани!

Вѣдь, повода къ тому не подала я.

Эмилиа.

Ревнивому - отвѣтъ вашъ не отвѣтъ.
Ревнивые не потому ревнуютъ,
Что поводъ есть, а просто потому,
Что ревновать въ натурѣ ихъ. Вѣдь, ревность -
Чудовище, которое себя
Само зачнетъ, само и порождаетъ.

Дездемона.

Да сохранить Всевышній духъ Отелло
Отъ этого чудовища!

Эмилиа.

Аминь.

Дездемона.

Пойду за нимъ. Вы, Кассіо, покамѣстъ
Побудьте здѣсь. Найду его спокойнымъ -
Опять начну просить его и все
Употреблю, чтобъ онъ исполнилъ просьбу.

Кассіо.

Отъ всей души я благодаренъ вамъ.

(Дездемона и Эмилиа уходятъ).

Входитъ Бьянка.

Бьянка.

Здорово, другъ.

Кассіо.

А, дорогая Бьянка!

Здорова ли? Что дѣлаешь ты здѣсь?

А я къ тебѣ, мой ангелъ, отправлялся.

Бьянка.

А я къ тебѣ. Ну, можно ли, скажи,
Не навѣстить за цѣлую неделю,
Не приходить семь дней и семь ночей,
Сто шестьдесятъ часовъ? Часы жъ разлуки
Съ любовникомъ въ сто шестьдесятъ разовъ
Скучнѣй часовъ обыкновенныхъ сутокъ.
О, грустно ихъ считать!

Кассіо.

Прости мнѣ, Бьянка:

Я важными дѣлами занятъ былъ,
Но, вѣрь, въ часы досуга заплачу я
За долгое отсутствіе мое.
Мой милый другъ, не можешь ли мнѣ вышить
Такой платокъ?

(Подаетъ ей платокъ).

Бьянка.

О, гдѣ ты взялъ его?

Онъ подаренъ, конечно, новымъ другомъ.

Ну, мнѣ теперь причина твоего

Отсутствія понятна... вотъ въ чемъ дѣло!

Прекрасно, другъ, прекрасно!

Кассіо.

Перестань!

Брось гнусную догадку въ зубы къ чорту,

Пославшему тебѣ такую мысль.
Ревнуешь ты, вообразивъ, что это
Знакъ памяти любовницы другой.
Нѣтъ, Бьянка, нѣтъ, клянусь.

Бьянка.

Такъ чей же онъ?

Кассіо.

Мой милый другъ, я, право, самъ не знаю:
Я въ комнатѣ моей его нашелъ,
И сильно онъ мнѣ нравится. Покамѣстъ
Не хватятся его - а это будетъ
Навѣрное - хотѣлъ бы я, чтобъ точно
Такой же былъ мнѣ вышить... Такъ возьми
Его съ собой и сдѣлай, что прошу я.
Покамѣстъ же оставь меня.

Бьянка.

Оставь?

Зачѣмъ "оставь"?

Кассіо.

Я жду здѣсь генерала

И не хочу и не считаю нужнымъ,
Чтобъ съ женщиной меня увидѣлъ онъ.

Бьянка.

Да отчего?

Кассіо.

Не оттого, чтобъ я

Къ тебѣ любви не чувствовалъ.

Бьянка.

Но вѣрно,

Ужъ оттого, что разлюбилъ давно.
Прошу тебя, хотъ проводи немного,
И скоро ли, скажи, тебя я ночью
Увижу.

Кассіо.

Я пройтись съ тобой могу,
Но очень недалеко, потому что
Здѣсь долженъ ждать; увидимся же скоро.

Бьянка.

Ну, что жъ, и то пріятно мнѣ. Должна
Я поступать такъ, какъ судьба желаетъ.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Кипръ. Передъ замкомъ.
Входятъ Отелло и Яго.

Яго.

Итакъ, вы все такого мнѣнья?

Отелло.

Мнѣнья?

Яго.

Что разъ одинъ поцѣловать тайкомъ!

Отелло.

То поцѣлуй преступный.

Яго.

Иль съ другомъ

Часокъ-другой въ постели полежать,

Хоть нагишомъ, но безъ порочныхъ мыслей?

Отелло.

Какъ! Нагишомъ, въ постели и безъ мыслей

Порочныхъ? О, да это лицемѣрье

Предъ дьяволомъ! Кто поступаетъ такъ

Безъ замысла грѣховнаго, тѣхъ вводитъ

Въ такой соблазнъ самъ дьяволъ, а они,

Ужъ, въ свой чередъ, и Небо соблазняютъ.

Яго.

Ну, если тѣмъ и кончится, такъ это

336

Простительный проступокъ. Но когда я

Своей женѣ платокъ дарю, тогда...

Отелло.

Ну, что жъ тогда?

Яго.

Тогда ея онъ собственность, и можетъ

Она его отдать, кому угодно.

Отелло.

Да вѣдь, и честь есть собственность ея,

Такъ, значить, честь отдать ей также можно?

Яго.

Честь, генераль, невидимая вещь -
И часто тотъ, повидимому, честень,
Въ комъ никакой нѣтъ чести. Но платокъ...

Отелло.

Свидѣтель Богъ, я съ радостью забылъ бы
Твои слова. Ты говорилъ... О, это
Надъ памятью моей летаетъ, словно
Надъ домомъ зачумленнымъ воронъ злой.
Ты говорилъ, что у него платокъ?

Яго.

Что жъ изъ того?

Отелло.

О, Яго, это дурно!

Яго.

Что изъ того, когда бъ я вамъ сказалъ,
Что отъ него я слышалъ или видѣлъ.
Вѣдь, много есть бездѣльниковъ такихъ,
Которые, успѣвши убѣдить
Иль умолить возлюбленную сердца -
Своимъ ли волокитствомъ неотступнымъ,
По добродушному ль согласію ея -
Не разболтать о томъ никакъ не могутъ.

Отелло.

Такъ что-нибудь онъ говорилъ тебѣ?

Яго.

Да, говорилъ; но генераль, повѣрьте -
Онъ только то сказалъ мнѣ, отъ чего
И клятвенно онъ можетъ отказаться.

Отелло.

Что жъ онъ сказалъ?

Яго.

Что онъ... Да я не знаю,
Какъ вамъ сказать. Онъ говорилъ, что онъ...

Отелло.

Что? что?

Яго.

Лежалъ...

Отелло.

Онъ? съ ней?

Яго.

Да, съ ней, коли хотите.

Отелло. Лежалъ съ нею... Лежалъ съ нею! О, это отвратительно! Платокъ...
Признался... Платокъ! Заставить его признаться, а потомъ, въ награду, повѣсить!

Нетъ, прежде повѣсить, а потомъ заставить признаться! Я дрожу при одной мысли объ этомъ... Природа не облекается въ такую омрачающую страсть безъ какого-нибудь предчувствія... О... носы, уши, губы! Возможно ли? Признайся же! Платокъ! О, дьяволъ!

(Падаетъ въ судорогахъ).

Яго.

Дѣйствуй,

Мое лѣкарство, дѣйствуй! Вотъ какъ ловятъ
Довѣрчивыхъ безумцевъ! Вотъ какъ честныхъ,
Невиннѣйшихъ и непорочныхъ женщинъ
Позору подвергаютъ. Генераль,
Послушайте! Синьоръ! Отелло! Что вы?

Входитъ Кассіо.

Яго.

А, Кассіо!

Кассіо.

Что здѣсь случилось?

Яго.

Вотъ

Въ припадкѣ онъ падучей. Это съ нимъ
Уже второй: вчера еще былъ первый.

Кассіо.

Потри ему виски.

Яго.

Нѣтъ, нѣтъ, не нужно.

Нельзя мѣшать припадку, а не то
Запѣняются уста его, и скоро
Онъ въ дикое неистовство впадетъ.
Смотрите - шевелится. Удалитесь
Отсюда вы на нѣсколько минутъ:
Очнется онъ сейчасъ. Я послѣ съ вами,
Какъ онъ уйдетъ, о дѣлѣ очень важномъ
Поговорю. Ну, какъ вамъ, генераль?
Не ранили ль вы голову? *(Кассіо уходитъ).*

Отелло.

Смѣешься

Ты надо мной?

Яго.

Надъ вами? я? о, нѣтъ!
Свидѣтель Богъ, мнѣ только бы хотѣлось,
Чтобъ горе вы, какъ мужъ, переносили.

Отелло.

Рогатый мужъ - чудовище и звѣрь.

Яго.

Такъ много же звѣрей живетъ, и много
Привѣтливыхъ чудовищъ въ городахъ.

Отелло.

Сознался онъ?

Яго.

Ахъ, будьте же мужчиной!

Подумайте, что каждый человѣкъ,
До бороды дожившій, чуть подъ иго
Жены попалъ, все ту же лямку тянетъ.
Повѣрьте мнѣ: миллионы есть людей,
Которые спятъ ночью на постеляхъ,
Доступныхъ всѣмъ, и могутъ клятву дать,
Что имъ однимъ постели тѣ доступны.
У васъ не такъ, и лучшій вашъ удѣлъ.
Скажите мнѣ: не адскія ли козни,
Не злѣйшая ль насмѣшка сатаны,
Когда супругъ развратницу лобзаетъ
И убѣжденъ въ безгрѣшности ея?
Нѣтъ, лучше знать; а зная, что со мною,
Я знаю, что должно и съ нею быть.

Отелло.

О, ты умень - въ томъ спору нѣтъ.

Яго.

Побудьте

Здѣсь въ сторонѣ немного, но себя
Въ терпѣнія предѣлы заключите.
Межъ тѣмъ какъ вы лежали на землѣ,
Безумствуя отъ горести, что людямъ,
Такимъ, какъ вы, нисколько неприлично, -
Былъ Кассіо. Его я удалилъ,
Придумавши хорошую причину
Для вашего припадка, и просилъ
Опять притти поговорить со мною.
Онъ обѣщалъ. Вы спрячьтесь и слѣдите,
Какъ каждая черта его лица
Вдругъ расцвѣтетъ насмѣшкою, презрѣньемъ,
Нахальною улыбкой хвастовства,

Затѣмъ, что я его заставляю снова
Мнѣ повторить всю повѣсть: какъ, когда
И сколько разъ онъ былъ съ женою вашей
Наединѣ и будетъ сколько разъ?
За жестами его, я повторяю,
Слѣдите вы. Но только, генералъ -
Терпѣніе: иначе я увѣрюсь,
Что бѣшенству совсѣмъ вы отдались
И что въ васъ нѣтъ ужъ ничего людского.

Отелло.

Я буду терпѣливъ - ты слышишь, Яго?
Я изумлю тебя моимъ терпѣніемъ,
Но послѣ - слышишь, Яго? - послѣ я
Явлюсь тебѣ безмѣрно кровожаднымъ.

Яго.

Ну, что жъ - и то не дурно; но всему
Своя пора. Однако, удалитесь!

(Отелло отходитъ).

Я съ Кассіо заговорю о Бьянкѣ,
Бабеночкѣ, которая себѣ
И платья всѣ, и пищу добываетъ
Продажею всѣхъ прелестей своихъ.
Отъ Кассіо безъ памяти она;
Ужъ такова развратницъ этихъ кара:
Всѣхъ надувать, однимъ надутой быть.
А Кассіо отъ смѣху помираетъ,
Когда о ней съ нимъ говорятъ. Вотъ онъ!

Входитъ Кассіо.

Яго (въ сторону).

Одна его улыбка - и Отелло

338

Сойдетъ съ ума. Его слѣпая ревность
Значеніе дурное вмигъ придастъ
Движеніямъ и взглядамъ, и улыбка
Бѣдняги Кассіо. *(Кассіо)*. Ну, лейтенантъ,
Что, какъ дѣла идутъ?

Кассіо.

Нехорошо,
Тѣмъ болѣе, что ты даешь мнѣ титулъ,
Котораго потерей я убить.

Яго.

Просите хорошенько Дездемону -
И можно вамъ ручаться за успѣхъ.
(Понижая голосъ).

Вотъ если бѣ то зависѣло отъ Бьянки,
Вы скоро бы успѣли.

Кассіо.

Просто смѣхъ,
Какъ вздумаю объ этой бѣдной твари.

Отелло (*въ сторону*).

Смѣется онъ! Да, да, уже смѣется!

Яго.

Я женщины не знаю ни одной,
Которая любила бѣ такъ мужчину.

Кассіо.

Бѣдняжка! Вижу - въ самомъ дѣлѣ, любить
Она меня.

Отелло (*въ сторону*).

Отнѣкиваться сталъ

И на губахъ улыбка!

Яго.

Васъ хочу я

Спросить...

Отелло (*въ сторону*).

Теперь его наводитъ онъ
На исповѣдь. Такъ, Яго, славно, славно!

Яго.

Слухъ Бьянкою распущенъ, что на ней
Вы женитесь. Скажите, въ самомъ дѣлѣ
Рѣшились вы на это?

Кассіо.

Ха-ха-ха!

Отелло (*въ сторону*). Ты торжествуешь, римлянинъ, ты торжествуешь!

Кассіо. Я женюсь на ней - на публичной женщинѣ? Сжался, пожалуйста,
хоть немного надъ моимъ разсудкомъ: не считай его такимъ нездоровымъ. Ха-ха-
ха!

Отелло (*въ сторону*). Такъ, такъ, такъ! Выигрывающіе всегда смѣются.

Яго. Право, ходитъ молва, что вы женитесь на ней.

Кассіо. Да неужели ты говоришь правду?

Яго. Будь я отъявленный мерзавецъ, если лгу.

Отелло (*въ сторону*). Со мной ужъ ты покончилъ. Хорошо.

Кассіо. Это она сама, глупая обезьяна, распускает слухъ. Она увѣрена, что я женюсь на ней, просто вслѣдствіе своей любви и тщеславія, а не потому что я обѣщаль.

Отелло (*въ сторону*). Яго дѣлаетъ мнѣ знакъ: верно, онъ начинаетъ разсказъ.

Кассіо. Она недавно приходила сюда - вездѣ найдетъ: просто надоѣла! На дняхъ я разговаривалъ на набережной съ нѣсколькими венеціанцами, вдругъ приходитъ эта сумасшедшая и бросается ко мнѣ на шею.

Отелло (*въ сторону*). Съ крикомъ: "о дорогой Кассіо!" Это видно изъ его жестовъ.

Кассіо. Повисла на шеѣ, и лѣзетъ съ поцѣлуями, и плачетъ надо мною, и тащитъ меня, и тормозитъ... Ха-ха-ха!

Отелло (*въ сторону*). Теперь онъ разсказываетъ, какъ она тащила его въ мою комнату. О, я вижу твой носъ, но не вижу собаки, которой я брошу его.

Кассіо. Нѣтъ, надо непременно разойтись съ ней.

Яго. Вотъ и она идетъ сюда.

Входитъ Бьянка.

Кассіо. Эта женщина точно хорекъ, только хорекъ раздушенный. Чего, скажи, ты преслѣдуешь меня?

Бьянка.

Пусть тебя преслѣдуетъ дьяволъ съ своей мачихой! Что значить этотъ платокъ, который ты далъ мнѣ? Я очень глупо сдѣлала, что взяла его. Захотѣлъ, чтобъ я вышила ему такой же точно, и разсказываетъ, что онъ нашелъ его въ своей комнатѣ, не зная, кто оставилъ его тамъ. Это подарокъ другой какой-нибудь любовницы, а мнѣ приходится вышивать по немъ? Возьми, отдай его своей куклѣ! Откуда бы ты ни досталъ его, я не хочу вышивать по немъ.

Кассіо. Что ты, моя милая Бьянка? Что ты?

Отелло (*въ сторону*). Клянусь Небомъ, это долженъ быть мой платокъ.

Бьянка. Если хочешь сегодня притти ко мнѣ ужинать - можешь; не хочешь - приходи, когда будешь расположенъ. (*Уходитъ*).

Яго. За нею, за нею!

339

Кассіо. Да и въ самомъ дѣлѣ, надо итти: она станетъ ругаться на улицѣ.

Яго. А вы будете у ней ужинать?

Кассіо. Да, полагаю.

Яго. Хорошо. Я, можетъ быть, тоже приду: мнѣ очень нужно бы еще поговорить съ вами.

Кассіо. Пожалуйста, приходи. Придешь?

Яго. Хорошо; ступайте. (*Кассіо уходитъ*).

Отелло. Какъ мнѣ умертвить его, Яго?

Яго. Замѣтили вы, какъ онъ хохоталъ надъ своими низостями?

Отелло. О, Яго!

Яго. А платокъ видѣли?

Отелло. Это былъ мой платокъ?

Яго. Вашъ, клянусь этой рукой. И видите, какъ онъ цѣнитъ эту безразсудную женщину - вашу жену. Она подарила ему, а онъ отдалъ этой потаскушкѣ.

Отелло. Мнѣ хотѣлось бы убивать его девять лѣтъ сряду! Славная женщина! дорогая женщина! милая женщина!

Яго. Ну, забудьте это.

Отелло. О, пусть же она пропадетъ, пусть сгніетъ, пусть станетъ добычею ада сегодня же ночью! Не жить ей на свѣтѣ - нѣтъ. Сердце мое превратилось въ камень; я ударилъ по немъ и сильно зашибъ руку. О, въ мірѣ не было еще созданія прелестнѣе ея! Она могла бы лежать рядомъ съ императоромъ и давать ему приказанія.

Яго. Да вамъ-то что изъ этого?

Отелло. Повѣсите ее! Я только говорю, что она такое: отлично вышиваетъ, удивительная музыкантша; пѣніемъ своимъ она бы вырвала свирѣпость изъ медвѣдя. Такой высокій и совершенный умъ, такое остроуміе!..

Яго. Тѣмъ хуже для нея.

Отелло. О, въ тысячу, въ тысячу разъ хуже! И потомъ - какъ она любезна!

Яго. Да, слишкомъ любезна!

Отелло. Такъ, ты правъ; но все-таки жаль, Яго. О, Яго! жаль, страшно жаль, Яго!

Яго. Ну, если вамъ такъ нравятся ея пороки - дайте имъ полный просторъ: ужъ если они не трогаютъ васъ, такъ, конечно, никому другому нѣтъ дѣла до нихъ.

Отелло. Я изрублю ее на куски... Украсить меня рогами!

Яго. Да, это гнусно съ ея стороны.

Отелло. И взять для этого въ сообщники моего подчиненнаго!

Яго. Это еще гнуснѣе!

Отелло. Доставь мнѣ яду, Яго, и сегодня же ночью! Я не стану объясняться съ ней, чтобы ея прелести не поколебали моей рѣшимости... Сегодня же ночью, Яго.

Яго. Не умерщвляйте ее ядомъ; задушить ее на постели, той самой постели, которую она опозорила.

Отелло. Славно, славно! Мнѣ нравится справедливость этого наказанія. Отлично!

Яго. А что касается Кассіо, предоставьте его мнѣ. Вы услышите дальнѣйшее сегодня въ полночь.

Отелло. Превосходно! (*За сценой трубы*). Что это за звуки?

Яго. Вѣроятно, кто нибудь изъ Венеціи. А, это Лодовико, посланный отъ дожа. Жена ваша идетъ сюда съ нимъ.

Входятъ Лодовико, Дездемона и свита.

Лодовико.

Привѣтъ мой вамъ, храбрѣйшій генераль.

Отелло.
И васъ, синьоръ, привѣтствую всѣмъ сердцемъ.
Лодовико.
Свѣтлѣйшій дожъ и члены всѣ сената
Вамъ шлютъ поклонъ. (*Подаетъ пакетъ*).
Отелло.
Цѣлую отъ души
Посредника ихъ воли и желаній!
(*Открываетъ пакетъ и читаетъ*).
Дездемона.
Что новаго, мой милый Лодовико?
Яго.
Я очень радъ, что вижу васъ, синьоръ.
Съ прїѣздомъ васъ привѣтствую.
Лодовико.
Спасибо!
А Кассіо? гдѣ онъ? какъ поживаетъ?
Яго.
Живетъ, синьоръ.
Дездемона.
У мужа моего
Съ нимъ вышли непрїятности большія,
Но, вѣрно, ты уладишь это все.
Отелло.
Ты думаешь?
Дездемона.
Что, другъ мой?
Отелло (*читаетъ*).
"Постарайтесь
Исполнить то, когда хотите вы..."

340

Лодовико.
Онъ не къ тебѣ, кузина, обращался:
Онъ занятъ весь письмомъ. Такъ генераль
И Кассіо поссорились?
Дездемона.
Къ несчастью.
Я все дала бѣ, чтобъ помирить ихъ снова:
Вѣдь, Кассіо я отъ души люблю.
Отелло.
Огонь и адъ!
Дездемона.

Мой другъ?

Отелло.

Въ умѣ ли ты?

Дездемона.

Онъ сердится?

Лодовико.

Разстроило, быть можетъ,

Его письмо? Мнѣ кажется, что въ немъ

Приказъ ему въ Венецію вернуться

И Кассіо сдать должности свои.

Дездемона.

Ахъ, этому я очень рада!

Отелло.

Право?

Дездемона.

Мой другъ...

Отелло.

Я радъ, что ты съ ума сошла.

Дездемона.

Отелло мой, что это значить?

Отелло (*ударяя ее сверткомъ*).

Дьяволъ!

Дездемона.

Чѣмъ заслужить могла я?

Лодовико.

Генераль,

Вотъ этому никто бы не повѣрилъ

Въ Венеціи, хотя бы я клялся,

Что видѣлъ самъ. Синьоръ, ужъ это слишкомъ!

Просите же прощенія у ней:

Она въ слезахъ.

Отелло.

О, дьяволъ, дьяволъ, дьяволъ!

Когда бъ земля беременѣть могла

Отъ женскихъ слезъ, то каждая слезинка

Рождала бы навѣрно, крокодила.

Прочь съ глазъ моихъ!

Дездемона.

Чтобъ не сердить васъ больше,

Я ухожу. (*Идетъ*).

Лодовико.

Покорное созданье!

Ахъ, генераль, молю васъ, воротите

Ее сюда!

Отелло.

Синьора!

Дездемона.

Что, мой другъ?

Отелло (*къ Лодовико*).

Ну, вотъ она. Что вы сказать хотѣли?

Лодовико.

Кто? я, синьоръ?

Отелло.

Ну да, желали вы,

Чтобъ воротилъ ее я къ вамъ. О, можетъ

Она итти и возвращаться вновь,

И вновь итти, и снова возвращаться,

И плакать - да, и плакать. О, синьоръ,

Покорное она - какъ вы сказали -

Покорное созданье! Плачь, плачь!

Чтожъ до того, синьоръ... О, какъ искусна

Ея печаль!.. Что до того письма,

Въ которомъ мнѣ приказъ домой вернуться...

(*Дездемонъ*).

Ступай - пришлю я послѣ за тобой!

(*Лодовико*). Исполню я велѣніе сената

И возвращусь въ Венецію!

(*Дездемонъ*). Прочь! вонъ!

(*Дездемона уходитъ*).

Я Кассіо сдамъ должность, а сегодня

Я васъ прошу отужинать со мною.

Я очень радъ васъ видѣть здѣсь, синьоръ,

Душевно радъ. Козлы и обезьяны! (*Уходитъ*).

Лодовико.

И это вотъ тотъ благородный мавръ,

Котораго сенатъ нашъ называетъ

Всѣхъ совершенствъ полнѣйшимъ образцомъ?

И это вотъ тотъ благородный духъ,

Котораго не могутъ тронуть страсти;

Та твердая и честная душа,

Куда пройти не можетъ, уязвляя,

Стрѣла судьбы иль случая ударъ?

Онъ далеко не тотъ, что былъ.

Лодовико.

Здоровъ ли
Онъ головой? Не повреждень ли мозгъ?

Яго.

Онъ то, что́ есть. Я осуждать не смѣю
И лишь могу молиться, чтобъ онъ былъ
Тѣмъ, чѣмъ бы могъ онъ быть.

Лодовико.

Жену ударить -
Ну, можно ли?

Яго.

Да, это, признаюсь,
Нехорошо. Но я желалъ бы, право,
Чтобъ хуже онъ не дѣлалъ ничего.

Лодовико.

Что, онъ всегда такъ поступаетъ, или
Мое письмо въ немъ взволновало кровь
И довело до перваго проступка?

Яго.

Увы, увy, не честно было бъ мнѣ
Разсказывать, что видѣлъ я и знаю!
Увидите! Его поступки все
Вамъ объяснять и безъ моихъ разсказовъ:
Вы можете слѣдить и замѣчать.

Лодовико.

Какъ больно мнѣ, что въ немъ я такъ ошибся.
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Отелло и Эмилія.

Отелло.

Такъ ничего не видѣла ты?

Эмилія.

Нѣтъ,

И ничего не слышала; мнѣ даже

Подозрѣвать не привелось!

Отелло.

Однако

Ты Кассіо встрѣчала вмѣстѣ съ ней?

Эмилиа.

Встрѣчала, да, но ничего дурного

Не видѣла, хоть каждый слогъ ихъ рѣчи

Я слышала.

Отелло.

Какъ, неужель они

Между собой ни разу не шептались?

Эмилиа.

Нѣтъ, никогда.

Отелло.

И отъ себя ни разу

Тебя не отсылали?

Эмилиа.

Никогда.

Отелло.

Какъ будто бы за вѣромъ, за маской...

Эмилиа.

Нѣтъ, генераль, ни разу.

Отелло.

Непонятно!

Эмилиа.

Въ томъ, что она невинна, я готова

Душой своей ручаться; если жъ вы

Другого мнѣнья - измѣните мысли:

Онѣ мутятъ напрасно ваше сердце.

Когда внушилъ сомнѣнье это вамъ

Какой-нибудь бездѣльникъ, пусть его

Постигнетъ то проклятіе, что́ Небо

На змѣя-искусителя послало!

Ужъ ежели она не безпорочна,

И не вѣрна, и нечиста душой,

Такъ нѣтъ мужей счастливыхъ въ этомъ мірѣ:

Чистѣйшая изъ женъ тогда гнусна,

Какъ клевета.

Отелло.

Зови ее ко мнѣ, *(Эмилиа уходитъ)*.

Въ защиту ей она сказала много.

Да, вѣдь, и то - она простая сводня,

Такъ говорить умѣетъ хорошо.

О, хитрое, лукавое творенье,

Замокъ и ключъ гнуснѣйшихъ самыхъ тайнъ!

А тоже, вѣдь, колѣни преклоняетъ

И молится - я это видѣлъ самъ!

Входятъ Дездемона съ Эмилией.

Дездемона.

Что хочеть мой любезный повелитель?

Отелло.

Поди сюда, голубка.

Дездемона.

Что такое?

342

Отелло.

Дай мнѣ взглянуть въ глаза твои. Смотри

Въ мое лицо.

Дездемона.

Что значить эта прихоть?

Отелло (*Эмилии*).

А ты ступай къ занятіямъ своимъ.

Любовниковъ наединѣ оставьте,

Заприте дверь. Чуть будетъ кто итти,

Ты знакъ подай намъ кашлемъ или крикомъ:

Въ такихъ дѣлахъ ты свѣдуца. Ну, прочь!

(Эмилиа уходитъ).

Дездемона.

О, растолкуй, молю я на колѣняхъ,

Къ чему ведетъ, что значить рѣчь твоя?

Въ твоихъ словахъ я только вижу ярость,

Но темень мнѣ смыслъ этихъ самыхъ словъ.

Отелло.

Скажи, кто ты?

Дездемона.

Твоя, мой повелитель,

Покорная и вѣрная жена.

Отелло.

Клянись же въ томъ: сама себя ты аду

Отдай теперь, а то, вѣдь, даже черти,

Взглянувъ въ твое небесное лицо,

Тебя схватить, пожалуй, побоятся.

Такъ осуди сама себя вдвойнѣ.

Клянись, что ты вѣрна мнѣ.

Дездемона.

Богъ свидѣтель!

Отелло.

Свидѣтель Онъ, что ты, какъ адъ коварна.

Дездемона.

Противъ кого и въ чемъ? Кто мой сообщникъ?

Отелло.

О, Дездемона, прочь, прочь, прочь!

Дездемона.

Увы!

Ужасный день! О чемъ, скажи, ты плачешь?

Ужели я причина этихъ слезъ?

Ты думаешь, быть можетъ, что отецъ мой

Виной тому, что вызвали тебя

Въ Венецію; но я невинна въ этомъ.

Отелло.

О, если бы угодно было Небу

Тяжелыя послать мнѣ испытанья,

На голову открытую мою

Полить дождемъ печали, посрамленья,

Зарыть меня по губы въ нищету,

Сковать меня и всѣ мои надежды -

Я бы нашелъ въ сердечномъ уголкѣ

Терпѣнія хоть каплю; но чтобъ сдѣлать

Недвижною статуею меня,

Чтобъ на нее указывало пальцемъ

Лѣнивое, холодное презрѣнье -

Да, нѣтъ, и то я снесъ бы безъ труда.

Но здѣсь, гдѣ то, въ чемъ заключилъ я душу,

Гдѣ жизнь моя и безъ чего мнѣ - смерть;

Здѣсь, гдѣ фонтанъ, откуда жизнь струится

И безъ чего изсякнуть должно ей -

Гдѣ это все уходитъ вдругъ навѣки,

Иль лужею становится, затѣмъ

Чтобъ мерзкіе въ ней гады разводились -

О, тутъ свой видъ ты измѣняй, терпѣнье,

Ты молодой, румяный херувимъ,

И въ адскую наружность облекися!

Дездемона.

Я все-таки надѣюсь, что увѣренъ

Ты въ чистотѣ моей.

Отелло.

О, да, конечно,

Какъ въ чистотѣ грѣхъ мухъ мясныхъ рядовъ,
Что въ мерзости роятся отъ рожденья!
О, зелье, одуряющее чувства
Плѣнительнымъ такимъ благоуханьемъ,
Чудесною такою красотой...
Ужъ лучше бы ты не рождалась вовсе!

Дездемона.

Но въ чемъ же мой, невѣдомый мнѣ, грѣхъ?

Отелло.

Въ чемъ грѣхъ? Ужли жъ затѣмъ создали эту
Прекрасную бумагу, эту книгу
Чудесную, чтобъ написать на ней:
"Презрѣнная блудница!" Въ чемъ твой грѣхъ?
О, собственность общественная! Если бъ
Твои дѣла рассказывать я вздумалъ,
Лицо мое плавающей печью стало бъ
И въ пепелъ бы вся скромность обратилась.
Въ чемъ грѣхъ? въ чемъ грѣхъ? Да знаешь ли, что Небо
Отъ дѣлъ твоихъ носъ зажимаетъ свой,
И мѣсяцъ жмурится, и наглый вѣтеръ,
Цѣлующій все встрѣчное - и тотъ
Въ подземныя скрывается пещеры,
Чтобъ дѣла твоихъ негодныхъ не слышать?
Безстыдная блудница!

343

Дездемона.

Видитъ Богъ,

Что ты меня напрасно оскорбляешь.

Отелло.

Не потаскушка ты?

Дездемона.

Чиста я - это вѣрно,
Какъ вѣрно то, что христіанка я!
Когда себя оберегать для мужа
Отъ рукъ чужихъ, объятій незаконныхъ,
Не быть блудницей значить - не блудница
Твоя жена.

Отелло.

Ты - не блудница? ты?

Дездемона.

Нѣтъ, нѣтъ, клянусь души моей спасеньемъ!

Отелло.

Возможно ли?

Дездемона.

О, Господи, помилуй!

Отелло.

Ну, извини; а я тебя считалъ
Венеціанской хитрою дѣвчонкой,
Успѣвшей за Отелло выгнати замужъ.

Входитъ Эмилиа.

Отелло.

Ну, милая привратница въ аду,
Мы кончили. На вотъ тебѣ за трудъ.
Открой мнѣ дверь и сохрани все въ тайнѣ.

344

(Уходитъ).

Эмилиа.

Ахъ, Боже мой! что это случилось съ нимъ?
Что вздумалъ онъ? Сударыня, что съ вами?
Что, добрая синьора?

Дездемона.

Право, я

Какъ въ полуснѣ.

Эмилиа.

Да что съ нимъ приключилось?

Дездемона.

Съ кѣмъ?

Эмилиа.

Съ кемъ? Да съ нимъ, понятно: съ господиномъ
Моимъ.

Дездемона.

Твоимъ? А кто твой господинъ?

Эмилиа.

Тотъ, кто и вашъ. О, добрая синьора:
Супругъ вашъ.

Дездемона.

Нѣтъ супруга у меня!

Не говори, Эмилиа, со мною:
Я отвѣчать могла бы лишь слезами,
Но не могу я плакать. Постели
Мнѣ брачныя сегодня простыни
Да не забудь, смотри! И попроси

Ты мужа своего сейчас сюда.

Эмилиа.

Ну, новости, признаться! (*Уходитъ*).

Дездемона.

Такъ поступить - такъ поступить со мной!

И чѣмъ могла подать я мужу поводъ

Жестоко такъ подозрѣвать меня?

Входятъ Эмилиа съ Яго.

Яго.

Что приказать угодно вамъ, синьора?

Что сдѣлалось?

Дездемона.

Не знаю, какъ сказать.

Тотъ, кто дѣтей учить берется, долженъ

Къ нимъ снисходить, наказывать легко.

Такъ и ему меня довольно было бъ

Лишь побранить: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, я

Еще дитя.

Яго.

Да что же тутъ случилось?

Эмилиа.

Ахъ, Яго, такъ синьору оскорбилъ

Нашъ генераль, такими онъ осыпалъ

Постыдными названьями ее,

Какихъ не снести порядочному сердцу.

Дездемона.

Достойна ль я, скажи, такихъ именъ?

Яго.

Какихъ именъ, почтенная синьора?

Дездемона.

Какія мужъ сейчасъ мнѣ надавалъ.

Эмилиа.

Ее назвалъ онъ просто потаскушкой.

Да словъ такихъ не станетъ говорить

Любовницѣ своей и пьяный нищій.

Яго.

За что же онъ?

Дездемона.

Не знаю; знаю только,

Что я не то, чѣмъ онъ назвалъ меня.

Яго.

Ну, полноте, не плачьте, перестаньте!
Ахъ, что за день!

Эмилиа.

Неужли для того
Она такимъ почетнымъ отказала
Искательствамъ? неужли для того
Оставила отца, друзей, отчизну,
Чтобъ имя потаскушки слышать здѣсь?
Тутъ всякій бы заплакалъ поневолю.
Дездемона.
Таковъ ужъ мой несчастнѣйшій удѣлъ!

Яго.

Будь проклятъ онъ за это! Какъ такое
Безуміе напало на него?

Дездемона.

То знаетъ Богъ!

Эмилиа.

Я дамъ себя повѣсить,
Коль клеветы такой не распустилъ,
Съ желаніемъ добыть себѣ мѣстечко,
Какой-нибудь презрѣнный негодяй,
Какой-нибудь бездѣльникъ, подлипало,
Какой-нибудь подлѣйшій, льстивый рабъ!
Да, это такъ, иль пусть меня повѣсятъ!

Яго.

Фи, да такихъ людей на свѣтѣ нѣтъ!
Не можетъ быть!

345

Дездемона.

А если есть такіе -
Прости имъ Богъ!

Эмилиа.

Нѣтъ! висѣлица пусть
Проститъ! пусть адъ его всѣ кости сложетъ!
Ну, изъ чего мужъ обругалъ ее
Развратницей? Да развѣ кто за нею
Ухаживалъ? и гдѣ? и какъ? когда?
Нѣтъ, вѣрно, мавръ обманутъ негодяемъ,
Бездѣльникомъ, мерзавцемъ, подлецомъ...
О, если бы угодно было Небу
Разоблачать подобныхъ молодцовъ

И плетъ влагать во всѣ честныя руки,
Чтобъ, обнаживъ мерзавцевъ этихъ, гнать
Черезъ цѣлый мѣръ, отъ запада къ востоку!

Яго.

Да говори потише.

Эмилиа.

Проклятъ будь
Тотъ клеветникъ! И ты такимъ мерзавцемъ
Когда-то былъ сбить съ толку и меня
Сталъ ревновать къ Отелло.

Яго.

Ты рехнулась,
Мнѣ кажется. Ну, полно, перестань!

Дездемона.

Что дѣлать мнѣ, скажи, мой добрый Яго,
Чтобъ мужа вновь съ собою примирить?
О, добрый другъ, сходи къ нему! Свидѣтель
Небесный свѣтъ, что неизвѣстно мнѣ,
За что любовь его я потеряла.
Клянуся всѣмъ, колѣни преклонивъ:
Когда любовь его я оскорбила
Хоть разъ одинъ иль мыслью, или дѣломъ;
Когда мой взоръ, мой слухъ, другое чувство
Плѣнялися хоть кѣмъ-нибудь другимъ;
Когда его я не люблю всѣмъ сердцемъ,
Какъ и любила прежде, какъ и буду
Всегда любить, хотя бы онъ разводомъ
Отвергъ меня – о, пусть тогда покой
Разстанется навѣкъ съ моей душою!
Всесилень гнѣвъ; его же гнѣвъ способенъ
Взять жизнь мою, но не отнять любовь!
Развратница! Мнѣ тяжело повторять
Названіе такое. Это слово
Противно мнѣ. Да всѣхъ бы благъ мірскихъ
Я не взяла, чтобы на то рѣшиться,
За что даютъ названье это намъ.

Яго.

Я васъ прошу, синьора, успокойтесь:
Вѣдь, это въ немъ минутный только гнѣвъ.
Разстроень онъ дѣлами государства
И вымѣстилъ досаду всю на васъ.

Дездемона.

О, если бь такъ!

Яго.

Я въ этомъ вамъ ручаюсь. *(Трубы).*

Но слышите? То къ ужину зовутъ:

Вась ждуть послы Венеціи. Не плачьте,

Идите къ нимъ. Все будетъ хорошо!

(Дездемона и Эмилиа уходятъ).

Входитъ Родриго.

Яго. Ну что, Родриго?

Родриго. Мнѣ кажется, что ты нечестно поступаешь со мною.

Яго. Это отчего?

Родриго. Да ты каждый день выдумываешь мнѣ какую-нибудь новую увертку и, какъ мнѣ кажется, болѣе отдаляешь отъ меня всякую надежду, чѣмъ приближаешь меня къ цѣли моихъ желаній. Право, я долѣе не могу терпѣть, да и не знаю, простить ли тебя за то, что я уже, по глупости своей, перенесъ?

Яго. Выслушай меня, Родриго.

Родриго. Много я слушалъ уже: между твоими словами и исполненіемъ нѣтъ ничего родственнаго.

Яго. Ты совершенно несправедливо обвиняешь меня.

Родриго. Обвиняю очень основательно. Я истратилъ все мое состояніе. Даже половина брилльянтовъ, которые я передавалъ тебѣ для Дездемоны, соблазнила бы и весталку. Ты сказалъ мнѣ, что она приняла ихъ, и надавалъ обѣщаній на скорую взаимность съ ея стороны, но до сихъ поръ я ничего не вижу.

Яго. Хорошо, хорошо, продолжай!

Родриго. Хорошо, продолжай! Я не могу продолжать, да это и не хорошо. Клянусь этой рукой, ты поступаешь гадко, и я начинаю убѣждаться, что ты надуваешь меня.

Яго. Очень хорошо.

Родриго. Говорю тебѣ, что совсемъ нехорошо. Я самъ объяснюсь съ Дездемоной: если она возвратитъ мнѣ мои брилльянты, я откажусь отъ ухаживанья и раскаюсь въ моихъ противозаконныхъ исканіяхъ; въ противномъ же случаѣ, будь увѣренъ, я потребую удовлетворенія отъ тебя.

346

Яго. Ты кончилъ?

Родриго. Да, и не сказалъ ничего такого, чего твердо не рѣшился сдѣлать.

Яго. Ну, теперь я вижу, что у тебя есть характеръ, и съ этой минуты начинаю имѣть о тебѣ лучшѣе мнѣніе, чѣмъ имѣлъ до сихъ поръ. Дай мнѣ руку, Родриго. Ты совершенно справедливо усумнился во мнѣ, но все-таки, клянусь я честно дѣйствовалъ въ твоемъ дѣлѣ.

Родриго. Это незамѣтно.

Яго. Да, дѣйствительно незамѣтно, и твое сомнѣніе не безъ основанія. Но, Родриго, если въ тебѣ есть дѣйствительно то, что я надѣюсь найти въ тебѣ теперь гораздо больше, чѣмъ прежде, то есть рѣшимость, мужество и храбрость, то докажи это сегодня же ночью. И если въ слѣдующую ночь за этимъ Дездемона не будетъ принадлежать тебѣ - сживай меня со свѣту измѣннически и выдумывай для меня какія хочешь пытки.

Родриго. Но въ чемъ же дѣло? Благоразумно ли, удобоисполнимо ли оно?

Яго. Изъ Венеціи получено предписаніе, чтобы Кассіо занялъ мѣсто Отелло.

Родриго. Будто? Стало-быть, Отелло и Дездемона возвратятся въ Венецію?

Яго. О, нѣтъ! Онъ ѣдетъ въ Мавританію и увозитъ съ собою прекрасную Дездемону, если только его пребываніе здѣсь не задержится чѣмъ нибудь особеннымъ, а этого нельзя ничѣмъ устроить такъ хорошо, какъ удаленіемъ Кассіо.

Родриго. Какъ же ты думаешь удалить его?

Яго. Да сдѣлавъ его неспособнымъ занять мѣсто Отелло: размозживъ ему голову.

Родриго. И ты хочешь, чтобы это я сдѣлалъ?

Яго. Да, если ты рѣшишься похлопотать о своей пользѣ и отомстить за себя. Сегодня онъ ужинаетъ у своей любовницы, и я тоже отправлюсь туда. Онъ не знаетъ еще о своемъ почетномъ назначеніи. Если ты хочешь постеречь его при возвращеніи оттуда - а я устрою такъ, что это будетъ между двѣнадцатью и часомъ - то можешь, какъ угодно, распорядиться съ нимъ. Я буду по близости, чтобы помочь тебѣ, и онъ будетъ имѣть дѣло съ нами обоими. Ну, чему ты такъ изумляешься? Пойдемъ со мною; дорогою я такъ хорошо докажу тебѣ необходимость его смерти, что ты почтешь себя обязаннымъ сдѣлать это дѣло. Часъ ужина наступилъ, и ночь быстро приближается. Къ дѣлу!

Родриго. Мнѣ бы хотѣлось, однако, чтобы ты представилъ мнѣ еще нѣкоторыя побудительныя причины этого убійства.

Яго. И я исполню твое желаніе.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ Отелло, Лодовико, Дездемона, Эмилиа и свита.

Лодовико. Генераль, умоляю васъ не беспокоиться провожать меня.

Отелло.

О, ничего! напротивъ, прогуляться

Полезно мнѣ.

Лодовико.

Синьора, доброй ночи.

Отъ всей души благодарю я васъ.

Дездемона.

Синьоръ, мы вамъ всегда душевно рады.

Отелло.

Ну, что жъ, идемъ, синьоръ? О, Дездемона!

Дездемона.

Мой другъ?

Отелло. Ступай сейчасъ же спать; я скоро возвращусь; да отпусти свою горничную - не забудь.

Дездемона. Хорошо, мой другъ.

(Отелло, Лодовико и свита уходятъ).

Эмилія.

Ну, что, какъ онъ? Мнѣ кажется, смягчился.

Дездемона.

Вернуться онъ сейчасъ же обѣщалъ.

Велѣлъ въ постель скорѣ мнѣ ложиться

И отпустить просилъ тебя.

Эмилія.

Меня!

Дездемона.

Да, таково его желанье было.

Ну, добрая Эмилія моя,

Ночное платье дай - и до свиданья.

Не должно намъ теперь сердить его.

Эмилія.

Ахъ, лучше бы вы съ нимъ и не встрѣчались!

347

Дездемона.

Нѣтъ, этого не пожелала бъ я.

Я пылко такъ люблю его, что даже

И гнѣвъ его, и злоба, и упреки...

Тутъ отстегни... все для моей души

Плѣнительно и мило.

Эмилія.

Положила

Тѣ самыя я простыни вамъ, о которыхъ

Недавно вы просили.

Дездемона.

Хорошо.

О, Боже мой, какъ глупы мы бываемъ!

Эмилія, прошу тебя, когда

Я до тебя умру, изъ этихъ ты простынь

Мнѣ саванъ сшей.

Эмилиа.

Ну, что вы! полно, полно!

Дездемона.

У матери моей жила служанка -
Барбарою звалась она; у ней
Любовникъ былъ; но измѣнилъ и бросилъ
Бѣдняжку онъ. Я помню, у нея
Была тогда обѣ ивѣ пѣсня - пѣсня
Старинная, но скорбь ея души
Прекрасно выражавшая. Бѣдняжка
И умерла съ той пѣснью на устахъ.
И у меня сегодня эта пѣсня
Изъ головы весь вечеръ не выходитъ:
Все хочется, какъ бѣдная Барбара,
Пропѣть ее... Пожалуйста, скорѣе!

Эмилиа.

Что? принести ночное платье?

Дездемона.

Нѣтъ.

Здѣсь отстегни... А этотъ Лодовико
Хорошъ собой.

Эмилиа.

Красавецъ, просто, онъ.

Дездемона.

И говорить умѣть какъ отлично!

Эмилиа. Я знаю въ Венеціи одну женщину, которая босикомъ сходила бы
въ Палестину за одинъ поцѣлуй его.

Дездемона (*поетъ*).

Бѣдняжка сидела въ тени сикоморы, вздыхая -

О, пойте зеленую иву!

Склонившись къ колѣнамъ головкой, грудь ручкой сжимая -

О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!

Ручьи тамъ бежали и стоны ея повторяли -

О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!

А горькія слезы и жесткія камни смягчали.

Убери это...

О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!

Прощу тебя, уйди: онъ сейчасъ придетъ.

О, пойте зеленую иву, что будетъ вѣнкомъ для меня!

Его не браните, его обвинять не хочу я...

Нѣтъ, это что-то не такъ. Слышишь, Эмилиа, кто-то стучитъ?

Эмилиа. Это вѣтеръ.

Дездемона (*поетъ*).

Я другу сказала: "измѣнникъ!" И что же онъ мнѣ отвѣчалъ?

О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!

"Люблю я всѣхъ женщинъ - люби ты мужчинъ", онъ сказалъ.

Теперь итти ты можешь. Доброй ночи!

Какъ чешутся глаза мои! Неправда ль,

То признакъ слезъ?

Эмилиа.

Да что вы? никогда!

Дездемона.

Такъ я не разъ слыхала. О, мужчины,

Мужчины! Что, Эмилиа, скажи

По совѣсти, неужли въ самомъ дѣлѣ

Есть женщины, способныя мужей

Обманывать такъ низко?

Эмилиа.

Безъ сомнѣнья,

Немало ихъ.

Дездемона.

А ты такъ поступить

Рѣшилась бы, когда бъ тебѣ давали

Хоть цѣлый міръ?

Эмилиа.

А вы бы развѣ нѣтъ?

Дездемона.

Нѣтъ, никогда, клянусь небеснымъ свѣтомъ!

Эмилиа.

Да вѣдь и я при свѣтѣ - ни за что.

Удобнѣе все это дѣлать ночью.

Дездемона.

И сдѣлала бъ ты это, если бъ дали

Тебѣ весь міръ?

Эмилиа.

Охъ! міръ - большая вещь,

348

И дорого платить такой цѣною

За маленькій проступокъ!

Дездемона.

Нѣтъ, оставь!

Не вѣрю я, что говоришь ты правду.

Эмилиа. Клянусь честью, мнѣ кажется, что я рѣшилась бы, а потомъ бы поправила дѣло. Конечно, я бы не сдѣлала этого изъ-за пустого перстенька, изъ-за нѣсколькихъ аршинъ матеріи, изъ-за платьевъ, юбокъ, чепчиковъ или подобныхъ пустяковъ; но за цѣлый міръ? Ну, скажите, кто бы не согласился сдѣлать своего мужа рогоносцемъ, если бы это могло доставить ему, напримѣръ, царскій тронъ? Да я бѣ изъ-за этого не побоялась и чистилища.

Дездемона. Нѣтъ, я позволила бы проклясть себя, если бы даже изъ-за цѣлаго міра сѣлала такую низость.

Эмилиа. Да вѣдь, низость считается низостью только въ мірѣ; а если вы этотъ міръ получите за трудъ свой, такъ эта низость очутится въ вашемъ собственномъ мірѣ, и тогда вамъ сейчасъ же можно будетъ уничтожить ее.

Дездемона.

Нѣтъ, не хочу и вѣрить я, что въ свѣтѣ
Есть женщина такая.

Эмилиа.

Вѣрьте, есть -

И дюжины найдутся. Столько ихъ,
Что землю бы наполнить ими можно.
Убѣждена, однако, я въ одномъ,
Что ежели и согрѣшаютъ жены,
Такъ въ томъ всегда вина однихъ мужей.
Когда они свой долгъ позабываютъ,
И блага тѣ, что намъ принадлежатъ,
Даютъ другимъ; когда, вдругъ разразясь
Безумнѣйшею ревностью, стѣсненіе
Кладутъ на насъ; когда насъ бьютъ порой,
Иль наши всѣ расходы уменьшаютъ -
Такъ вѣдь, у насъ есть тоже въ сердцѣ желчь.
Хоть кротки мы, но тоже мститъ готовы.
Такъ пусть мужья то знаютъ, что и мы,
Какъ и они, имѣемъ тѣ же чувства;
Что и у женъ, какъ у господъ мужей,
Есть зрѣніе, и вкусъ, и обонянье,
Что и онѣ способны находить
Межъ горечью и сладостью различье.
Скажите, что въ нихъ дѣйствуетъ, когда
Насъ на другихъ они мѣняютъ женщинъ?
Потѣшиться желанье? - Вѣрно, такъ.
Не страсти-ли волнуютъ ихъ. - Конечно.
Не слабости ль ихъ вводятъ въ заблужденье?
Навѣрно, да. Такъ развѣ и у насъ,
Какъ у мужчинъ, нѣтъ никакихъ страстей,
Иль слабостей, иль склонностей къ забавамъ?
Такъ съ нами пусть обходятся мужья,

Какъ слѣдуетъ; иначе пусть узнають,
Что мы, грѣша, примѣры съ нихъ беремъ.
Дездемона.
Прощай, прощай! Пошли мнѣ, Господи, умѣнье
Въ злѣ находить не зло, а средство къ исправленью!
(Уходитъ).

349

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица.
Входятъ Яго и Родриго.
Яго.
Здѣсь - стань сюда за эту вотъ колонну:
Сюда придетъ онъ скоро. Обнажи
Свой добрый мечъ и дѣйствуй имъ, да только
Быстрѣй, быстрѣй. Не бойся ничего:
Я буду здѣсь, какъ можно ближе. Помни -
Тутъ выигрышъ или гибель намъ;
Такъ соберись, какъ только можешь, съ духомъ.
Родриго.
Будь близко здѣсь. Я оплошать могу.
Яго.
Не отойду. Смѣлѣй же, мечъ наружу!
(Отходитъ на небольшое разстояніе).
Родриго.
Не очень я расположенъ къ убійству,
Но доводы онъ сильные умѣлъ
Представить мнѣ. И то сказать, вѣдь, тутъ

350

Всего однимъ убудетъ человѣкомъ.
Впередъ, мой мечъ! Онъ долженъ умереть!
(Становится за колонну).
Яго.
Теперь растеръ я ранку молодую
Чуть-чуть не въ кровь; ожесточился онъ.
Что бъ ни было: онъ Кассіо убьетъ ли,
Иль Кассіо его, или другъ друга
Они убьютъ - все въ выигрышъ я.

Останется въ живыхъ Родриго - вѣрно,
Потребуешь онъ отъ меня назадъ
И деньги всѣ, и эти всѣ брилльянты,
Которые стащилъ я у него,
Какъ будто бы въ подарки Дездемонѣ;
А этого никакъ не должно быть.
Останется же Кассіо въ живыхъ -
Такъ каждый день своею свѣтлой жизнью
На жизнь мою онъ будетъ тѣнь кидать,
Да и потомъ ему, пожалуй, выдастъ
Меня самъ мавръ: тогда ужъ плохо мнѣ.
Нѣтъ, умереть онъ долженъ: такъ и будетъ.
Но вотъ и онъ. Его шаги я слышу.

Входитъ Кассіо.

Родриго.

Я узнаю походку: это онъ.

(Бросается на Кассіо).

Умри, подлецъ!

Кассіо.

Да, умеръ бы, конечно,
Отъ этого удара я, когда бъ
Мой панцырь былъ не лучше, чѣмъ ты думалъ.
Попробую теперь я панцырь твой.

(Ранитъ Родриго).

Родриго.

О, я убить!

(Яго выскакиваетъ изъ своей засады, ранитъ Кассіо въ ногу и убѣгаетъ).

Кассіо.

Я раненъ. Помогите!

Огня! огня! Разбойники, убійцы!

(Падаетъ).

Входитъ Отелло.

Отелло *(въ сторону)*.

То - голосъ Кассіо. Сдержалъ мой Яго слово!

Родриго.

О, извергъ я!

Отелло.

Такъ, такъ.

Кассіо.

О, помогите!

Огня сюда! хирурга!

Отелло.

Это онъ!

О, Яго мой, правдивый, честный, храбрый,
Такъ хорошо отмстившій за позоръ
Товарища и друга: ты учитель,
Учитель мой! Ну, крошечка, твой милый
Убить, и твой ударить скоро часъ.
Иду къ тебѣ, блудница! Чаръ твоихъ,
Твоихъ очей не знаетъ больше сердце.
Твой одръ, запятнанный преступною любовью,
Покроется сейчасъ твоей преступной кровью!
(Уходитъ).

Входятъ Лодовико и Граціано.

Кассіо. Кто нибудь! Ни дозорныхъ, ни прохожихъ.
Убійцы, убійцы!

Граціано.

Тутъ что нибудь недоброе; ты слышишь,
Какъ страшень крикъ?

Кассіо.

О, помогите!

Лодовико.

Вотъ!

Родриго.

О, негодяй!

Лодовико.

Тутъ двое или трое,
Какъ кажется. А ночь-то какъ темна!
Не западня ли это? Безразсудно,
Я думаю, итти на этотъ крикъ,
Покамѣстъ насъ не соберется больше.

Родриго.

Нѣтъ никого! Я кровью истеку!

Входитъ Яго съ факеломъ.

Лодовико. Слышите?

Граціано. Кто-то идетъ сюда въ одной рубашкѣ съ факеломъ и оружіемъ.
Яго. Кто тутъ? Что за шумъ? Кто кричалъ: «убійство»?

Лодовико.

Не знаемъ.

Яго.

Крикъ вамъ развѣ не былъ слышенъ?

Кассіо.

Сюда, сюда! на помощь, ради Бога!

351

Яго.

Вы слышите? Кто это тамъ кричить?

Граціано.

Сдается мнѣ, что лейтенантъ Отелло.

Лодовико.

И вправду онъ - храбрѣйшій человѣкъ!

Яго.

Эй, кто вы тамъ, кричащій такъ ужасно?

Кассіо.

Ты, Яго? О, я раненъ, изувѣченъ

Мерзавцами. Ахъ, помоги скорѣй!

Яго.

Вы, лейтенантъ? О, Богъ мой! Да какіе жъ

Бездѣльники?

Кассіо.

Мнѣ кажется, изъ нихъ

Одинъ лежитъ недалеко, и съ мѣста

Онъ тронуться не можетъ.

Яго.

Мошенники!

Эй, кто тамъ, эй! сюда! Мерзавцы!

На помощь мнѣ скорѣй!

Родриго.

О, помогите!

Кассіо.

Вотъ, вотъ одинъ изъ нихъ.

Яго.

А, подлый рабъ!

А, негодяй, разбойникъ!

(Закалываетъ Родриго).

Родриго.

О, проклятый,

Проклятый Яго, песь безчеловѣчный!

(Умираетъ).

Яго.

Въ потемкахъ убивать людей! Да гдѣ жъ другіе

Разбойники? А въ городѣ все тихо.

Разбой, разбой! *(Къ Лодовико и Граціано).*

Кто здѣсь? Вы что за люди?

Злодѣи вы иль добрые?

Лодовико.

Какими

Ты насъ найдешь, такими назови.

Яго.

Синьоръ Лодовико!

Лодовико.

Я, синьоръ.

Яго. Ахъ, извините, пожалуйста. Здѣсь Кассіо раненъ бездѣльниками.

Граціано.

Кассіо?

Яго.

Куда ты раненъ, братъ?

Кассіо.

Мнѣ на-двое перерубили ногу.

Яго.

Спаси, Господь! Синьоры, поспѣшите.

Перевяжу я раненую ногу

Рубашкою моею.

Входитъ Бьянка.

Бьянка.

Что случилось?

Кто здѣсь кричалъ?

Яго.

Кто здѣсь кричалъ?

Бьянка.

Мой Богъ!

О, Кассіо, мой дорогой, мой милый!

О, Кассіо! о, Кассіо ты мой!

Яго.

Прочь, блудная! Что, лейтенантъ, у васъ

Ни на кого нѣтъ подозрѣнья, кто бы

Могъ сильно такъ васъ изувѣчить?

Кассіо.

Нѣтъ.

Граціано.

Мнѣ очень жаль, что здѣсь васъ нахожу я;

Я васъ искалъ.

Яго.

Нельзя ли одолжить

Подвязку мнѣ - вотъ такъ. О, если бъ были

Носилки здѣсь, чтобъ отнести его

Покойнѣ.

Бьянка.

Смотрите: онъ слабѣтъ.

О, Кассіо! о, Кассіо!

Яго.

Синьоры,

Подозрѣвать имѣю поводъ я,
Что эта тварь участница въ разбоѣ.

(Къ Кассіо).

Терпѣніе, мой добрый другъ. Теперь
Позвольте мнѣ вашъ факель и посмотримъ,
Знакомо ль намъ лицо другого?

(Подходитъ къ Родриго).

Боже!

Мой добрый другъ, соотчикъ милый мой!
Родриго - ты ль! Да, точно онъ. О, Небо!
Родриго!

Граціано.

Какъ, венеціанецъ?

Яго.

Да.

Онъ вамъ знакомъ?

Граціано.

Знакомъ ли? Да, и очень.

Яго.

Ахъ, это вы, синьоръ? Великодушно
Простите мнѣ. Кровавый этотъ случай
Послужить мнѣ, конечно, къ оправданью
Въ небрежности.

Граціано.

Я радъ васъ видѣть здѣсь.

Яго.

Ну, Кассіо, полегче ли? Носилки!
Носилки мнѣ!

Граціано.

Родриго!

Яго.

Онъ, онъ самъ!

(Приносятъ носилки).

А, наконецъ, носилки! Ну, теперь
Вы, люди добрые, его отсюда

Несите осторожнѣе, а я
Пойду позвать хирурга генерала.
(*Бьянкъ*). А что до васъ касается, синьора,
Вы можете оставить попечение.
Но знаете ли, Кассіо, что тотъ,
Кто здѣсь лежитъ убитымъ, другъ мой лучший?
Что васъ могло поссорить?

Кассіо.

Ничего

Рѣшительно; я и не зналъ его.

Яго (*Бьянкъ*).

Ты это что такъ поблѣднѣла вдругъ?
Несите же скорѣй его отсюда.

(*Кассіо и Родриго уносятъ*).

Синьоры, я прошу васъ обождать.

(*Бьянкъ*).

Такъ отчего жъ блѣдна ты? Замѣчайте,
Какъ у нея глаза блуждаютъ. Ну,
Должно быть, мы не то еще узнаемъ.
Взгляните-ка, прошу васъ, на нее,
Да пристальнѣй, пожалуйста, взгляните!
Что, видите? О, и безъ языка
Заговорить умѣетъ преступленье!

Входитъ Эмилиа.

Эмилиа.

Что тутъ за шумъ? Что здѣсь случилось, Яго?

Яго.

Да въ темнотѣ Родриго и другіе
Бездѣльники, успѣвшіе бѣжать,
На Кассіо напали; тяжело раненъ
Нашъ Кассіо, Родриго же убить.

Эмилиа.

О, Боже мой! о, Кассіо несчастный!

Яго.

Вотъ каковы плоды распутства! Я
Прошу тебя, Эмилиа, сходи
И Кассіо спроси, гдѣ нынче ночью
Онъ ужиналъ (*Бьянкъ*). А, задрожала ты!

Бьянка.

Онъ ужиналъ сегодня у меня;
Но я дрожу совсѣмъ не отъ того.

Яго.

А, у тебя! такъ слѣдуй же за мною!

Эмилија.
Проклятая развратница!

Бьянка.
Неправда!
Такая же я честная, какъ ты,
Нанесшая мнѣ это оскорбленье.

Эмилија.
Какъ я! Ахъ ты, мерзавка!

Яго.
Ну, теперь,
Почтенные синьоры, не угодно-ль
Пойти взглянуть на перевязку ранъ
У Кассіо несчастнаго? (*Бьянкѣ*). За нами
И ты ступай; тамъ ты другую сказку
Разскажешь намъ. Эмилија, ты въ крѣпость
Бѣги скорѣй и обо всемъ, что здѣсь
Случилось, увѣдомъ генерала,
Его жену. Идемте же, синьоры. (*Въ сторону*).
О, эта ночь должна меня сгубить,
Иль цѣль мою вполнѣ осуществить!
(*Уходитъ*).

353

СЦЕНА II.

Спальная. Дездемона спитъ на постели. На столѣ горитъ свѣча.
Входитъ Отелло.

Отелло.
Вотъ, вотъ причина - вотъ причина, сердце!
Не назову я вамъ ее, о звѣзды,
Безгрѣшныя свѣтила... Вотъ причина!
Но не хочу пролить я эту кровь;
Я не хочу царапать эту кожу
Бѣлѣе снѣга, глаже изваяній
Альбастровыхъ, а умереть ей должно.
(*Снимаетъ мечъ*).

Да - умереть. Иначе и другихъ
Она еще обманетъ въ этомъ мірѣ.
Задуть свѣчу, а тамъ... Задуть свѣчу?
Когда тебя, мой огненный прислужникъ,
Я загашу, то, если въ томъ раскаюсь,
Могу опять зажечь; но загасивъ
Свѣтильникъ твой, чудесное созданье,

Прекраснѣйшій природы образецъ,
Найду ли гдѣ я пламя Прометея,
Чтобъ вновь зажечь потухшій твой огонь?
Я не могу, сорвавши розу, снова
Ей возвратить растительность! она
Должна увянуть. Такъ упьюсь же ею,
Пока она не сорвана еще. (*Цѣлуетъ ее*).
О, сладкое дыханье! Правосудье
Само бы мечъ сломало предъ тобой.
Еще, еще... О, будь такой по смерти!
А я тебя убью. Еще, послѣдній разъ!
О, сладкое и страшное лобзанье!
Я плачу! Какъ ужасны эти слезы!
Моя печаль - печаль Небесъ: она
Караетъ все, что любить... А, проснулась!..
Дездемона.

Кто здѣсь? Отелло, ты?

Отелло.

Я, Дездемона.

Дездемона.

Что жъ не идешь ложиться ты, мой другъ?

Отелло.

Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Дездемона.

Да, милый мой.

Отелло.

Когда ты за собою

Какой-нибудь припомнить можешь грѣхъ,

Котораго не отпустило Небо, -

Молись скорѣй.

Дездемона.

Что это значить, милый?

Отелло.

Ну-ну, молись; да только покороче.

Я похожу покамѣсть. Не хочу я

Тебя убить, пока ты къ смерти духомъ

Не приготовилась - нѣтъ, Боже сохрани!

Твоей души я убивать не стану.

Дездемона.

Ты говоришь о смерти?

Отелло.

Да, о смерти.

Дездемона.

О, Господи, спаси меня!

Отелло.

Аминь

Отъ всей души.

Дездемона.

"Аминь" ты произносишь -

Такъ ты меня не умертвишь?

Отелло.

Гм! гм!

Дездемона.

И все-таки ты страшенъ мнѣ, Отелло!

Ты гибеленъ, когда твои глаза

Такъ бѣгаютъ. Мнѣ нечего бояться:

Я за собой совѣмъ вины не знаю,

И все жъ боюсь - я чувствую - боюсь.

Отелло.

Подумай о грѣхахъ своихъ скорѣе.

Дездемона.

Мои грѣхи - любовь моя къ тебѣ.

Отелло.

Вотъ за нее ты и умрешь сегодня.

Дездемона.

Смерть за любовь съ природой не согласна.

Какъ страшенъ ты! Зачѣмъ кусаешь губы?

Какое-то кровавое волнение

Приводить въ дрожь все существо твое.

То страшные предвѣстники; но все же

Надѣюсь я - надѣюсь, что не мнѣ

Быть жертвой ихъ.

Отелло.

Молчи, ни слова больше!

Дездемона.

Я замолчу. Чего жъ, скажи, ты хочешь?

Отелло.

Ты Кассіо платокъ тотъ отдала,

Что подарилъ тебѣ я и который

Былъ дорогъ мнѣ?

Дездемона.

О, нѣтъ, клянусь душой

И жизнию! За Кассіо пошли,

Спроси его.

Отелло.

О, милая, страшишь,
Страшишь клятвопреступничать: вѣдь ты
Лежишь теперь на ложѣ смерти.

Дездемона.

Боже!

Но не убьешь же ты меня сейчасъ.

Отелло.

Сейчасъ. Итакъ, покайся добровольно
Въ своихъ грѣхахъ, затѣмъ, что даже клятвой,
Отъ каждого отрекшись обвиненья,
Ты ни сломить, ни измѣнить не въ силахъ
Упорное рѣшеніе мое,
И для меня - предметъ тяжелыхъ стонѡвъ.
Такъ - ты умрѣшь!

Дездемона.

Спаси меня, о, Боже!

Отелло.

Аминь.

Дездемона.

И ты, ты смилуешься также.
Я никогда тебя не оскорбляла -
Я Кассіо любила только тою
Любовію, какую Богъ велитъ
Питать ко всѣмъ на свѣтѣ. Не дарила
Я ничего ему.

Отелло.

Да Богъ свидѣтель,
Что мой платокъ я видѣлъ у него.
О, женщина коварная, ты въ камень
Мнѣ превращаешь сердце, заставляешь

355

То называть убійствомъ, что намѣренъ
Я совершить и что считалъ я жертвой!
У Кассіо платокъ я видѣлъ.

Дездемона.

Онъ

Нашелъ его - а я не отдавала.
Пошли за нимъ: пусть онъ всю правду скажетъ.

Отелло.

Ужъ онъ сказалъ.

Дездемона.

Но что же?

Отелло.

Что съ тобою

Онъ былъ въ связи.

Дездемона.

Какъ? въ незаконной?

Отелло.

Да.

Дездемона.

Онъ этого не повторить.

Отелло.

Конечно,

Затѣмъ, что ротъ ему теперь зажали.

Объ этомъ постарался честный Яго.

Дездемона.

Мой ужасъ все мнѣ объяснилъ: онъ умеръ?

Отелло.

Да если бъ каждый волосъ у него

Былъ жизнію, то волосомъ бы каждымъ

Я утолилъ мѣсть страшную мою.

Дездемона.

О, горе! онъ обмануть клеветою!

Погибла я!

Отелло.

Ага, прелюбодѣйка!

Въ моихъ глазахъ о немъ ты смѣешь плакать!

Дездемона.

Не убивай, а прогони меня!

Отелло.

Смерть, смерть блудницъ!

Дездемона.

О, убей хоть завтра;

Но эту ночь дай мнѣ прожить!

Отелло.

Напрасно!

Дездемона.

Хоть полчаса.

Отелло.

Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ отсрочка?

Дездемона.

Дай мнѣ прочесть молитву.

Отелло.

Поздно, поздно!

(*Душитъ ее*).

Эмилија (за сценой).

Синьоръ, синьоръ! Скорѣе - отоприте!

Отелло.

Что тамъ за шумъ? Жива - еще жива!

О, я жестоко, но знаю милосердье:

Я не хочу продлить твоихъ мученій.

Вотъ такъ, вотъ такъ!

Эмилија.

Синьоръ! синьоръ! скорѣй!

Отелло.

Кто тамъ?

Эмилија.

Синьоръ, должна сію минуту

Я видѣть васъ!

Отелло.

Сейчасъ. Она мертва!

Эмилија пришла, какъ видно, съ вѣстью

О Кассію. А крику было много!

Мертва: не шевельнется, какъ могила

Недвижная! Впускать иль не впускать?

Не дурно ли я сдѣлаю? Какъ будто

Опять пошевелилась. Нѣтъ, недвижна!

Какъ поступить? Когда она войдетъ,

Заговоритъ сейчасъ съ моей женою...

Моей женой, моей женой! Какой?

Нѣтъ у меня жены. О, тяжело!

О, страшный часъ! о, часъ невыносимый!

Мнѣ кажется, сейчасъ луна и солнце

Затмятся совершенно, и земля

Отъ ужаса подъ нами затрясется...

Эмилија (за сценой).

Синьоръ, синьоръ, я умоляю васъ;

Я жду! Скорѣй!

Отелло.

Я и забылъ про эту...

Войди, войди, Эмилија! Постой!

Сейчасъ! Задерну прежде пологъ.

(Идетъ и открываетъ дверь).

Отелло.

Ну, что? зачѣмъ явилась ты сюда?

Эмилиа.

О, генералъ мой добрый, тамъ случилось
Гнуснѣйшее убійство.

Отелло.

Какъ? теперь?

Эмилиа.

Да, только что.

Отелло.

Тому виною мѣсяць!

Онъ болѣе обычнаго къ землѣ
Приблизился - и люди всѣ взбѣсились.

Эмилиа.

Тамъ Кассіо убилъ венеціанца,
По имени Родриго.

Отелло.

Какъ, убить

Родриго? Ну, и Кассіо убить?

Эмилиа.

Нѣтъ, Кассіо остался живъ.

Отелло.

Остался?

О, если такъ, не свершено убійство,
И грозно мѣсть отрадная растеть!

Дездемона.

О, безъ вины убита! безъ вины!

Эмилиа.

Чей это стонъ?

Отелло.

Стонъ? гдѣ?

Эмилиа.

Помилуй Боже!

Да это стонъ синьоры! О, сюда!

На помощь мнѣ, на помощь! О, синьора,

О, милая синьора, что-нибудь

Скажите мнѣ, скажите, Дездемона!

Дездемона.

Невинною я умираю.

Эмилиа.

Кто же

Убійца вашъ?

Дездемона.

Никто... сама... Прощай!

Мой добрый мужъ... Привѣтъ ему послѣдній
Ты передай! Прости! (*Умираетъ*).

Отелло.

Кто бъ это могъ

Ее убить?

Эмилиа.

Увы! какъ знать?

Отелло.

Однако,

Слыхала ты - она сама сказала,
Что умертвилъ ее не я.

Эмилиа.

Да, правда,

Я не могу того не подтвердить.

Отелло.

Такъ лгуньею отправилась она
Въ кромѣшный адъ: я - я ее убійца!

Эмилиа.

О, если такъ, тѣмъ болѣе она
Безгрѣшный духъ, а ты - проклятый дьяволъ!

Отелло.

Она съ пути разумнаго сошла
И сдѣлалась развратницей.

Эмилиа.

Неправда!

Ты на нее клеветешь - дьяволъ ты!

Отелло.

Она была коварна, какъ вода.

Эмилиа.

Ты, какъ огонь, безуменъ, если можешь
Такъ говорить. О, нѣтъ, она, какъ Небо,
Была вѣрна!

Отелло.

Съ ней Кассіо въ связи

Преступной жилъ. Спросить объ этомъ можешь
У мужа ты. О, если бы на крайность
Такою я рѣшился безъ причинъ
Серьезнѣйшихъ, то стоило бъ низвергнуть
Меня на дно глубокихъ адскихъ безднъ.
Про это все твой мужъ отлично знаетъ.

Эмилія.
 Мой мужъ?
 Отелло.
 Твой мужъ.
 Эмилія.
 Онъ знаетъ, что синьора
 Нарушила обѣтъ свой брачный?

Отелло.
 Да -
 И Кассіо ея сообщникъ. Если бъ
 Она была вѣрна, то создавай
 Мнѣ небо міръ другой изъ хризолита
 Чистѣйшаго, безъ примѣси - ее
 И за него я никогда бъ не отдалъ.

Эмилія.
 Мой мужъ?
 Отелло.
 Да, онъ сказалъ мнѣ прежде всѣхъ:
 Онъ человѣкъ честнѣйшій и питаетъ
 Лишь ненависть къ той грязи, что лежитъ
 На всѣхъ дѣлахъ безнравственныхъ.

Эмилія.
 Мой мужъ?
 Отелло.
 И для чего всѣ эти повторенья?
 Ну да, твой мужъ.

Эмилія.
 О, бѣдная синьора,
 Какъ надъ твоей любовью посмѣялась
 Злость гнусная! И мужъ мой могъ назвать
 Измѣнницей ее?

Отелло.
 Да, повторяю:
 Онъ, онъ, твой мужъ! Да что ты это слово
 Какъ будто бы забыла понимать?
 Мой другъ, твой мужъ, мой честный, честный Яго.

Эмилія.
 О, если онъ сказалъ такую вещь,
 Такъ пусть его презрѣнная душа
 По полкрупинкѣ въ день сгниваетъ. Подло
 Онъ лгалъ! Она ужъ слишкомъ горячо

Любила свой несчастный, скверный выборъ.
Отелло.

А!

Эмилія.
Поступай, какъ только хочешь, гадко,
Поступокъ твой съ женой достоинъ Неба
На столько же, на сколько ты - ея.

Отелло.
Молчи, молчи! тебѣ же будетъ лучше.

Эмилія.
Ты сделать мнѣ не можешь половины
Того, что я перенести могу.
О, негодяй! О, безтолковый, грязный
Глупецъ! Теперь ты дѣло совершилъ:
Не страшень мнѣ твой мечъ. Изобличу я
При всѣхъ тебя, хотя бы потерять
Для этого пришлось мнѣ двадцать жизней.
О, помогите, помогите, помогите!
Мавръ умертвилъ жену свою! Убійство!

Входятъ Монтано, Граціано, Яго и другіе.

Монтано.
Что здѣсь за шумъ? Что, генералъ, случилось?
Эмилія.

А, Яго, ты? Ну, нечего сказать,
Ты молодецъ, когда другіе могутъ
Тебя въ своихъ убійствахъ обвинять.
Граціано.

Въ чемъ дѣло здѣсь?
Эмилія.

Когда мужчина ты,
Такъ обличи вотъ этого мерзавца:
Онъ говоритъ, что ты ему сказалъ,
Что будто бы жена его преступна.
Я знаю - ты не говорилъ того:

Ты не такой безсовѣстный. Скажи же:
Моя душа ужъ черезчуръ полна.
Яго.

Я говорилъ ему то, что я думалъ,
И не сказалъ я болѣе того,

Что онъ и самъ призналъ возможнымъ, вѣрнымъ.

Эмилиа.

Но ты ему сказалъ ли, что она
Измѣнницей была?

Яго.

Да, я сказалъ.

Эмилиа.

И ты солгалъ, солгалъ постыдно, гнусно!
Клянусь душой, ты подло клеветалъ.
Она, она измѣнница супругу
Для Кассіо? Ты Кассіо назвалъ?

Яго.

Да, Кассіо. Попридержи, однако,
Языкъ.

Эмилиа.

Нѣтъ, я его не придержу:
И говорить обязана. Синьора,
Убитая, лежитъ въ постели здѣсь.

Всѣ.

О, господа, спаси насъ и помилуй!

Эмилиа.

И клевета твоя виной убійства.

Отелло.

Что жъ стали вы, синьоры? Это правда!

Граціано.

Ужасная, чудовищная правда!

Монтано.

Чудовищный поступокъ!

Эмилиа.

Гнусный, гнусный!

Я думаю о немъ, припоминаю -
И яснымъ онъ становится. О, гнусность!
Я и тогда такъ думала. Отъ горя
Готова я убить себя теперь.
О, гнусность, гнусность!

Яго.

Да что съ тобой! ты что-то помѣшалась.
Ступай домой – приказываю я.

Эмилиа.

О, добрые синьоры! Не мѣшайте
Мнѣ все сказать... Хотя я должна ему
Послушной быть, но не теперь... Да, Яго,
Быть можетъ, я домой ужъ не вернусь...

Отелло (*бросаясь на постель*).

О-о-о-о!

Эмилиа.

Да, да, лежи, реви!

Ты погубилъ чистѣйшую невинность,
Какая лишь смотрела на людей.

Отелло (*приподымаясь*).

О, нѣтъ, она была полна пороковъ!

(*Къ Граціано*).

Я знаю васъ весьма немного, дядя...

Племянница родная ваша здѣсь

Лежитъ, и въ ней дыханье прекратили

Дѣйствительно вотъ эти руки. Я

Согласенъ съ тѣмъ, что мой поступокъ звѣрскимъ,

Безстыднѣйшимъ казаться долженъ вамъ.

Граціано.

Несчастливая племянница! Я радъ,

Что твоего отца ужъ нѣтъ на свѣтѣ:

Твой бракъ нанесъ ему ударъ смертельный,

И эта скорбь порвала нить его

Преклонныхъ лѣтъ; будь онъ теперь въ живыхъ,

Онъ предался бѣ отчаянью, съ проклятьемъ

Отвергнулъ бы навѣки отъ себя

Онъ ангела-хранителя и душу

На вѣчную бы гибель осудилъ.

Отелло.

Ужасно это все; но Яго знаетъ,

Что съ Кассіо разъ тысячу она

Была въ связи прелюбодѣйной. Самъ онъ

Сознался въ томъ. Въ награду за любовь

Она дала ему мой первый даръ,

Залогъ любви моей отдать рѣшилась...

Его въ рукахъ у Кассіо я видѣлъ:

То былъ платокъ, который мой отецъ

Далъ матери моей.

Эмилиа.

О, силы Неба!

О, Боже мой!

Яго.

Эй, замолчи!

Эмилиа.

Нѣтъ, нѣтъ!

Я все скажу! Мнѣ - замолчать? Какъ вѣтеръ,

Я говоритъ здѣсь стану неудержно:

Пусть Небеса, пусть люди, черти - все,

Все на меня возстанетъ грозно - буду
Я говорить...

Яго.

Одумайся! ступай
Къ себѣ домой.

Эмилиа.

Я не хочу.

(Яго бросается на нее).

360

Граціано.

Фи, Яго!

На женщину, съ мечомъ!

Эмилиа.

О, глупый мавръ!

Вѣдь, тотъ платокъ, который видѣлъ ты,
Случайно я нашла и послѣ мужу
Дала его затѣмъ, что онъ не разъ
Украсть его просилъ меня съ такою
Настойчивой серьезностью, какой
Не стоила бездѣлка эта, право.

Яго.

Тварь гнусная!

Эмилиа.

Чтобъ Кассіо она

Дала платокъ? - Нѣтъ! онъ былъ найденъ мною,
И мужу я - увѣ! - дала его.

Яго.

Лжешь, мерзкая!

Эмилиа.

Не лгу, клянуся Небомъ!

Синьоры, я не лгу! О, безразсудный
Убійца! Что жъ, и то сказать, что было
Съ такой женой прелестнѣйшею дѣлать
Глупцу такому?

Отелло.

Неужели стрѣлы

Лишь для того на небѣ, чтобъ гремѣть!
О, дорогой мерзавецъ!

(Бросается на Яго; который поражаетъ Эмилию и убѣгаетъ).

Граціано.

Посмотрите -

Шатается и падаетъ она,
Сомнѣнья нѣтъ: жену свою убилъ онъ.

Эмилиа.

Да, да... Теперь къ моей синьорѣ
Поближе положите.

Граціано.

Онъ ушелъ,
Но надъ женой совершено убійство.

Монтано.

Гнуснѣйшій плутъ! Возьмите этотъ мечъ,
Который мной у мавра отнять. Станьте
За дверью здѣсь и ни за что его
Отсюда не пускайте, хоть бы даже
Убить его пришлось; а я бѣгу
За этимъ негодяемъ, за проклятымъ
Разбойникомъ.

(Монтано и Граціано уходятъ).

Отелло.

Какъ обезсилѣлъ я...

Мальчишка мечъ изъ рукъ моихъ исторгнулъ!
Да и зачѣмъ честь будетъ дольше жить,
Чѣмъ честность? Все, все для меня погибло!

Эмилиа.

Голубушка, такъ вотъ что пѣснь твоя
Пророчила! Послушай, если можешь
Ты слышать: я здѣсь лебедемъ явлюсь
И съ пѣсенкой про *иву, иву, иву*
Умру... Знай, мавръ, она была чиста;
Жестокій мавръ, она тебя любила.
О, если бы душа моя такъ вѣрно
Могла спастись, какъ вѣрно то, что я
Здесь говорю... и говорю всю правду...
Я умираю, умираю... *(Умираетъ).*

Отелло.

Было

Здѣсь у меня еще одно оружье -
Испанскій мечъ, что въ ледяной водѣ
Я закалилъ... А, вотъ и онъ. Эй, дядя,
Пусти меня, я выйду.

Граціано *(за дверью).*

Если ты

Попробуешь – не дешево заплатишь.
Не забывай, что безоруженъ ты,

И потому терпи безъ прекословья.

Отелло.

Ну, такъ войди сюда, чтобы со мной
Поговорить, а то и безъ оружья
Я на тебя не побоюсь напасть.

Входитъ Граціано.

Граціано.

Ну, что тебѣ?

Отелло.

Смотри: въ рукахъ моихъ

Есть мечъ такой, какой еще ни разу
Не украшалъ солдатскаго бѣдра.
Была пора - вотъ эта небольшая
Рука моя и этотъ добрый мечъ
Дорогу мнѣ свободно пролагали
Сквозь цѣлый рядъ препятствій, въ двадцать разъ
Сильнѣе тѣхъ, какія ты поставилъ.
Но... для чего напрасно хвастать? Кто
Преодолѣть судьбы велѣнья можетъ?
Моя пора минула. Не страшись,
Хоть предъ тобой съ мечомъ въ рукѣ стою я:
Мой путь свершенъ, и здѣсь его конецъ;
Здѣсь пристань та, гдѣ мой корабль спускаетъ

361

Всѣ паруса... Не отступай назадъ...
Не бойся такъ - боязнь твоя напрасна.
Тронь тростникомъ Отелло грудь - и онъ
Попятится... Куда поидетъ Отелло?

(Обращаясь къ трупу Дездемоны).

Несчастная, какъ измѣнилась ты!
Блѣдна, какъ ткань твоей сорочки! О,
Когда къ суду мы явимся съ тобою,
Твой взглядъ мою низринетъ душу съ неба
А дьяволы подхватятъ на лету.
Ты холодна, ты холодна, подруга,
Какъ чистота твоя! О, рабъ проклятый!
Ну, демоны, гоните прочь меня
Отъ этого небеснаго созданья!
Крутите въ вихрь бурномъ! жарьте въ сѣрѣ,
Купайте въ глубочайшихъ безднахъ, полныхъ
Текучаго огня! О, Дездемона!

Мертва! О, Дездемона! О! о! о!

*Входятъ Лодовико, Монтано, Кассіо, несомый на носилкахъ, и офицеры; между ними
Яго, связанный.*

Лодовико.

Гдѣ этотъ безумный и несчастный человѣкъ?

Отелло.

Что прежде былъ Отелло? Здѣсь.

Лодовико.

Гдѣ эта

Змѣя? Пускай мерзавецъ подойдетъ.

Отелло.

Я на ноги смотрю его; но это

Все выдумки; коль ты и вправду чортъ,

Убить тебя мнѣ, вѣрно, не удастся.

(Ранить Яго).

Лодовико.

Возьмите мечъ изъ рукъ его!

Яго.

Я раненъ,

Но не убить.

Отелло.

Я очень радъ тому.

Желалъ бы я, чтобъ жилъ ты. Умереть,

По моему, блаженство.

Лодовико.

О, Отелло!

Какъ мнѣ назвать тебя, который прежде

Героемъ былъ, а нынче жертвой сталъ

Проклятаго мерзавца?

Отелло.

Как-нибудь:

Желаете - такъ назовите честнымъ

Убийцею, затѣмъ, что ничего

Я не свершилъ изъ ненависти, все же -

Изъ чести лишь.

Лодовико.

Мерзавецъ этотъ намъ

Уже почти сознался въ гнусномъ дѣлѣ.

То правда ли, что согласились съ нимъ

Вы Кассіо убить?

Отелло.

Да, это правда.

Кассіо.

Я никогда, мой добрый генераль,
Вамъ повода не подавалъ.

Отелло.

Я вѣрю
И васъ прошу простить меня. Пускай
Отвѣтитъ вамъ вотъ этотъ полу-дьяволъ -
Къ чему мой духъ и тѣло страшно такъ
Опуталъ онъ?

Яго.

Оставьте всѣ разспросы.
Что знаете - то знайте. Съ этихъ поръ
Ни одного я слова не промолвлю.

Лодовико.

Какъ, и затѣмъ, чтобъ помолиться?

Граціано.

Пытка

Твой ротъ раскрыть съумѣетъ.

Отелло.

Да, ты правъ:

Придумалъ ты отличнѣйшее средство.

Лодовико.

Теперь, синьоръ, я объясню вамъ то,
Что вамъ еще, конечно, неизвѣстно.
Вотъ здѣсь письмо, которое нашли
Въ карманѣ у убитаго Родриго;
А вотъ еще письмо. Въ одномъ изъ нихъ
О Кассіо убійствѣ говорится,
Которое Родриго долженъ былъ
Взять на себя.

Отелло.

О, негодяй!

Кассіо.

Язычникъ

Одинъ лишь могъ такъ гнусно поступить.

Лодовико.

Въ другомъ письмѣ - его нашли мы такъ же,
Какъ первое, въ карманѣ у Родриго -
Онъ сердится; какъ видно, онъ хотѣлъ

Его послать вотъ къ этому мерзавцу
Проклятому, но Яго, вѣрно, самъ
Къ нему пришелъ и успокоилъ...

Отелло.

Страшный,

Опасный плутъ. Но Кассіо, откуда
Къ тебѣ попалъ платокъ моей жены?

Кассіо.

Его нашелъ я въ комнатѣ своей,
А Яго намъ вотъ только-что сознался,
Что съ умысломъ особеннымъ его
Онъ обронилъ - и замыселъ удался.

Отелло.

О, я глупецъ, глупецъ, глупецъ!

Кассіо.

Родриго

Въ своемъ письмѣ упреки Яго шлетъ
Еще за то, что тотъ подбилъ его
Поссориться со мною въ караулъ,
Изъ-за чего я мѣсто потерялъ;
И, наконецъ, Родриго самъ, который
Казался намъ умершимъ, вдругъ очнулся
И рассказалъ, что Яго подстрекнулъ
Его вступить со мною въ бой сегодня,
И Яго же убилъ его...

Лодовико.

Теперь,

Отелло, вы должны отсюда вытти
И слѣдовать за нами. Ваша власть
Снимается, и Кассіо назначенъ
Правителемъ на Кипрѣ вмѣсто васъ.
Что жъ этого касается мерзавца,
То сколько есть ужасныхъ, долгихъ мукъ,
Придуманныхъ умомъ жестокосерднымъ -
Всѣмъ до одной подвергнуть будетъ онъ.
Вы плѣнникомъ останетесь, покуда
Мы донесемъ въ сенатъ венеціанскій
О вашемъ преступленіи. Ведите
Его за мной!

Отелло.

Постойте. Слова два

Хочу сказать вамъ прежде. Я немало
Оказывалъ республикѣ услугъ -
И это ей извѣстно. Не объ этомъ
Здѣсь рѣчь моя. Я васъ прошу, когда
Вы будете объ этихъ всѣхъ несчастьяхъ
Писать въ сенатъ, такимъ меня представить,

Каковъ я есть, ни уменьшать вину,
Ни прибавлять къ ней ничего нарочно...
Пишите имъ, что я былъ человѣкъ
Съ любовію безумною, но страстной;
Что ревность я не скоро ощущалъ,
Но, ощутивъ, не зналъ уже предѣловъ;
Что, какъ глупецъ-индіецъ, я отбросилъ
Жемчужину, дороже всѣхъ сокровищъ
Его страны; что изъ моихъ очей,
Къ слезливымъ ощущеньямъ непривычныхъ,
Теперь текутъ струей обильной слезы,
Какъ изъ деревъ Аравіи камедь.
И къ этому всему потомъ прибавьте,
Что разъ одинъ, въ Алеппо, увидавъ,
Какъ турокъ злой, ругаясь надъ сенатомъ,
При этомъ билъ венеціанца - я
За горло взялъ обрѣзанца-собаку
И закололъ его - готъ точно такъ...

(Закалывается).

Лодовико.

Кровавая развязка!

Отелло *(падая на трупъ Дездемоны).*

Съ поцѣлуемъ

Я убилъ тебя, и съ поцѣлуемъ

Я смерть свою встрѣчаю близъ тебя!

(Умираетъ).

Кассіо.

Вотъ этого я опасался, зная
Величіе души его; но мнѣ
Казалось, что онъ обезоруженъ.

Лодовико *(къ Яго).*

Спартанскій песь, ты болѣе жестокій,
Чѣмъ океанъ, чѣмъ голодъ, чѣмъ чума!
Взгляни сюда, на это бремя, страшно
Упавшее на это ложе - ты
Виной всему! Ахъ, это ложе – ядъ!
Для зрѣнія; скорѣй его закройте.
Вы въ домъ здѣсь останьтесь, Граціано,
И такъ какъ вы наслѣдникъ мавра, вамъ
Имущество принять въ порядкѣ надо.

(Къ Кассіо).

Вамъ, господинъ правитель, предстоитъ
Казнь совершить надъ этимъ адскимъ плутомъ,
Назначить день и мѣсто, пытку выбрать...

О, что-нибудь найдите посылнѣе!
А я на родину - и съ грустнымъ сердцемъ тамъ
Событѣе грустное сенату передамъ.
(Уходятъ).

П. Вейнбергъ.

Примѣчанія къ III-му тому.

Въ составленіи примѣчаній къ настоящему тому принимали участіе:
Зин. Венгерова, С. А. Венгеровъ, А. Г. Горнфельдъ и М. Н. Розановъ.

578

ОТЕЛЛО. (Othello).

Первое печатное изданіе пьесы подъ заглавіемъ «Трагедія объ Отелло, венеціанскомъ маврѣ», вышло въ 1622 году, черезъ пять лѣтъ послѣ смерти автора. Въ подзаглавіи указано, что пьеса исполнялась труппой Шекспира попеременно въ театрахъ Глобусъ и Блэкфрейорсъ. Въ списокѣ дѣйствующихъ лицъ, приложенномъ въ концѣ пьесы (въ полн. собр. 1623 г.) Кассіо названъ an Honourable Lieutenant, Яго — a Villaine (негодяй), Родриго — a gull'd gentleman (простакъ).

Стр. 289. Яго: ...*Великій ариѳметикъ, флорентінецъ какой-то Кассіо.*

Флоренція удалена отъ моря, и потому ея уроженецъ кажется моряку Яго непригоднымъ для военнаго дѣла. Равнымъ образомъ кажется ему рѣшающимъ недостаткомъ то, что Кассіо собирается жениться на куртизанкѣ Бьянкѣ, на что онъ намекаетъ въ слѣдующей фразѣ:

*Съ одной красоткой
Уже себя связавшій по рукамъ*

Въ предисловіи къ трагедіи (стр. 281—282) указаны разнообразныя толкованія этого темнаго мѣста. Также различны объясненія названія *арифметикъ*, которое Яго презрительно примѣняетъ къ Кассіо. Говорятъ, что это указываетъ на книжный, чисто теоретическій характеръ значеній Кассіо, другіе видятъ въ этомъ намекъ на то, что флорентійцы были извѣстными счетоводами и т. п.

Стр. 290.

*Имѣю-ль я одинъ хотъ поводъ быть
Расположеннымъ къ мавру?*

Яго употребляетъ здѣсь насмѣшливо-почтительное выраженіе his Moorship — приблизительно «Его арапство».

Стр 290. Родриго:

...Ну, если

И здѣсь еще одержитъ верхъ губанъ.

Одно изъ мѣстъ, на которыя опираются доказывающіе, что Отелло — негръ. Разборъ этого воззрѣнія см. выше (стр. 283—284).

Стр. 291. Брабанціо:

...Вѣдь, городъ здѣсь, а домъ мой

Не ферма отдаленная.

Въ подлинникѣ grange — расположенныя въ сторонѣ отъ дома хозяйственныя строенія, у Шекспира и его современниковъ обычный образъ заброшенности и беззащитности.

Стр. 291. Яго: *Вѣрно, вамъ хочется, чтобъ ваша дочь сошлась съ варварійскимъ жеребцомъ.*

Намекъ на происхожденіе Отелло. Барбарія, Берберія, Варварійскій берегъ — сѣверозападная часть Африки (нынѣ Алжиръ, Тунисъ, Триполи).

Стр. 291. Яго: — *Въ эту минуту ваша дочь и мавръ изображаютъ собою звѣря о двухъ спинахъ.*

Сравненіе, повидимому, заимствованное Шекспиромъ у Раблэ, котораго онъ читалъ въ переводѣ.

Стр. 291. Брабанціо: *Все это такъ со сномъ моимъ похоже...*

Разбуженному Брабанціо, очевидно, только что снилось нѣчто подобное тому, что онъ теперь слышитъ.

Стр. 292. Яго: — *Брабанціо, къ «Стрѣлку» теперь направьтесь.*

«Стрѣлокъ» по объясненію Найта, часть венеціанскаго арсенала, гдѣ жили генералы и адмиралы. Надъ входомъ было высѣчено изъ камня изображеніе стрѣлка. Другіе полагаютъ, что это названіе гостиницы, гдѣ жилъ Отелло.

Стр. 292. Брабанціо: *Призовите чиновниковъ дозорныхъ.*

Переводчикъ, какъ и многіе другіе издатели, принимаетъ чтеніе officers of night (чиновники ночи). Но Деліусъ отстаиваетъ текстъ первыхъ изданій — officers of might (чиновники власти) — что значило бы «высшихъ должностныхъ лицъ».

Стр. 292. Яго:

Разъ девять или десять

Готовился я въ бокъ его пырнуть.

Яго говоритъ о Родриго.

Стр. 292. Яго: *Нашъ маньифико любимъ здѣсь всѣми*

И въ этомъ случаѣ его, вѣдь, голосъ

Вдвойнѣ сильнѣй, чѣмъ самый голосъ дожа.

Маньифико — обычный титулъ венеціанскаго сена-

тора. Англійскій текстъ даетъ возможность нѣкоторымъ комментаторамъ утверждать, что Брабанціо имѣетъ при голосованіи два голоса; это, конечно, ничѣмъ не доказано.

Стр. 293. Яго: *Нѣтъ, Янусомъ клянусь.*

Клятва языческими божествами была во времена Шекспира манерой хорошаго тона.

Стр. 292. Яго: *Онъ ночью взялъ къ себѣ на abordажъ галеру превосходную.*

Точнѣе: «Въ эту ночь онъ захватилъ на землѣ богато нагруженный корабль».

Стр. 293. *И если*

Признается законнымъ призъ его,

Онъ навсегда свое составилъ счастье.

Призомъ называется въ морскомъ правѣ захватъ воюющими на морѣ частнаго имущества, корабля, груза и т. п. При соблюденіи извѣстныхъ условій, обсуждаемыхъ особыми «призовыми судами», захватъ признается законнымъ.

Стр. 294. Брабанціо: *Обманщики мірскаго.*

Въ подлинникѣ *abuser of the world* — обманщикъ міра.

Стр. 298. Отелло: *Мнѣ встрѣчатъ случилось во время странствій.*

Подлинникъ употребляетъ выраженіе *my traveller's history* — какъ бы сопоставляя рассказы Отелло съ тѣми многочисленными и фантастическими «Путешествіями», которыя жадно пожирала публика того времени. Въ нихъ именно встрѣчаются всѣ чудовищныя явленія, о которыхъ повѣствуетъ Отелло.

Стр. 299. Брабанціо: *Поди сюда, любезное дитя.*

Въ подлинникѣ *gentle mistress* — милостивая государыня. Брабанціо говоритъ съ непокорной дочерью, какъ съ чуждой ему дамой.

Стр. 300. *Турки, могущественно вооруженные, плывутъ къ Кипру.*

Внезапный переходъ отъ стиховъ къ прозѣ соотвѣтствуетъ переходу отъ книжной морали къ практическому дѣлу; поэтому въ первомъ изданіи проза начинается съ послѣднихъ словъ Брабанціо:

Теперь я васъ покорнѣйше прошу и т. д.

Стр. 300. Дездемона: *Въ его лицѣ мнѣ духъ его являлся.*

Точнѣе: «я видѣла то лицо, которое запечатлѣно въ душѣ Отелло».

Стр. 302. Дездемона: *Когда я здѣсь останусь молью мира.*

Моль — тутъ образъ незначительности, маленькое насѣкомое, живущее въ мирѣ.

Стр. 302. Яго:... *рѣшился бы утопиться изъ любви къ какой-нибудь цесаркѣ.*

Цесарка — вѣроятно изъ-за ея пестрыхъ перьевъ — обычный у современниковъ Шекспира образъ женщины, легкомысленной, иногда распутной.

Стр. 305. 2-й офицеръ:

Чтобы загасить блестящихъ сторожей

У полюса, недвижнаго отъ вѣка.

То есть звѣзды Малой Медведицы, къ которой принадлежит неподвижная Полярная звѣзда.

Стр. 306. 3-й офицеръ: *Это Веронское судно.*

Выраженіе подлинника *Veronessa* возбуждаетъ сомнѣнія. Оспариваютъ, будто рѣчь идетъ о веронскомъ суднѣ, такъ какъ Верона не приморскій городъ. Но извѣстно также, что географическія несообразности — обычнѣйшая черта у Шекспира.

Стр. 308. Яго: *Что башку трески на семги хвостъ никакъ не промѣняетъ.*

Хвостъ семги считался лакомымъ блюдомъ, голова трески — отбросомъ хорошей кухни. Нѣкоторые видятъ тутъ циничный каламбуръ.

Стр. 308. Яго: *На то, чтобъ выкармливать глупцовъ и записывать, сколько вышло пива въ домъ.*

Яго сразу переходитъ къ прозѣ и тѣмъ отгѣняетъ неожиданное заключеніе своего стихотворнаго панегирика.

Стр. 308. Яго: *Что это опять пальцы къ губамъ?*

Кассіо цѣлуетъ свои пальцы, послѣ того какъ ихъ коснулась рука Дездемоны. У Шекспира не разъ идетъ рѣчь объ этомъ придворномъ обычаѣ.

Стр. 309. Отелло: *О, милая моя воительница.*

Намекъ на безстрашіе Дездемоны, отправившейся съ нимъ на войну.

Стр. 311. Герольдъ: *Всѣ комнаты дворца открыты, и въ нихъ каждый имѣетъ право пировать.*

Въ подлинникѣ опредѣленнѣ: *offices* — не парадныя помѣщенія, а буфетныя, столовыя.

Стр. 312. Яго: *Король Стефанъ вельможа славный былъ.*

Старинная баллада, изъ которой Яго поетъ измѣненную предпоследнюю строфу.

Стр. 316. Отелло: *Пусть отведутъ его домой.*

Пропущена ремарка: *Монтано уводятъ.*

Стр. 319. Кассіо:

Играйте здѣсь. За трудъ васъ награжу я.

Да что нибудь недлинное, а тамъ

«Ура» провозгласите генералу.

Это утренняя серенада, которою Кассіо привѣтствуетъ Отелло. По англійскому обычаю, музыканты должны сыграть небольшую пьесу, а затѣмъ воскликнуть «Доброе утро, генераль» (не «ура», какъ въ переводѣ).

Стр. 319. Шутъ: *Что это, господа, не были ли ваши инструменты въ Неаполѣ? Что-то они ужъ сильно говорятъ въ носъ...*

Сифилисъ былъ очень распространенъ въ Неаполѣ и иногда назывался неаполитанской болѣзью.

Стр. 320. Кассіо: *Я не встрѣчалъ еще изъ флорентинцевъ ни одного добряка и честнаго.*

Кассіо хочеть сказать, что даже среди своихъ земляковъ флорентинцевъ онъ не встрѣчалъ ни въ комъ большей честности и привѣтливости, чѣмъ въ венеціанцѣ Яго.

Стр. 320. *Передъ замкомъ.*

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ: Садъ замка.

Стр. 323. Отелло: *Честенъ?*

Вопросительный знакъ поставленъ по ошибкѣ; Отелло подтверждаетъ свой вопросъ, но уже въ утвердительномъ тонѣ; въ подлинникѣ: «Честенъ! Да, честенъ».

Стр. 325. Яго: *Она — чудовище съ зелеными глазами.*

Сравненіе, вѣроятно, исходитъ изъ того, что ревнивецъ видитъ все въ нездоровомъ, зеленоватомъ свѣтѣ.

Стр. 327. Отелло: *Да, тутъ болитъ (показываетъ на лобъ).*

Нѣкоторые видятъ въ этомъ намекъ не на дѣйствительную головную боль, но на рога.

Стр. 328. Яго:

...Ни макъ, ни мандрагора,

Ни зелья всѣ, какія есть на свѣтѣ.

Напитокъ изъ мандрагоры считался снотворнымъ; къ слову зелья въ подлинникѣ присовокуплено «снотворныя».

580

Стр. 328. Отелло: *... Пусть бы каждый солдатъ владѣлъ ея прекраснымъ тѣломъ.*

Въ подлинникѣ *pioneers* — саперы, низшій разрядъ солдатъ, въ большинствѣ случаевъ изъ штрафованныхъ.

Пернатая войска.

Съ перьями на шляпахъ, какъ носили еще при Шекспирѣ.

(Схватываетъ его за горло).

Эта ремарка прибавлена позднѣйшими издателями, безъ достаточныхъ основаній.

Стр. 330. Яго: *На дѣль ихъ заставить вамъ невозможно.*

Въ подлинникѣ Яго прибавляетъ: «хотя бы они были похотливы, какъ козлы, горячи, какъ обезьяны, страстны, какъ волки во время течки, и нелѣпы, какъ когда либо были пьяные». Эти слова Отелло впоследствии вспоминаетъ опять (стр. 340: *Козлы и обезьяны*).

Стр. 330. Отелло:

Вздымайся грудь подъ бременемъ отравы

Отъ языковъ змѣиныхъ.

Какъ грудь вспухаетъ отъ змѣинаго укуса, такъ подымается она подъ бременемъ тоски.

О, крови, Яго, крови.

Не рѣшено, въ какомъ падежѣ здѣсь слово blood (въ нѣкоторыхъ изданіяхъ О blood, blood, blood), — и есть переводчики, которые передаютъ восклицаніе Отелло: «О, кровь, кровь, кровь», полагая, что здѣсь Отелло не требуетъ чужой крови, но говоритъ о своей неукротимой крови, еле сдерживаемой крови поверхностно цивилизованнаго дикаря; которая при первой возможности вскипаетъ съ первобытной силой и овладѣваетъ имъ. Надо отмѣтить, что онъ и раньше, по гораздо менѣ важному поводу, говоритъ (стр. 315): *я чувствую, что кровь ужъ начала осиливать мой разумъ.*

Стр. 331. Отелло: *Какъ волны ледяныя Понтійскихъ водъ... Несутся въ Пропонтиду и Гелеспонтъ.*

О томъ, что въ проливахъ есть теченіе изъ Чернаго моря въ Средиземное, Шекспиръ читалъ у Плинія. (1601 г.)

Клянусь теперь подъ этимъ чистымъ небомъ.

Въ подлинникѣ «мраморнымъ», какъ Шекспиръ часто называетъ небосводъ, — быть можетъ, имѣя въ виду его непоколебимую устойчивость.

Стр. 331. Шутъ: *Не знаю, гдѣ онъ квартируетъ.*

Пропущено нѣсколько переполненныхъ непереводаемыми каламбурами фразъ, которыми обмѣниваются въ подлинникѣ шутъ и Дездемона.

Стр. 332. Отелло: *Это признакъ и щедрости души и плодородья.*

Въ подлинникѣ fruitfulness — по мненію Делиуса, здѣсь не плодородіе, но щедрость.

По нынѣшней геральдикѣ дается

Одна рука, не сердце.

Намекъ на употребленіе въ гербахъ того времени изображенія руки: король Іаковъ учредилъ баронскій титулъ, который онъ пускалъ въ продажу и обладатели котораго получали право носить въ гербѣ красную руку на серебрянномъ полѣ.

И этотъ шелкъ окрашенъ влагой вялой,

Изъ дѣвственныхъ сердецъ прекрасныхъ мумій.

Соку мумій приписывали во время Шекспира тайную чудесную силу — особенно противъ падучей болѣзни. Здѣсь говорится о сокѣ, добытомъ умѣлыми людьми (skilful) изъ сердецъ дѣвушекъ.

Дездемонѣ непонятна эта туманная рѣчь и потому она отвѣчаетъ:

...Не умѣю

Поддерживать этотъ разговоръ.

Стр. 334. *Вижу я теперь, что подкупила свидѣтелей.*

То есть свою душу.

Стр. 334. Бьянка:

Не проходитъ семь дней и семь ночей,

Сто шестьдесятъ часовъ.

Въ подлинникѣ точнѣе: «восемь разъ двадцать и восемь разъ» (семь сутокъ — 168 часовъ).

Стр. 336. Отелло: *Словно надъ домомъ зачумленнымъ воронъ злой.*

Распространенное во время Шекспира повѣрье связывало ворона съ домомъ, гдѣ есть зараза, и съ предвѣстіемъ близкой смерти.

Стр. 336. Отелло: *Природа не облекается въ такую омрачающую страсть безъ какого-нибудь предчувствія...*

Делиусъ иначе толкуетъ эту фразу. Отелло, по его мнѣнію, понимаетъ подъ shadowing passion свое смутное, близкое къ наступающему обмороку состояніе и думаетъ, что природа, посылая ему таковое, дѣлаетъ это въ видѣ нѣкотораго указанія; такимъ образомъ даже его бѣшенство служить для него доказательствомъ виновности Дездемоны.

О, носы, уши, губы.

Эти слова вырывающіяся у Отелло въ полубезсознательномъ состояніи, — вызываютъ разные толкованія. Одни думаютъ, что здѣсь Отелло терзаютъ представленія о физической близости Дездемоны и Кассіо, что онъ здѣсь въ ярости уже думаетъ, какъ отомстить имъ, отрѣзавъ имъ носы, губы и уши и т. п. Въ связи съ предыдущею и слѣдующей фразами Делиусу кажется болѣе подходящимъ первое толкованіе.

Стр. 336. Отелло: *Смѣешься ты надо мной?*

Въ вопросѣ Яго *Не ранили-ль вы голову?* — Отелло видитъ насмѣшку надъ своими рогами.

Стр. 338. Яго: *Вотъ еслибъ то завистьло отъ Бьянки.*

Вмѣсто Bianca's power (во власти Бьянки) правильнѣе читать Bianca's dower: «если бы это было въ приданномъ Бьянки». Яго подготавливаетъ свой прямой вопросъ, женится-ли Кассіо на Бьянкѣ.

Стр. 338 Отелло: *Ты торжествуешь, римлянинъ, ты торжествуешь.*

Это странное названіе, которое Отелло даетъ здѣсь Кассіо, принято объяснять тѣмъ, что онъ здѣсь сравниваетъ его торжество съ триумфомъ римскаго побѣдителя. *Ты торжествуешь* въ англійскомъ текстѣ: «do you triumph».

Стр. 338. Кассіо: *Эта женщина точно хорекъ.*

Хорекъ считается однимъ изъ самыхъ сладострастныхъ животныхъ.

Стр. 339. Лодовико: *Привѣтъ мой вамъ, храбрѣйшій генераль.*

Дословно Лодовико говоритъ: «Да спасетъ васъ Богъ, достойный генераль», на что Отелло, подъ гнетомъ своихъ страданій, отвѣчаетъ «Отъ всего сердца сэръ» («желаю я того же» — должно дополнить по мнѣнію Делиуса).

Стр. 340. Отелло: *Козлы и обезьяны.*

Отелло вспоминаетъ слова Яго о похотливыхъ козлахъ и обезьянахъ. (См. выше примѣч. къ стр. 330).

Стр. 340. Отелло: *Какъ будто бы за вѣеромъ, за маской.*

Дамы временъ Шекспира часто одѣвали внѣ дома черныя шелковыя маски.

Стр. 342. Отелло (Эмилиі): *А ты ступай къ занятіямъ своимъ.*

Отелло имѣеть въ виду сводничество.

Такъ осуди сама себя вдвойнѣ.

Клянись, что ты върна мнѣ.

Лживая клятва будетъ вторымъ преступленіемъ развратной Дездемоны; поэтому Отелло называетъ ее «дважды осужденной».

Стр. 344. Дездемона: *Постели мнѣ брачныя сегодня простыни.*

Это считалось средствомъ вернуть любовь разлюбившаго супруга.

Стр. 346. *Другая комната въ замкѣ.*

Дездемона дѣлаетъ ночной туалетъ въ той самой комнатѣ, въ которой она и Отелло только что прощались съ венеціанскими послами. Это соотвѣтствуетъ простотѣ шекспировской сцены.

Стр. 347. Дездемона: *Нѣтъ, это что-то не такъ.*

Разстроенная и разсѣянная Дездемона въ самомъ дѣлѣ путаетъ слова старинной пѣсни.

Стр. 348. Эмилиа: ... я бы не сдѣлала этого изъ-за пустого перстенька.

«Изъ-за двойного кольца» говоритъ Эмилиа въ подлинникѣ: такіе перстни, цѣльные и въ то же время разнимающіеся на два кольца, были употребительны въ это время.

Стр. 351. Родриго: *(умираетъ).*

Это ошибочное указаніе введено по недоразумѣнію позднѣйшими изданіями. Родриго не умираетъ, а только кажется убитымъ, о чемъ въ послѣдней сценѣ (стр. 362) говоритъ Кассіо.

Стр. 353. *Входитъ Отелло.*

Старыя изданія прибавляютъ: *Со свѣчею въ рукѣ.*

Стр. 353. Отелло: *Вотъ, вотъ причина.*

Эти темныя слова вызываютъ многочисленныя толкованія. Джонсонъ полагалъ, будто Отелло хочетъ сказать, что не убійство его смущаетъ, но причина которою оно вызвано. Стивенсъ предполагаетъ у Отелло еще болѣе сложную мысль, заставляя его сравнить предположенное имъ убійство съ судебнымъ процессомъ (cause), въ которомъ онъ является исполнителемъ (приговора правды). Было также мнѣніе, будто Отелло перебираетъ въ головѣ причины, которыя могли подвигнуть Дездемону ему измѣнить и, остановившись на мысли, что вѣроятно черныя цвѣтъ его кожи игралъ въ этомъ главную роль, входитъ въ комнату съ заключительными словами этого вывода: «вотъ причина». Къ этимъ мнѣніямъ Соколовскій прибавляетъ свое; по его мнѣнію, слова Отелло значать: «Измѣна есть достаточная причина, чтобы убить ее. Убійство будетъ основательно».

Стр. 355. Отелло: *Вотъ такъ, вотъ такъ!*

Нѣкоторые видятъ въ этихъ словахъ доказательство, что Отелло, не задушивъ Дездемону, закалываетъ ее. За это говоритъ также то, что Дездемона произноситъ далѣе еще нѣсколько словъ; это было бы невозможно, если бы она умерла отъ удушенія. Но Отелло въ началѣ сцены самъ говоритъ:

Но не хочу пролить я эту кровь,

Я не хочу царапать эту кожу.

Остается предположить, что Шекспиръ не зналъ, что удушенные не могутъ придти въ себя передъ смертью, сказать нѣсколько словъ и потомъ все таки умереть отъ удушенія.

Стр. 355. Отелло: *А крику было много.*

Въ подлинникѣ: «Шумъ былъ силенъ»: шумъ, производимый Эмилией за дверью.

Стр. 357. Эмилиа:

Она ужъ слишкомъ горячо

Любила свой несчастный, скверный выборъ.

Дословно: «свою грязную покупку». Эмилиа хочетъ сказать, что Дездемона слишкомъ любила своего избранника, чтобы измѣнить ему.

Не страшень мнѣ твой мечъ.

Очевидно, въ этотъ моментъ Отелло грозитъ Эмилии.

Стр. 358. Эмилиа: *Я и тогда такъ думала.*

Она вспоминаетъ о томъ, какъ Яго отнялъ у нея платокъ Дездемоны.

Стр. 358 Отелло:

То былъ платокъ, который мой отецъ

Далъ матери моей.

Шекспиръ забылъ, что по первому разсказу Отелло (стр. 332), этотъ платокъ получила его мать отъ волшебницы-цыганки.

Стр. 360. Отелло: *О, дорогой мерзавецъ.*

Это странное выраженіе Шекспиръ употребляетъ также въ «Цимбелинѣ» (д. III. сц. 5 и д. IV, сц. II). Одно изъ первыхъ изданій даетъ pernicious (опасный) вмѣсто precious (дорогой). Соколовскій переводитъ «О, кровопійца гнусный». Боденштедтъ: «рѣдкій злодѣй» (ausgesuchter Bösewicht).

Стр. 361. Отелло: *Я на ноги смотрю его.*

По распространенному повѣрью чертъ сохраняетъ лошадинное копыто при всѣхъ своихъ превращеніяхъ.

Стр. 362. Отелло: *...какъ глупецъ-индіецъ, я отбросилъ жемчужину.*

Въ одномъ изъ первыхъ изданій вмѣсто base Indian читается base Judean — низкій еврей, въ чемъ видятъ намекъ на царя Іудейскаго Ирода, отвергшаго такую жемчужину, какъ супруга его Маріамна.

Что разъ одинъ въ Алеппо.

Алеппо — малозіатскій городъ — выбранъ, можетъ быть, намѣренно, чтобы показать всю силу мужества Отелло, который не побоялся зарѣзать турка въ средоточіи турецкаго могущества.

Стр. 362. Лодовико: *Спартанскій песъ*.

Спартанскія собаки считались особенно злобными и употреблялись для медвѣжьей травли.